

БРАЙАН СТЕЙВЛИ

Брайан Стейвли
создал сложный мир
с удивительным
богатством деталей...

LIBRARY JOURNAL
(STARRED REVIEW)

ОГНЕННАЯ КРОВЬ

ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА. КНИГА 2

Звезды новой фэнтези

Брайан Стейвли

Огненная кровь

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Стейвли Б.

Огненная кровь / Б. Стейвли — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-21650-1

Заговор с целью уничтожения правящей семьи Аннура далек от завершения. Дочь императора Адер, узнав, кто именно убил отца, приходит в замешательство. Она принимает решение покинуть Рассветный дворец, чтобы найти союзников и бросить вызов тем, кто замыслил свергнуть с трона династию Малкенианов. Немногие доверяют ей, но под покровительством древней богини света Адер удается собрать армию под свои знамена. Тем временем у границы империи собираются несметные полчища воинственных кочевников, с которыми вступает в сговор отступник из элитного боевого подразделения, Валин, брат Адер. Оба они преследуют одну цель – отомстить за смерть отца, однако столкновение между ними кажется неизбежным... Тем временем Каден, законный наследник Нетесаного трона, проникает в столицу Аннурской империи с помощью двух странных спутников. Они обладают особыми знаниями, которые могут спасти Аннур или уничтожить его... «Огненная кровь» – вторая книга трилогии «Хроники Нетесаного трона». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-21650-1

© Стейвли Б., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Пролог	7
1	10
2	18
3	28
4	38
5	48
6	53
7	62
8	69
9	76
10	80
11	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Брайан Стейвли Огненная кровь

Моей жене

Brian Staveley
THE PROVIDENCE OF FIRE

Copyright © 2014 by Brian Staveley
Map by Isaac Stewart
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Liza Dawson Associates (США) при содействии агентства Александра Корженевского (Россия).

© Г. В. Соловьева, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Пролог

К тому времени, когда Сιοана шагнула с верхней ступеньки лестницы в жестокий ночной холод на вершине башни, легкие у нее горели пожаром, как и улицы далеко внизу. Подъем длился не один час – точнее сказать, полночи. Сопровождавший ее гвардеец не выглядел усталым, но ведь он, как всякий из эдолийской стражи, раз в месяц в полном вооружении взбежал на вершину Копья Интарры и теперь без труда попевал за немолодой императрицей с тремя маленькими детьми. А вот она едва держалась на ногах. Каждая площадка манила остановиться, присесть, прислониться спиной к деревянным опорам лестницы, закрыть глаза и провалиться в сон.

«Уж очень я раскисла, – снова и снова повторяла она себе, потому что только упреками удавалось подстегнуть подгибающиеся ноги. – Разнежили меня мягкие постели».

По правде говоря, она больше беспокоилась за детей, чем за себя. Все они уже поднимались на вершину Копья, но в такой спешке – впервые. Обычно подъем растягивался на два дня, в перерывах можно было подкрепиться и отдохнуть на заранее разостланных рабами перинах. Тогда восхождение было в удовольствие, а до такой свирепой гонки дети еще не доросли. Но муж настаивал. А императору Аннура не противоречат.

– Это их город, – сказал ей Санлитун. – Сердце империи. Они должны его видеть. Впереди их ждут трудности и похуже этого подъема.

Сам-то он не подумал пешком взбираться на башню, поцелуй ее Кент. Крыло кеттрал – пятеро одетых в черное мужчин и женщин с суровыми взглядами – вознесло императора на вершину Копья на своей ужасающе огромной хищной птице. Сιοана понимала причину спешки: город терзали пожары, и мужу нужно было увидеть их сверху, чтобы обдумать план спасения. Аннур не мог дожидаться, пока император одолеет десять тысяч ступеней.

Кеттрал предлагали вернуться и за ней с детьми, но она отказалась. Санлитун уверял, что птица ручная, но ручная не значит кроткая, и Сιοана не собиралась доверять детей когтям твари, способной одним махом порвать на куски быка.

И вот, пока император с высоты командовал тушением пожаров, Сιοана с великим трудом одолевала лестницу, проклиная и требовавшего ее к себе мужа, и свои годы. Эдолиец шагал бесшумно, а вот дети, растеряв первый энтузиазм, выбивались из сил. Адер была старше и сильнее братьев, но и ей было всего десять, и девочка очень скоро начала шумно пыхтеть. Кадену и Валину приходилось хуже. Ступени – позднее человеческое сооружение внутри невероятной древней башни из закаленного стекла – были высоки для коротких детских ног, и мальчики то и дело спотыкались, задевая боками и локтями деревянные перекладины.

Первые тридцать этажей лестница вилась между министерскими канцеляриями и роскошными покоями. Приспособленные для людей комнаты кончались на тридцатой площадке. Выше тянулась представлявшаяся бесконечной прозрачная скорлупа, где шаткая лестница, подвешенная в центре невиданной стеклянной колонны, витками поднималась вверх и вверх в огромной пустоте. Еще через сто шагов она пронизывала тюремную площадку из сплошной стали – и карабкалась дальше. Днем могло показаться, будто взбираешься внутри столба чистого света. А вот ночью пустота вокруг кружила голову и даже пугала. Ничего, кроме винтовой лестницы в темноте и гневного зарева горящего Аннура за стенами Копья.

Муж требовал не медлить, но Сιοана, решив, что город может гореть и без них, на каждой площадке уговаривала детей передохнуть. Однако Адер скорее умерла бы, чем разочаровала отца, а Валин с Каденом, как бы плохо им ни приходилось, угрюмо держались, молча поглядывая друг на друга в откровенной надежде, что брат сдастся первым.

Выбравшись наконец из люка на вершине, все трое валились с ног, поэтому Сιοана раскинула руки, отгораживая детей от парапета на краю продутой ветром вершины Копья

Интарры. Могла бы не трудиться. Эдолийцы – Фултон и Бирч, Иан и Трелл – уже обступили детей, даже здесь храня их от неуклонной и невидимой угрозы. Она, с проклятиями на языке, обернулась к мужу, но осеклась перед лицом пожиравшего город пожара.

Конечно же, они видели его изнутри Копья – разбитые стеклянными стенами яростные отблески, – но отсюда, с невероятной высоты башни, улицы и каналы казались линиями на карте. Протянув руку, Сеоана ладонью закрыла бы целые кварталы: Кладбищенский или Нижний рынок, Западные псарни или Доки. А вот потушить пожар не сумела бы. В начале подъема докладывали, что горит на западной окраине Аннура – злое пламя ограничивалось десятком улиц. Но за время их нескончаемого восхождения огонь распространился, ужасающе распространился, пожрав все к западу от дороги Призраков, и теперь, раздуваемый свежим ветром с моря на западе, лизал восточный конец дороги Богов. Она попробовала подсчитать, сколько сгорело домов, сколько оборвалось жизней. Но не сумела.

Санлитун обернулся на стук захлопнувшейся крышки люка. Сколько лет они были женаты, а она до сих пор терялась под его взглядом. Адер и Каден унаследовали горящие радужки отца, но в детских глазах свет казался теплым, дружелюбным, как огонь камина зимой или солнечный блеск. Глаза Санлитуна горели ровным бесстрастным пламенем, в их свете не было ни тепла, ни дыма. И лицо его ничего не выражало. Можно было подумать, он полночи любовался, как звезды движутся своим путем в темноте или лунном сиянии над волнами, а не сражался с губившими его город пожарами.

Она почувствовала, как подтянулась Адер под взглядом Санлитуна. Потом, у себя в покоях, девочка рухнет без сил, но в присутствии отца, как ни дрожали измученные подъемом ноги, она отказывалась опереться на мать. Глаза Кадена при виде города сделались круглыми как плоски. Казалось, он один здесь, наверху, – семилетний ребенок наедине с пламенем. Только Валин ухватился за ее руку, переплел ее пальцы своими, маленькими, и переводил взгляд с пожара на отца и снова на пожар.

– Вы успели, – сказал император, указывая на темные городские кварталы.

– Что успели? – резко откликнулась Сеоана, задыхаясь от гнева. – Посмотреть, как сгорят десять тысяч людей?

Ответив ей долгим взглядом, муж кивнул.

– В том числе, – тихо сказал он и обернулся к стоявшему рядом писцу.

– Пусть поджигают, – велел он. – По всей длине Анлатунской дороги – от южной до северной границы города.

Писец прилежно склонился над пергаментом, начертал кистью несколько слов, приподнял листок, давая туши высохнуть, а потом поспешно свернул, засунул в бамбуковую трубку и опустил ее в узкую шахту посередине Копья. Сеоана поднималась на Шаэлем клятую башню полночи, а приказ императора будет на месте в считанные мгновения!

Отдав распоряжение, Санлитун вновь обернулся к детям:

– Вы поняли?

Адер прикусила губу. Каден молчал. Только Валин шагнул вперед, сощурившись от огня и ветра. Он повернулся к укрепленным на парапете длинным трубам с линзами, взял одну и поднес к глазам.

– Но Анлатунская не горит, – возразил он, посмотрев в окуляр. – Огонь еще несколькими кварталами западнее.

Отец кивнул ему.

– Зачем тогда...

Мальчик не договорил, в его темных глазах мелькнуло понимание.

– Ты зажигаешь второй пожар, – сказала Адер, – против первого.

Санлитун снова кивнул:

– Оружие будет щитом. Враг станет другом. Сгоревшее больше не загорится.

Очень долго семья стояла молча, не сводя глаз с прогрызающего себе путь на запад пожара. От трубы с линзами отказалась только Сеоана. Она и без нее видела все, что нужно. Огонь медленно и неумолимо продвигался вперед, пока против его красно-золотого ужаса не вспыхнул западный конец города. Загорелись новые огни – поначалу отдельные точки быстро слились в прямую линию и превратили западный край широкой Анлатунской дороги в огненную реку.

– Получилось, – заметила Адер. – Новый пожар идет на запад.

– Хорошо, – резко сказала Сеоана, поняв наконец, что хотел показать им муж, чему хотел научить; ей вдруг отчаянно захотелось уберечь детей от этого зрелища и этой науки. – Хватит с них.

Она потянулась, чтобы забрать у Адер трубу, но девочка отдернула ее и вновь направила на двойной пожар. Встретив гневный взгляд жены, Санлитун поймал ее руку.

– Нет, – тихо сказал он. – Не хватит.

Каден наконец понял.

– Люди! – вскрикнул он. – Они разбегались, спасались на востоке, а теперь им не уйти!

– Они попались! – Адер выронила трубу и развернулась к отцу лицом. – Они в ловушке!

Сделай что-нибудь!

– Он уже все сделал, – предположил Валин (страшно было видеть надежду в обращенных на императора детских глазах). – Ты ведь уже отдал приказ? До того, как мы пришли? Ты их предупредил...

Мальчик осекся, прочитав ответ в холодном сиянии отцовских глаз.

– Что я мог приказать? – заговорил Санлитун голосом тихим и неумолимым, как ветер. – Между линиями пожаров живут тысячи людей, Валин. Десятки тысяч. Многие бежали, но как мне спасти тех, кто не успел?

– Но ведь они сгорят, – прошептал Каден.

Император медленно кивнул:

– Уже горят.

– Зачем?! – воскликнула Сеоана.

Она не знала, плачет ли по горящим в своих домах горожанам, чьи крики не долетали на высоту башни, или по своим детям, в ужасе уставившимся на далекие огни.

– Зачем им это видеть?

– Когда-нибудь империя перейдет им.

– Чтобы править, защищать – а не губить!

Санлитун все еще держал ее за руку, но взгляда не сводил с детей.

– Они не смогут править империей, – проговорил он с глазами немymi, как звезды, – пока не будут готовы увидеть ее в огне.

1

Стараясь не замечать ни холода гранита под собой, ни жара бьющего в спину солнца, Каден уй-Малкениан подвинулся вперед, чтобы лучше видеть разбросанные внизу каменные строения. Резкий ветер, принесший стынть нерастаявших снегов, драл ему кожу. Он вздохнул, вытягивая тепло изнутри, разгоняя по телу, сдерживая подступающую дрожь. Хоть этому он хорошо выучился за годы монашества. Этому – и больше почти ничему.

Валин рядом с ним шевельнулся, окинул взглядом пройденный путь и снова обратился вперед.

– Вы по этой тропе бежали? – спросил он.

Каден мотнул головой:

– Мы прошли вон там. – Он указал на силуэты каменных шпилей на фоне неба. – Под Когтем, потом восточней Скачка Бьюри, Черного и Золотого Ножей. Шли ночью, а там зверская круча. Надеялись, что тяжеловооруженные солдаты за нами не угонятся.

– Удивляюсь, что угнались.

– Вот и я удивился, – кивнул Каден.

Он приподнялся на локтях, чтобы заглянуть за каменный гребень, но Валин оттащил его назад.

– Голову не высовывайте, ваше сияние, – проворчал он.

Ваше сияние! Титулование до сих пор звучало неестественно, казалось неверным и хрупким, словно весенний лед на горном озерце, когда вся его искрящаяся гладь стонет под ногой, готовая дать трещину при первом неосторожном шаге. Слышать это обращение от других было нелегко, а уж от Валина – почти невыносимо. Они, хоть и провели долгие годы врозь, хоть и стали теперь, нажив каждый свои тайны и шрамы, взрослыми, самостоятельными и почти чужими друг другу, все же были братьями. Без малого десять лет обучения не могли стереть из памяти Кадена образ того бесшабашного мальчишки, с которым он гонял по переходам Рассветного дворца, играя в клинки-разбойники. Официальный титул в устах Валина словно вымарывал его прошлое, уничтожал детство, замещая его жестоким настоящим.

Монахи, конечно, сказали бы, что так и надо. «Прошлое есть сон, – говорили они. – Будущее есть сон. Существует только сейчас». А значит, те же монахи, вырастившие и воспитавшие его, теперь уже не люди. Они – падаль, трупы, разбросанные по уступам внизу.

Валин, ткнув пальцем за укравшие их камни, оторвал брата от размышлений:

– Мы по-прежнему далеко, но у ублюдков, перебивших твоих друзей, могут быть подзорные трубы.

Каден насупился, возвращаясь к действительности. Он и не вспомнил о трубах: если ему и требовалось напоминание, как мало замкнутая жизнь в Ашк-лане подготовила его к коварным течениям жизни мирской, то вот оно. Он научился рисовать, медитировать, целыми днями носиться по крутым тропам, но рисование, бег и медитация – плохое средство против заговорщиков, убивших его отца, перерезавших монахов хин и чуть не убивших его самого. Каден не в первый раз поймал себя на зависти к воинской подготовке Валина.

Восемь лет Каден усмирлял в себе надежды и желания, страхи и печали, вел нескончаемую битву с самим собой. Хин снова и снова повторяли свою премудрость: «Надежда режет острее стали. Желание есть лишение. Заботы есть смерть». В их словах крылась истина – куда больше истины, чем представлялось Кадену, когда он ребенком попал в горы, – но если он чему и научился за последние кровавые, полные смерти и смятения дни, так это пониманию пределов этой истины. Оказалось, что и сталь бывает достаточно остра. И пусть цепляться за свое «я» смертельно опасно, только вот нож в сердце убивает вернее.

Последние несколько дней враги Кадена множились куда быстрее его личных неудач, и эти новые враги носили блестящие доспехи, сжимали в руках мечи и произносили тысячи лживых слов. Чтобы выжить, чтобы занять место отца на Нетесаном троне, он должен разбираться в подзорных трубах и мечах, в политике и в людях – во всем, чем пренебрегали хин, целиком отдавшись обучению послушников трансу пустоты, ваниате. На восполнение пробелов могут уйти годы, а у него этих лет нет. Отец погиб, уже несколько месяцев как мертв, а значит, Каден уй-Малкениан, готов он к этому или нет, теперь император Аннура.

«Пока меня кто-нибудь не прикончит», – добавил он про себя.

Учитывая события последних дней, такой исход представлялся разительно правдоподобным. Люди с оружием, получившие приказ убить его и уничтожить монастырь, достаточно пугали Кадена, и уж вовсе не верилось, что это были представители эдолийской гвардии, присягнувшей его защищать, а распоряжение им отдавали аннурцы с самой вершины имперской пирамиды власти. Пожалуй, возвращение в столицу, чтобы занять Нетесаный трон, представлялось самым верным способом помочь врагам завершить начатое.

«Конечно, – угрюмо размышлял Каден, – чтобы погибнуть в Аннуре, мне пришлось бы сперва добраться до Аннура, а это само по себе можно было бы считать победой».

Валин указал на кромку укрывавшего их каменного бруствера.

– Когда выглядываешь, двигайся медленно, ваше сияние, – посоветовал он, – движение привлекает взгляд.

Хоть это Каден и сам знал. Много лет выслеживая скалистых львов и потерявшихся коз, он научился быть незаметным. Он перенес вес тела на локти и мало-помалу продвинулся туда, где его глаза оказались выше невысокого каменного хребта. Внизу, чуть западнее, может в четверти мили от них, примостился на узком скальном уступе под огромным острым пиком одинокий монастырь Ашк-лан, убежище монахов хин и дом Кадена.

Вернее, то, что от него осталось.

Каден помнил Ашк-лан холодным, но светлым, дочиста выскобленным – строгой громадой серого камня на фоне голубой тверди неба. Он прятался среди широких снежных языков, выбрасывавших блестящие ленточки рек, среди блеска льда на серых обрывах. Эдолийцы с ним покончили. На уступах и валунах чернели широкие полосы копоти, от можжевельника огонь оставил только почерневшие пни. Трапезная, зал медитации и спальный корпус превратились в развалины. Светлый камень стен не горел, зато деревянные балки, кровли, оконные рамы и широкие двери уступили пламени и, обвалившись, увлекли за собой часть кладки. Даже небо потемнело, замаранное жирным чадом пожарища.

– Вон они, – заговорил Валин, указывая на движущиеся на северном краю монастыря фигурки. – Эдолийцы. Разбили лагерь. Должно быть, ждут Мисийю Ута.

– Долго будут ждать! – ухмыльнулся Лейт, подобравшись к братьям.

До знакомства с крылом Валина Каден знал о кеттрал, самых таинственных и смертоносных воинах Аннура, только из детских сказок. Его воображение рисовало мрачных убийц-разрушителей с пустыми глазами, по колено в крови. В чем-то сказки не врал: черные глаза Валина были холодней прошлогодних углей, а Лейт, пилот его крыла, как будто и думать не думал об оставшихся внизу развалинах и трупах. Несомненно, это солдаты, дисциплинированные, отлично обученные, – только вот Кадену они казались слишком юными.

Лейт охотно улыбался, с явным удовольствием злил Гвенну и дразнил Анник, заскучав – а скучал он часто, – барабанил пальцами по колену... Все это хин выбили из Кадена еще на первом году учения. Не сомневаясь, что крыло Валина умеет и летать, и убивать, Каден все же ловил себя на тревожной мысли: готовы ли эти юнцы к предстоящей трудной дороге? Нет, он и сам к ней не готов, но приятно думать, что хоть кто-то владеет положением.

Мисийю Ута, по крайней мере, опасаться не приходилось. Могучего эдолийца в полном вооружении и доспехе убила немолодая женщина с парой ножей в руках – Кадену нелегко было

бы в это поверить, если бы он своими глазами не видел тела. Глядя на труп, он ощутил в себе приглушенное удовлетворение, как будто гряда металла и мертвой плоти отчасти уравновесила весы, на другой чаше которых лежали остальные погибшие.

– Не возьмется ли кто протаскать в их лагерь труп Ута? – предложил Лейт. – Можно пристроить его так, будто он захрапел, упившись эля. Интересно знать, скоро они заметят, что мерзавец не дышит?

Он, подняв брови, поглядел на братьев:

– Не хотите? Что, мы здесь не за этим?

Они вернулись к Ашк-лану утром: перелетели на запад от своего убогого лагеря в сердце Костистых гор – того самого лагеря, где сразились с преследователями и перебили их. С эдолийцами и с изменниками кеттрал. Перед отправлением довелось горячо поспорить: все сходилось на том, что надо слетать посмотреть, нет ли выживших, и попытаться выведать что-нибудь у аннурских солдат, которых Ут и Тарик Адив в погоне за Каденом оставили позади. А спорили, кому лететь.

Валин полагал рискованным брать кого-то, кроме собственного крыла, но Каден напомнил: чтобы разобраться в паутине козых тропок вокруг монастыря, ему нужен знающий местность человек. Первым кандидатом, конечно, представлялся Рампури Тан: он лучше Кадена знал Ашк-лан, не говоря о том, что в отличие от ученика был настоящим бойцом, – и сам пожилой монах, как видно, не сомневался, что будет участвовать в вылазке, несмотря на слова Валина. А вот Пирр доказывала: возвращаться в монастырь вообще глупо.

– Монахи мертвы, да распустит Ананшаэль вязанье их девственных душ, – напомнила она. – Тормоша трупы, вы им ничем не поможете.

Каден задумался, каково быть убийцей, поклоняться богу смерти, сжиться со смертью до того, что та не пугает и не удивляет. Однако он хотел вернуться не ради погибших. Оставался зыбкий шанс, что солдаты перебили не всех монахов – кого-то захватили в плен. Он сам не знал, что мог бы сделать в этом случае, и все же при поддержке крыла надеялся освободить одного-двоих. И уж по крайней мере, увидел бы все своими глазами.

Тан отмел это соображение как сентиментальную дурь. Он считал нужным вернуться, чтобы понаблюдать за уцелевшими эдолийцами, разведать что-нибудь об их намерениях. Чувство вины, мучившее Кадена, представлялось Тану лишним доказательством, что тот так и не научился подлинной отстраненности. Наверное, старый монах был прав. Настоящий хин с корнем бы вырвал те тугие кольца, что сжимали ему сердце, и один за другим срезал бы шипы чувств. Вот только хин, не считая Тана и самого Кадена, не осталось в живых: все двести монахов убиты – из-за него – в одну ночь; двести мужчин и мальчиков, стремившихся лишь к бесстрастной пустоте ваниате, сожгли и зарезали во сне, чтобы не осталось свидетелей нападения аннурцев. Что бы ни произошло в Ашк-лане, это случилось из-за Кадена. Он не мог туда не вернуться.

С остальным было проще. Валин командовал крылом. Валин повиновался императору, так что, сколько бы ни возражали Тан с Пирр и что бы ни думал он сам, Валин кивнул, подчиняясь, и вместе с крылом доставил Кадена к тому, что осталось от его дома в горах. Чтобы их не увидели из монастыря, они опустили чуть восточнее и последние мили покрыли пешком. Шагалось легко, большей частью под уклон, но с каждым шагом у Кадена сильнее теснило в груди.

Эдолийцы не потрудились скрыть следы бойни. Не было нужды. Ашк-лан лежал за пределами империи, слишком высоко для ургулов, слишком далеко к югу для эдов, просто слишком далеко для купцов и торговцев, поэтому тела в бурых рясах остались валяться на главном дворе – обгоревшие или срубленные на бегу – и засохшая кровь пятнала камни.

– Полно монахов, – кивнул в сторону монастыря Лейт, – и все мертвее некуда.

– А те? – Валин указал на людей, которые сидели рядом, поджав под себя ноги и устремив неподвижные взгляды на равнину за краем уступа. – Они живы?

Лейт поднял подзорную трубу.

– Не-а! Зарезаны. Ножом в спину. – Он покрутил головой. – Не пойму, чего ради они там торчали. Они же не связаны.

Каден осмотрел обмякшие тела и закрыл глаза, воображая, как все было.

– Они не пытались бежать, – сказал он. – Они искали спасения в состоянии ваниате.

– Ага-а... – насмешливо протянул пилот. – Непохоже, чтобы нашли.

Разглядывая мертвых, Каден вспоминал потрясающую эмоциональную пустоту – ни страха, ни гнева, ни волнений. Он пытался представить, как монахи сидели, уставившись в широкую зеленую степь, пока в нескольких шагах позади горел их дом, как созерцали холодные звезды, подставляя ножу спины.

– Никогда не знаешь, чего ждать от ваниате, – тихо сказал он.

– Вот уж неожиданностями я сыт по горло, – проворчал Валин.

Он перекатился на бок, чтобы видеть Кадена, и тот снова поймал себя на мысли, что ищет брата – того, которого знал, – под рубцами и шрамами, за неестественно черными глазами. Маленький Валин был смешлив и улыбочив, а Валин-солдат выглядел таким загнанным и измученным, словно даже небу над собой не доверял, словно сомневался даже в собственной намозоленной руке, сжимающей обнаженный меч.

Каден уже знал в общих чертах, что и Валина преследовали заговорщики, желавшие покончить с родом Малкенианов. В чем-то Валину пришлось хуже. Эдолийцы нанесли внезапный и жестокий удар прямо в сердце Ашк-лана, но эти люди были Кадену незнакомы, и коварство выпада не задело его за живое. А лучшую подругу Валина убили его же соратники. Военный орден, которому Валин посвятил жизнь, подвел его – подвел или предал. Каден с тревогой думал, что в заговоре замешано командование кеттрал, само Гнездо. Понятно, почему Валин был измотан и насторожен, но читалось в его взгляде что-то еще: темнота глубже страдания и горя, и эта темнота тревожила Кадена.

– Подождем здесь, в укрытии, пока не вернутся Анник с Талалом и Гвенной, – сказал Валин. – Если те не отыщут выживших монахов, уйдем туда, откуда пришли, и оседлаем нашу птичку, поцелуй ее Кент.

Каден кивнул. На пути сюда в глубине живота завязывалось напряжение – тугой узел потерь, горя и гнева. Он принялся распускать этот узел. Он добился поиска уцелевших, но, по всей видимости, никто не спасся. Остаточные эмоции не сулили ничего хорошего, только мутили рассудок. Однако, сколько он ни пытался сосредоточиться на дыхании, в памяти, как сейчас, в поразительных подробностях всплывали лица Акйила, Патера, Шьял Нина. Где-то там, среди обгоревших построек, лежали все, кого он знал, и, не считая Рампури Тана, все, кто знал его.

Любой другой, не прошедший школу хин, на его месте утешался бы надеждой, что со временем эти лица поблекнут, память притупится, но монахи научили его помнить. Образы убитых друзей навсегда останутся яркими и живыми; сохранятся во всех ужасных подробностях и очертания их распростертых тел. «Вот потому-то, – мрачно сказал себе Каден, – ты и должен отвязать чувства от фактов». Хин научили его и этому, один навык уравнивал другой.

Позади тихо зашуршала о камни ткань. Обернувшись, он увидел рядом Анник и Талала – снайпершу и лича из крыла. Оба скользили на животах по каменным плитам, словно отроду передвигались подобным образом. Подбравшись вплотную к Валину, Анник первым делом наложила на тетиву лука стрелу, а Талал просто покачал головой.

– Плохо дело, – тихо сказал он. – Ни одного пленника.

Каден молча разглядывал лича. Удивительно: мужчины и женщины, которых во всем Аннуре сжигали живьем или забивали камнями за их противоестественные способности, открыто служили среди кеттрал. Каден всю жизнь слышал, что личи опасны и ненадежны, что странные силы искажают их рассудок. Он, как и все, вырос на рассказах о личах-кровопийцах, личах – лжецах и ворах, об ужасных личах-правителях, атмани, расшатавших своей гордыней империю, которой покушались править.

«Еще один пример того, как мало я знаю», – напомнил себе Каден.

За эти несколько коротких, трудных дней после бойни и спасения он не раз пытался заговорить с Талалом, хоть немного узнать этого человека, но лич-кеттрал был молчаливее и сдержаннее остального крыла. Он неизменно оставался вежлив, но расспросы мало что давали Кадену, и после десятого или двенадцатого уклончивого ответа тот решил меньше говорить и больше наблюдать. Перед вылетом он заметил, как Талал мажет угольком от костра блестящие кольца в ушах, потом браслеты и перстни, добиваясь, чтобы металл сравнялся темнотой с его кожей.

– Почему бы просто не снять их? – спросил он.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – медленно покачал головой Талал.

«Колодец!» – сообразил Каден.

Каждый лич черпал свою силу из определенного источника. Рассказывали о людях, вытягивавших силу из камня, о женщинах, обращавших в свою пользу терзающий людей ужас. Металлические колечки выглядели вполне невинно, но Каден поймал себя на том, что тарасится на них, словно на ядовитых пауков. Он с трудом затоптал огонь эмоций и заставил себя видеть человека, каков он есть, а не образ из страшных сказок. По правде сказать, из всего крыла Валина Талал казался самым надежным и самым вдумчивым. Его способности пугали, но Валин, кажется, доверял личу, а у Кадена не так много осталось союзников, чтобы поддаваться предрассудкам.

– В этих скалах можно искать целую неделю, – произнес Талал, указывая на зубцы утесов. – Если пара монахов и выскользнули за оцепление, зная местность, в темноте...

Бросив взгляд на Кадена, он не стал заканчивать фразу, а в глазах его мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– В юго-восточном квадранте чисто, – сообщила Анник.

В отличие от Талала, который опасался задеть чувства Кадена, лучница была к ним равнодушна. Она говорила рублеными фразами, едва ли не со скукой в голосе, а льдистыми голубыми глазами без усталости обшаривала окружающие скалы.

– Следов нет. Крови нет. Славная была атака. Для эдолийцев.

Многочисленная оговорка. Эдолийцы считались лучшими воинами Аннура, проходили тщательный отбор и, не жалея сил, готовились охранять императорскую семью и важных гостей. Каден не представлял, как удалось склонить часть гвардейцев к измене, зато откровенное презрение Анник много говорило о ее собственных способностях.

– Что они там делают? – спросил Валин.

– Едят, спят, чистят оружие, – пожал плечами Талал. – Про Ута и Адива еще не знают. Нас не заметили, и не в курсе, что мы перебили гнавшихся за Каденом солдат.

– Долго они здесь пробудут? – спросил Каден.

Он видел, что убийцы сделали свое дело, но все же что-то тянуло его спуститься вниз, обойти развалины, заглянуть в лица павших.

– Не возьмусь предсказать, – ответил Талал. – Им неоткуда узнать, что преследовавший вас отряд погиб.

– На такой случай должны быть инструкции, – заметила Анник. – Ждать два-три дня, потом начать поиски или отступить.

Лейт закатил глаза:

– Ты не поверишь, Анник, но не все рабски блюдут инструкции. Возможно, у них вовсе нет плана.

– И потому, – холодно ответила снайперша, – если дойдет до драки, мы их перебьем.

– До драки не дойдет, – покачал головой Валин. – Там, должно быть, человек семьдесят-восемьдесят...

Его прервала тихая, но свирепая брань за спиной.

– Халом драный ублюдок, поцелуй его Кент! – плевалась Гвенна, легко переваливаясь через каменный гребень и падая в низкую боевую стойку. – Шлюхин сын, жополиз...

– Тише там! – развернулся к ней Валин.

Рыжая небрежно отмахнулась:

– До них четверть мили, Валин, и ветер в нашу сторону. Не услышат, хоть бы я во весь голос орала боевой гимн Шаэлем клятых кеттрал.

И такой вольности Каден тоже дивился. По Рассветному дворцу ему помнилось, что дело солдат – четко салютовать и повиноваться без рассуждений. А крыло Валина, хоть и оставляло за командиром последнее слово во всех решениях, в остальном ничуть не выказывало ему почтения. Вот эта, Гвенна, просто плевать хотела на субординацию. Каден подметил раздражение на лице брата: стянулась кожа у глаз, сжались челюсти.

– О котором ублюдке речь? – осведомился Лейт. – В последние дни их вокруг полно.

– Адив, хрен крученный, – пояснила Гвенна, мотнув головой в сторону северо-востока. – Надутый, с повязкой на глазах.

– Мизран-советник, – тихо вставил Каден.

Один из высших постов в империи, притом не военный. Каден, еще не подозревая предательства, удивлялся, почему такой человек прибыл с эдолийцами. Теперь это стало лишним доказательством – если он еще нуждался в доказательствах, – что заговор захватил самых доверенных обитателей Рассветного дворца.

– Кем бы он ни служил, он там, – ответила Гвенна. – Пешком тащится со стороны гор. Сотня-другая шагов в сторону – и наткнулся бы на нашу птицу.

Валин сквозь зубы втянул воздух.

– Мы знали, что Тарик Адив жив, – тела ведь не нашли. Теперь знаем, где он. Балендина не видела?

Гвенна покачала головой.

– Хоть что-то, – заметил Валин.

– Да ну? – удивился Лейт. – Балендин из них двоих наверняка опаснее.

– Почему ты так считаешь? – спросил Каден.

Лейт вытаращил глаза.

– Да ведь Балендин кеттрал! – выпалил он так, словно это все объясняло. – Прошел ту же подготовку, что и мы. И к тому же он лич.

– Адив тоже лич, – напомнил Талал. – Потому они и нашли след Кадена в горах.

– А я думал, они пустили по следу пауков, – сказал Лейт.

Талал кивнул:

– Но кто-то должен был ими управлять, держать их в руках.

– Теперь уж не важно, – попытожил Валин. – Балендин пропал, а Адив здесь. Будем исходить из того, что есть.

– Я его вижу, – сказала Анник.

За время разговора лучница бесшумно переместилась в укрытие между двумя валунами и до половины натянула тетиву.

Каден заглянул за гребень. Он не сразу высмотрел человеческую фигуру, ковылявшую по мелкому руслу в трехстах шагах от них. Лица советника он на таком расстоянии не различал,

но красный плащ, золотые обшлага и порядком потускневший, но все же бликующий воротник исключали ошибку.

– Быстро добрался, – заметил Талал.

– У него были ночь, день, еще одна ночь и утро, – презрительно буркнула Гвенна. – А от места, где мы его потеряли, не больше семидесяти миль.

– Я и говорю, быстро добрался, – подтвердил Талал.

– Думаешь, он смошенничал? – спросил Лейт.

– Думаю, он лич, – ответил Талал.

– Это... да, – ухмыльнулся пилот.

– Когда в другой раз попадем в переделку, – сверля его взглядом, отозвался Талал, – напомним мне, чтобы не «мошенничал».

– Снять его? – спросила Анник.

Она уже натянула тетиву до уха и, несмотря на огромное, должно быть, усилие, застыла как каменная. Каден снова выглянул за гребень. С такого расстояния он едва различал повязку на глазах Адива.

– А не слишком далеко?

– Не слишком.

– Стреляй, Анник, – велел Валин и обернулся к брату. – Она попадет. Как – меня не спрашивай.

– Сейчас, – помедлив, проговорила Анник. – Он проходит за камнями.

Каден перевел взгляд с нее на Валина, потом на каменистую лошину, в которой скрылся Адив. Они часами лежали на брюхе, выжидая и наблюдая, а теперь все вдруг завертелось. Он полагал, что за ожиданием последуют беседы, размышления, перебор фактов и обмен мнениями. И вдруг, без всяких разговоров, человек умрет – изменник и убийца, но все же человек.

Кеттрал это, как видно, не волновало. Гвенна с Валином смотрели за скалы: подрывница – с нетерпением, Валин – с молчаливой сосредоточенностью. Лейт задирал Талала:

– Ставлю серебряную луну, она прикончит его с первого выстрела.

– Против Анник ставить не буду, – ответил лич.

Пилот выругался.

– А сколько поставишь на нее? Десять к одному, что промажет?

– Разве что пятьдесят, – ответил Талал, откинувшись гладким затылком на камень и вглядываясь в небо.

– Двадцать.

– Нет, – сказал Каден.

– Ладно, двадцать пять.

– Никаких ставок, – договорил Каден, тронув Валина за плечо. – Не убивайте его.

Валин, оторвав взгляд от долины, обернулся к брату:

– Что?

– О, Шаэлева любовь! – возмутилась Гвенна. – Кто здесь командир крыла?

Валин ее не слушал. Он сверлил Кадена черными, поглощающими свет глазами.

– За всем этим стоит Адив, ваше сияние, – заговорил он. – Он и Ут. Они убили монахов, они пытались убить вас, не говоря уж о том, что явно замешаны в убийстве нашего отца. Ута больше нет, значит там внизу главный – Адив. Убив его, мы отсечем зверю башку.

– Снова держу его, – сообщила Анник.

– Не стреляй, – настаивал Каден, мотая головой в усилиях разобраться в своих мыслях.

Много лет назад он, ловя отбившуюся козу, оступился на берегу Белой реки и свалился с обрыва в воду. С великим трудом удерживая голову над бурной водой, отталкиваясь от вырастающих над ним валунов, он все время помнил, что через четверть мили река срывается водопадом со скалы. Некогда было помедлить, задуматься, и необходимость действовать привела

его в такой ужас, что, уцепившись наконец за бревно и выкарабкавшись на сушу, он еще долго трясся на берегу. Хин учили его терпеть, но совсем не учили спешить. И сейчас, под взглядами всего крыла, при виде зачерненного углем наконечника стрелы, нацеленной в Адива, он снова почувствовал, что его уносит неустойчивым течением.

– Еще несколько секунд – и он в лагере, – предупредила Анник. – Там его труднее будет достать.

– Почему? – требовательно спросил Валин, вглядываясь в лицо брата. – Зачем он тебе живой?

Каден перелил мятущиеся мысли в русло, а из русла – в речь. Второго случая сказать то, что следует, не представится. Выпущенную стрелу назад не вернешь.

– Мы его знаем, – медленно начал он. – Он нам нужен. В Аннуре проследим, с кем он говорит, кому доверяет. Он поможет нам раскрыть заговор.

– Ну да, – огрызнулась Гвенна, – а попутно убьет еще десяток-другой человек.

– Уходит, – сказала Анник. – Решайте.

– Да ради Шаэля! – буркнул Лейт. – Кончай его, и все тут. В деталях после разберемся.

– Нет, – торопливо возразил Каден, всем сердцем желая, чтобы брат увидел дальше своего носа, понял его мысль.

Стиснув зубы и сощурился, Валин долго удерживал взгляд Кадена. И наконец кивнул:

– Отставить, Анник. Выполняем приказ.

2

– План – слишком громко сказано, – рассуждала Пирр, откинувшись на большой валун и не открывая глаз, – но хотелось бы думать, что у нас есть хотя бы смутные наметки.

Они без особого труда вернулись от монастыря и встретились с остальными в небольшой ложине, где был разбит лагерь. Кеттрал проверяли оружие, а двое монахов сидели, поджав ноги, на шершавом камне. Тристе же водила пальцами по длинному рубцу на щеке; глаза ее метались от одного человека к другому, словно она не знала, куда смотреть и кому довериться.

С минуту Валин разглядывал красавицу, заново дивясь ходу событий, который привел в такое место эту хрупкую прелестную девушку, накрепко связав ее с солдатами и монахами. Наложница, сказал Каден. Адив подsunул ее Кадену в подарок, чтобы отвлекла молодого императора, пока эдолийцы готовят его убийство. В заговоре Тристе, конечно, не участвовала, а вот отвлечь очень даже могла. Валин, кажется, мог бы смотреть на нее вечность, между тем наблюдать следовало не за ней. Он нехотя перевел взгляд на Пирр Лакатур.

Всматриваясь в эту женщину, он пытался угадать ее интерес. Присягнувшие Черепу всегда представлялись ему зловещим отражением кеттрал: клинки, черные одеяния и беспощадная эффективность. Жрица бога смерти должна быть, по меньшей мере, грозной. Между тем Пирр больше всего походила на жену изнеженного атрепа. Изящная, можно сказать, броская: на пальцах сверкают кольца, волосы перевязаны яркой лентой, скрывающей седину на висках. Узкие штаны и накидка, хоть и изорванные в переделках прошедшей недели, выкроены из тонкого сукна и лестно подчеркивают фигуру. Не похожа на убийцу. На первый взгляд не похожа, но, если присмотреться, признаки налицо: легкость в обращении с ножами – как ловко она перекидывает их из прямого хвата в обратный; привычка устраиваться спиной, вот как сейчас, к камню или скале; явное безразличие к кровопролитию.

И еще запах. Валин не всегда находил слова для того, что стал чувствовать после Халовой Дыры. Яйцо сларна его изменило – яйца изменили их всех. В том, как видно, и состоял смысл последнего испытания кеттрал, когда отравленных кадетов посылали в непроглядную темь огромных пещер Ирска на поиски яиц чудовищных ящеров. Яйца служили противоядием – и не только, далеко не только. Каждый в крыле Валина, как и остальные кеттрал, теперь видел в потемках и слышал почти неуловимые звуки, и все они стали сильнее и крепче прежнего, будто жилистая сила сларнов влилась в их плоть вместе с содержимым яиц. Но одному лишь Валину досталось черное яйцо, охраняемое ящером-королем. Один Валин, содрогаясь под действием яда, испил его смолистую горечь.

Он до сих пор силился разобраться, что сотворило с ним это яйцо. Он за сто шагов слышал стук мелкого камешка по обрыву, он различал когти кружившего в вышине коршуна... и больше того. Бывало, его сердцем овладевала звериная ярость, дикое желание не просто сразиться и убить, не просто выполнить задание, но рвать, рубить, причинять боль. Он в сотый раз вспомнил, как кружил вокруг него сларн, как жадно точил когти о камень. Если сларны проникли в его глаза и уши, не досталась ли им и частица души?

Он отбросил этот вопрос, вернувшись мыслями к наемной убийце. Запах – не совсем точное слово. Бесспорно, чутье у него тоже обострилось: он и за два шага чуял ее пот, аромат волос, но это не дававшееся пониманию чувство было другим. Или тем самым, но больше того. Порой ему казалось, что он сходит с ума, что новые ощущения ему мерещатся, и тем не менее – он теперь чуял эмоции: гнев, и голод, и бесчисленные оттенки страха. Вот душный мускусный запах ужаса и острый запах звенящих нервов. В их потрепанном отряде все в той или иной степени испытывали страх. Все, кроме Рампури Тана и Присягнувшей Черепу.

Каден рассказал, что Пирр явилась в Ашк-лан с заданием защищать его жизнь и в самом деле несколько раз спасла его. При всей ее склонности дразнить Тана и кеттрал, она была

сильным союзником. И все же насколько заслуживает доверия женщина, которая предана лишь Повелителю Могил? Насколько можно доверять женщине, которая, если судить по запаху и по всей повадке, совершенно безразлична к смерти?

– У меня есть план, – ответил Каден, поворачиваясь от Пирр к Тану и Валину.
Валин едва не застонал.

* * *

Прошлой ночью, привязав птицу, трижды обойдя периметр и перепроверив, к великой досаде Гвенны, установленные ею на подходах «звездочки» и «кроты», Валин взобрался на большой обломок скалы чуть поодаль от остальных. Отчасти ради открывавшегося с камня обзора, а отчасти потому, что хотел побыть один, обдумать события последних дней и свою роль в этой жесткой схватке. Там, когда ночь пролила бледные чернила на восточные пики, его отыскал Каден.

– Не вставай, – приказал он, взбираясь к Валину. – Вздумаешь кланяться, сброшу с горы. Он говорил тихим надтреснутым голосом.

Валин обернулся и, помедлив, кивнул, потом снова уставился на лежащий поперек коленей обнаженный меч. Схватка с Сами Юрлом оставила крошечную щербинку посреди клинка дымчатой стали. Он битый час пытался заглазить ее, бережно водя по лезвию точильным камнем.

– Садись. – Он указал на валун рядом с собой. – Ваше си...

– И этого не надо! – простонал Каден и устроился, скрестив ноги, на самом краю. – Оставим до времени, когда нас кто-то слышит.

– Ты император, – напомнил Валин.

Каден промолчал. Раз-другой погладив клинок точилом, Валин поднял глаза и обнаружил, что брат устремил свой огненный взгляд на равнину внизу. В глубине ее уже собирались тени, но заходящее солнце освещало дальний край кровавым лучом.

– Да, – после показавшейся очень долгой паузы заговорил Каден. – Помоги нам всем, Интарра, я император.

Валин замялся, не зная, что сказать. Два дня назад в схватке Каден был холоден, как зимний лед, спокоен и уверен в себе, как кеттрал. Но сейчас эта уверенность куда-то подевалась. Валин видал такое на Островах: мужчины и женщины, ветераны с двадцатилетним опытом, успешно выполнив задание, разваливались, стоило им ступить на землю Карша. Безопасность, осознание, что остался жив, побывав на грани смерти, заставляли солдат – хороших солдат, державшихся днями и неделями в самых жестоких обстоятельствах, – безумно отплясывать, ударяться в слезы или напиваться до беспомыслия на Крючке.

Кеттрал говорили: «Не стыдно плакать у себя в койке». Продолжение фразы никто не произносил вслух, оно повисало в воздухе: плачь в койке сколько влезет, лишь бы через день-другой поднялся и снова стал самым опасным, быстрым и беспощадным ублюдком на четырех континентах. Оставалось понять, обладает ли Каден таким умением восстанавливаться, такой решимостью.

– Ты как? – спросил Валин.

Глупый вопрос, но надо же как-то завести разговор, а Каден, судя по всему, мог так и просидеть ночь напролет, поджав ноги и ни слова не сказав.

– После того, что было внизу, – уточнил он.

За годы обучения Валин повидал многие десятки трупов, научился смотреть на изуверские тела и запекшуюся кровь, как другой, не воспитанный кеттрал, смотрит на говяжий бок или ощипанного петуха. Он даже испытывал своеобразное удовлетворение, читая в следах бойни ответы на вопросы. Как писал Гендран в своей «Тактике»: «Чем мертвее человек, тем

он честнее. Ложь – порок живых». В этих словах было много правды, но Кадена не приучали ворошить трупы – тем более трупы друзей и братьев-монахов. Ему наверняка тяжело было видеть их, хоть бы и издали, обгорелыми и разрубленными на куски.

Каден протяжно вздохнул, передернулся и замер.

– О старших монахах я не думаю, – наконец заговорил он. – Все они достигли ваниате, научились гасить в себе страх.

Валин покачал головой:

– От страха не избавиться. Так не бывает.

– Монахи удивили бы тебя, – сказал Каден, обратив к брату ясный, собранный взгляд. – Но вот дети, особенно послушники...

С закатом поднялся ветер. Он хлестал их, трепал волосы и одежду, теребил балахон Кадена, угрожая стянуть того с камня. Каден как будто ничего не замечал. Валин искал утешительные слова и не нашел. Ученики хин погибли, и, если они не слишком отличались от других людей, умирали они в муках и ужасе – ошеломленными, растерянными, совершенно одинокими.

– Я все думаю, – тихо сказал Каден, – может, надо было сдать?

От такого поворота Валин не сразу опомнился, но потом коротко мотнул головой.

– Нетесаный трон принадлежит тебе, – твердо сказал он, – как принадлежал отцу. Ты не вправе сдаваться из-за нескольких трупов.

– Сотен, – неожиданно резко поправил Каден. – Эдолийцы убили сотни человек, а не несколько. А трон?.. Если мне так уж охота восседать на обломке скалы, их и здесь хватает. – Он махнул рукой в темноту. – Да я уже сижу. И вид отсюда лучше, и никого не надо убивать.

Валин осмотрел клинок, провел пальцем по лезвию, нащупал щербину.

– Ты уверен? – спросил он.

– Ни в чем я не уверен, Валин! – беспомощно рассмеялся Каден. – Давай перечислю, что я точно знаю: след пятнистого медведя, цвет ягоды синики, сколько весит ведро воды...

– Ясно, – перебил Валин. – Я тебя понял. Никто ни в чем не уверен.

Каден не сводил с него глаз; радужки пылали так, что больно было смотреть.

– Я вот что знаю точно: эдолийцы пришли за мной. Монахи погибли из-за меня.

– Это правда, – ответил Валин, – но не вся правда.

– Ты говоришь как монах.

– Да, убийцы целятся в тебя, но на тебе они не остановятся. А теперь послушай, что знаю я. Люди – звери. Куда ни глянь: в Антере, в Кровавых Городах, в племенах из джунглей Поясницы. Да ради бога, посмотри хоть на гребаных ургулов! Люди убивают, чтобы захватить власть, убивают, чтобы сохранить ее, и убивают, чтобы ее не потерять, – то есть почти непрерывно. Даже если мы с тобой останемся в стороне, даже если мы оба умрем, те, кто приходил за нами, никуда не денутся. Они отыщут другую угрозу, другой пугающий голос, другого человека не с тем именем или цветом кожи. Они придут за богатым ради его монет, за крестьянином – ради его риса, за баскийцами, потому что у тех слишком темная кожа, или за бреатанцами, потому что те слишком бледны, – все равно. Люди, убившие монахов, будут убивать снова. Я проходил обучение бок о бок с такими мерзавцами. Они не остановятся только потому, что ты сдался. Они пойдут дальше. Это тебе понятно?

Валин умолк, слова иссякли так же внезапно, как явились. В его висках билась кровь, пальцы до боли сжались в кулаки. Каден смотрел на него – таким взглядом следят за диким зверем, настороженно гадая, что у него на уме.

– Мы его найдем, – наконец произнес он.

– Кого найдем?

– Того кеттральского лича, Балендина. Того, кто убил твою подругу. Мы его разыщем и убьем.

Валин опешил.

– Не обо мне речь! – возмутился он. – Разве я об этом?

– Знаю.

Каден больше не колебался. Взгляд горящих глаз вновь стал отстраненным, словно Валин отделился на много миль.

– Знаю, что не о тебе.

Братья еще посидели, прислушиваясь к рокочущим на дальнем хребте камнепадам. Они гремели, как взрывы кеттральских боеприпасов, только громче; огромные, как дом, глыбы срывались с подтаявших зимних льдов и разбивались о скалистые склоны.

– Итак... – осторожно заговорил Валин. – Больше не будешь нести чушь, что хочешь восседать на камне среди гор?

Каден покачал головой.

– Вот и хорошо. Так что у тебя за план?

В общих чертах Валин о нем уже слышал и надеялся, что милостью Хала Каден за сутки отступился от этой мысли. Надежда разбилась вдребезги, едва он взглянул на брата.

– Я уже говорил, – ответил Каден. – Мы разделимся. Мы с Таном отправляемся к ишшин...

– К ишшин... – Валин покачал головой. – Монашеский орден, еще таинственнее и необычнее твоих хин. Кучка фанатиков, о которых ты ничего не знаешь.

– Они изучают кшештрим, – возразил Каден. – Они выслеживают кшештрим. Ради этого был основан их орден. Старинные легенды о вековой войне, когда люди сражались за жизнь против бессмертных бесчувственных воинов, – для большинства это просто миф, но не для ишшин. Для них война не окончена. Они продолжают сражаться. Чтобы выжить, чтобы победить, я должен знать все, что известно им.

Валин налег на точило и скребнул по стали грубее, чем хотелось. Они с крылом рискнули всем ради Кадена, пустили прахом свое место на Островах и годы обучения. Они уже испытали предательство, плен, чуть не погибли, а сейчас представлялось вполне вероятным, что к тому времени, когда игра будет сыграна, кто-то из них умрет – и не один. Это ничего. Все они понимали, чем рискуют; все они много лет назад согласились ценой собственной жизни защищать императора и империю. А вот отпустить Кадена невесть куда, покорно стоять в стороне, пока брат очертя голову рискует собой, было и глупо, и унижительно. У Валина от такого зубы сводило.

– Твой монах, кажется, не слишком высокого мнения об этом плане, а он ведь знал с теми ублюдками.

Каден шумно выдохнул:

– Прежде чем стать хин, Рампури Тан был одним из ишшин. Много лет.

– Был да сплыл, – заметил Валин и дал последнему слову повисеть в воздухе. – Что говорит не в пользу этой их частной войны.

– Это не частная война, – ответил Каден. – Уже нет. Если кшештрим убили нашего отца – нет.

– Ладно, – сказал Валин. – Понял твою мысль. Так давай полетим туда вместе. Крыло прикроет тебя, пока ты будешь разведывать, что там тебе нужно, а потом все вместе отправимся в Аннур.

Каден задумался, потом покачал головой:

– Я не знаю, сколько времени проведу у ишшин, а вы мне нужны в Аннуре, и как можно скорее. Мы представления не имеем, что происходит в столице.

– Мы знаем, что того жреца, Уиниана, посадили под замок после убийства отца, – напомнил Валин.

– Но что из этого следует?

Валин услышал собственный безрадостный смешок.

– Ну, Уиниан либо виновен, либо не виновен. Может, он из кшештрим, а может, нет. Если он виновен, значит действовал либо в одиночку, либо нет. Я бы сказал, что ему кто-то помогал, – тогда понятнее, как он сумел перетянуть на свою сторону Тарика Адива с Мисией Утом и подчинить по меньшей мере одно крыло кеттрал, но опять же – вдруг они все ударились в религию... – Он покачал головой. – С этой скалы много не разглядишь.

– Потому-то вы и нужны мне в Аннуре, – кивнул Каден. – Чтобы, вернувшись, я хоть немного представлял, с чем предстоит бороться. Тут все решает время.

Валин смотрел на брата. На востоке загорелись первые звезды, но глаза Кадена горели ярче – единственные живые огни в великой темноте гор. И в том, как он сидел, как двигался или не двигался, было что-то, что Валин только смутно угадывал.

– Это не единственная причина, – наконец сказал он. – Мы и правда нужны тебе в Аннуре, но дело не только в этом.

Каден горестно покачал головой:

– Вроде бы монахи меня учили замечать всякое-разное.

– Так что же это? – настаивал Валин.

Поколебавшись, Каден пожал плечами.

– Врата, – наконец сказал он. – Кента. Я должен научиться ими пользоваться. Ради того меня сюда и прислали, но мне нужно их испытать. Нужно знать наверное.

– Врата?

– Тысячи лет назад кшештрим связали два континента паутиной врат. – Каден помолчал. – Может быть, не только два континента, откуда мне знать. Входишь в одни кента, а выходишь из других в сотне миль от первых. В тысяче миль. Они служили оружием кшештрим, а теперь доверены нам, Малкенианам, мы их хранители и стражи.

Валин вытаращил глаза.

– Ты так не спеши, – попросил он, пытаясь осознать услышанное и все, что из него следовало. – Вернись назад и начни сначала.

Древние врата кшештрим, связь, охватывающая континенты... Это звучало как бред, но ведь с тех пор, как он покинул Острова, многое казалось бредом.

Каден помолчал, собираясь с мыслями, а потом выложил не верившему своим ушам брату все: о Пустом Боге и личах-кшештрим, об их войне против людей и основании империи, о ваниате (странном транссе, которому хин научились у кшештрим, а Каден – у хин) и о том, что попытки использовать врата вне этого состояния грозят уходом в ничто. Идея врат представлялась осмысленной с точки зрения стратегии и тактики. Кеттрал получали сокрушительное преимущество над противником за счет птиц, позволявших передвигаться быстрее, знать больше, появляться там, где их не ждали. Врата, если такие существуют, еще полезнее. Если существуют. И если действуют.

– Ты их видел? – спросил Валин. – Видел, чтобы кто-то ими пользовался?

Каден покачал головой:

– Но здесь, в горах, есть кента, ведущие к ишшин. Я расспросил Тана.

Валин развел руками:

– Даже если они и есть, даже если они работают так, как уверяет твой монах, тебя они могут убить.

– Точнее будет сказать – обратить в ничто, а так – да.

Валин вложил меч в ножны, убрал маленькое точило в кошель на поясе. Дул холодный резкий ветер, звезды на ясном небе блестели осколками льда.

– Я не могу этого допустить, – сказал он тихо.

Каден кивнул, словно ждал такого ответа.

– Ты меня не удержишь.

– Удержу. Все это хуже любой глупости, а уж в глупостях я кое-что понимаю. – Он принялся загибать пальцы. – Монах твой, мягко говоря, загадка; эти ворота в состоянии уничтожить целое войско; а ишшин по тому немногому, что нам о них известно, представляются маньяками и фанатиками. Каден, это плохое решение.

– Иногда хорошего решения не существует. Чтобы совладать с кшештрим и править Аннуром, мне нужны ишшин и нужны ворота.

– Ты мог бы выждать.

– Пока наши враги не объединят силы?

Каден повернулся к брату, взглянул в упор. Валин слышал его дыхание, чуял запах засохшей на его коже крови, влажного сукна балахона и под всем этим – что-то еще, жесткое и негибаемое.

– Я ценю твою заботу о моей безопасности, – тихо заговорил Каден, положив руку ему на плечо, – но безопасности нам не видать, разве что мы так и поселимся здесь, в горах, навеки. Риск везде, какой бы путь я ни выбрал. Так всегда с теми, кто правит. Мне от тебя больше нужна не охрана, а поддержка. Тан во мне сомневается. Пирр мне перечит. Твое крыло считает меня беспомощным простодушным отшельником. Хоть ты меня поддержи!

Они сошлись взглядами. План был безумным, но Каден на безумца не походил. Он, как видно, был готов ко всему.

Валин с досадой выдохнул:

– Не ты ли собирался сидеть на этом камне, предоставив Аннур в распоряжение кшештрим?

– Ты меня переубедил, – улыбнулся Каден.

* * *

– План состоит в том, – заговорил Каден, с неожиданной для Валина твердостью встречая взгляды отряда, – что мы с Таном отправимся к ближайшим кента. По его словам, на северо-восток отсюда в горах есть такие. Туда долетим вместе, потом мы с Таном пройдем через ворота к ишшин, а вы, все остальные, полетите в Аннур. В городе свяжетесь с моей сестрой Адер и выясните, что ей известно. Мы с Таном встретимся с вами в столице, в капитуле хин.

– Я привыкла к планам, – заговорила Пирр, манерно растягивая слова, – в которых встречаются обороты вроде «таким образом» и «если – то».

– И почему бы нам всем не влезть в эти проклятые кента? – возмутилась Гвенна.

Крыло кеттрал сперва встретило рассказ о воротах насмешками, потом недоверием и, наконец, настороженностью, но Валин, хоть и понимал, и даже разделял их отношение, обещал Кадену поддержку.

– Гвенна... – заговорил он.

– Нет, в самом деле! – Теперь она набросилась на командира. – Если такая штука существует, мы бы сберегли Халову уйму времени! Жрут они наверняка поменьше, чем птички, и вряд ли гадят как...

– Кента вас уничтожат, – отрезал Тан, не дослушав.

Пирр вздернула бровь:

– Ах, как страшно! Судя по описанию, очаровательное изделие, но это к слову. Меня наняли оберегать Кадена. Разыгрывать няньку при его братце, может, было бы и забавно, но я не для того тащила через пол-Вашша.

Валин пропустил шпильку мимо ушей.

– Император принял решение, – сказал он. – Наше дело – повиноваться.

Оттого что слова были правдой, на душе у него легче не стало.

«Приказ, – напомнил он себе. – Ты выполняешь приказ».

На Островах он легко подчинялся приказам: там он был кадетом, а те, кто говорил ему, что делать, сто раз заслужили свои шрамы. Каден же, хоть и законный император, – не солдат, у него ни воинской подготовки, ни солдатского чутья. Ошибкой – тактической ошибкой – было брать его в разведку к Ашк-лану. Каден мало того что вмешивался в обсуждение важнейших решений, так еще и себя не берег. А между тем Адив остался в живых. Валин задавил мысль о нем вместе с подступающим гневом.

Каден, как ни крути, император, и не для того Валин пролетел две тысячи миль, чтобы подрывать его неокрепшую власть.

– Я уже говорил, – медленно покачал головой Тан. – Ишшин не похожи на хин.

– Насколько мне помнится, – возразил Каден, – на хин никто не похож.

– Ты считал свое обучение суровым? – спросил старый монах. – В сравнении с выучкой ишшин это милые забавы. У них другой путь, другие приемы, и эти приемы дают непредсказуемый результат. Кроме того, невозможно предугадать, как они нас встретят.

– Ты жил среди них, – напомнил Каден. – Они тебя знают.

– Знали, – поправил Тан. – Я ушел.

– Если не хочешь, чтобы наш юный властитель лез во врата, – вставила Пирр, с закрытыми глазами подбрасывая и ловя нож, – просто не показывай, где они.

Каден развернулся к Присягнувшей Черепу:

– Какое тебе дело, куда я пойду?

Она снова подбросила нож.

– Я уже объясняла: мне заплатили за твою безопасность. Тебя пока еще никто не пырнул, но я бы не назвала это место... – она махнула лезвием на обступившие их вершины, – безопасным.

По меньшей мере в одном они с Валином сходились.

– Я освобождаю тебя от контракта, – сказал Каден.

Она хихикнула:

– Это не в твоей власти. Понимаю, внезапное возвышение кружит тебе голову, но я-то служу богу, а не императору, а Ананшаэль велит нам чтить контракты.

– А что именно предписывает твой контракт? – спросил Валин. – Защищать Кадена в Ашк-лане? Сопровождать его до границы Аннура? Или ты должна до конца жизни следить, чтобы никто не ударил его ножом в спину, пока он кушает тушеную утку или любит будущую императрицу? Не знаю, понравится ли эдолийцам – не говоря уж об императрице – рышущая во дворце Присягнувшая Черепу.

Пирр ответила теплым гортанным смешком:

– После недавнего выступления эдолийской гвардии новому императору извинительно было бы задуматься о смене охраны.

Она со своей обычной полуулыбкой оглянулась на Кадена, вопросительно подняла бровь. Видя, что он не отзывается, пожала плечами:

– Увы, я не собираюсь ни взбивать императорскую перину, ни массировать сиятельные ягодицы. Мое дело – позаботиться, чтоб он вернулся в Аннур и благополучно добрался до Рассветного дворца. После чего наше общение, каким бы сладостным оно ни было, прекратится.

Валин вглядывался в лицо наемницы, силясь проникнуть за беззаботную внешность, за небрежную браваду, за очень убедительно, Кент его подери, мелькавший в воздухе нож.

– Кто тебе заплатил? – спросил он.

Она вскинула бровь:

– Об этом не говорят.

– Пора бы и сказать, – заметил Валин, увеличивая дистанцию между собой и Присягнувшей Черепу.

Та заметила его движение, поймала нож и усмехнулась:

– Нервы?

– Предосторожность, – отрезал Валин. – Присягнувшие Черепу объявляются в Костистых горах на самом краю земель, куда можно посуху добраться от Рашшамбара, и заявляют, что намерены охранять императора, – притом что всему свету известно: Присягнувшие Черепу в своем извращенном поклонении смерти не служат ни властям, ни царствам, ни храмам.

– Извращенном, – повторила она, скривив в улыбке уголки губ. – Извращенном. Не слишком любезно сказано. Кое-кто из жрецов и жриц Ананшаэля убил бы за такие слова.

Пирр задумчиво похлопывала по ладони клинком ножа:

– Хочешь испытать кеттральскую подготовку на противнике поискуснее неуклюжих эдолийцев?

Валин взглядом смерил расстояние от себя до нее. Женщина не двинулась с места, не потрудилась даже сесть, но легким движением кисти отправила бы нож прямым в его грудь, и в ее способности перехватить кинжал в воздухе он не сомневался. И страхом от нее не пахло. Пахло... весельем.

– Мне интересно знать, – сдерживая гнев, ровным голосом проговорил он, – что тебя сюда привело. Кто нанял Присягнувшую Черепу для охраны аннурского императора?

Она внимательно, как будто даже с нетерпением всматривалась в Валина, словно надеялась, что он потянется к оружию, а не дождавшись, пожала плечами, опять закрыла глаза и откинулась головой на валун.

– А ты не догадываешься?

Догадок у Валина хватало, но ни одна не казалась правдоподобной. Присягнувшие Черепу – убийцы, а не спасители.

– Мой отец, – тихо сказал Каден. – Тебя нанял Санлитун.

– А он не безнадёжен, ваш новый император.

Валин оглянулся на брата:

– Зачем бы отцу присылать Присягнувшую Черепу?

– Например, затем, что Кентовы эдолийцы оказались либо предателями, либо тупицами, – предположила Гвенна. – Те, которых он посылал к тебе с предупреждением, дали себя перерезать, а те, что явились за Каденом, пытались его убить.

– Это разумно, – согласился Каден, – хоть и необычно. Он не знал, кто участвует в заговоре, поэтому постарался оградить нас разными способами. За тобой послал самых доверенных эдолийцев, но из них, должно быть, кто-то проговорился. За мной он решил послать людей вовсе далеких от имперской политики.

Валин медленно, протяжно выдохнул. Это звучало здраво. И кое-что говорило о том, сколь отчаянным было положение Санлитуна. Если вспомнить, что в прошлом Присягнувших Черепу, бывало, нанимали для убийства аннурских императоров...

Он покачал головой:

– Похоже, нам безумно повезло, что те, с кем мы боремся, тоже не наняли шайку Присягнувших Черепу.

– Наняли, – захихикала Пирр. – Кто, по-твоему, перерезал целое судно эдолийцев, отправленных тебя предупредить?

Валин опешил:

– Мерзавцы! Вы воюете за обе стороны?

– Убить ее, – отрезала Гвенна. – Просто убить, и дело с концом.

Наемница даже глаз не открыла на ее угрозу.

– Приятно познакомиться с девицей, склонной к решительным действиям, – сказала она. – Пожалуй, некоторая поспешность – не повод приносить тебя в дар моему богу. И да, как ты, Валин, заметил, за обе стороны, но только потому, что для почитающих Ананшаэля эти стороны ничего не значат. Есть живые и есть мертвые. Если по контракту требуется убивать и

золота предложено достаточно, мы принимаем контракт и соблюдаем его во служение богу. Я обязана доставить Кадена в Аннур, даже если для этого придется резать глотки другим жрецам или жрицам.

– В таком случае, – сказал Каден, – мой план и тебя должен устраивать. Я скорее вернусь в Аннур, а значит, ты скорее закончишь работу.

Пирр укоризненно погрозила ему пальцем:

– Если вернешься!

– Мнение наемницы несущественно, – вставил Тан.

– Наемница учтет это заявление, – ответила Пирр, – и еще раз напомним, что, если ты не желаешь пропускать своего самоуверенного юного вождя в тайные врата, можешь просто не показывать ему оных.

Кажется, на минуту Тан и вправду задумался над ее предложением, однако покачал головой:

– Разума у него и правда как у зверя, но он не зверь. Засадить его в клетку – значит просто оттянуть неизбежное. Он должен решать сам.

– Я все ждал, когда вы сообразите, – твердо проговорил Валин. – И давайте не будем забывать: Каден – император Аннура. Он здесь правит, и, продолжая разговоры про «засадить в клетку» и про «зверя», ты... – он ткнул пальцем в убийцу, затем в Тана, – и ты, вы оба рискуете остаться в этом ущелье навсегда.

– Какой духовный подъем! – восхитилась Пирр, снова поигрывая ножом. – Какие братские чувства!

Тан словно вовсе не услышал предостережения, и Валин не в первый раз задумался, что у этого монаха в прошлом. Равнодушие Пирр к присутствию крыла его не удивляло: считалось, что Присягнувшие Черепу, проходя посвящение, оставляют страх смерти за спиной. А вот монах представлял для него полную загадку. Он, по всей видимости, перебил вчера множество жутких созданий кшештрим – Каден называл их ак-ханатами, – но Валин не видел тварей живыми и не мог судить, насколько трудным был бой. Копье Тан держал привычно и умело, и неизвестно, где он этому выучился. Может, среди ишшин, к которым так рвется Каден?

– У меня только один вопрос, – сказал Каден. – Ишшин мне помогут?

Тан задумался:

– Может быть.

– Тогда мы отправляемся.

– А может, и нет.

– Почему? Они воюют против кшештрим, я тоже.

– Но их путь – не твой путь.

Каден как будто хотел ответить, но вместо того глубоко вдохнул, выдержал паузу и медленно выдохнул, уставившись куда-то за горы. Валину было немного жаль брата. Он сам достаточно намучился, силясь подчинить непокорное крыло, чтобы понимать, каково приходится неумелому командиру. Кадену было и того хуже. Крыло Валину досталось трудное, но все в нем состояли такими же зелеными юнцами, как он. А Рампури Тан до гибели Ашк-лана был Кадену наставником и учителем, и сдвинуть его с места не легче, чем толкать валун вверх по склону. К императорскому титулу Тан был так же равнодушен, как к военному рангу и выучке Валина. Валин совершенно не представлял, что могло бы заставить его переменить мнение.

– Тогда что предлагаешь ты? – спросил Каден, проявляя незаурядную выдержку.

– Доставьте к кента меня, – ответил Тан. – Я побываю у ишшин, узнаю, что им известно, а ты тем временем вернешься с братом в столицу. Встретимся в Аннуре.

Каден не ответил. Он так долго смотрел за вершины на западе, что даже Пирр приподняла голову и взглянула на него сквозь щелочки век. Тан тоже безмолвствовал и тоже смотрел на запад. В их молчании Валин чувствовал напряжение, беззвучное состязание воли.

– Нет, – произнес наконец Каден.

Пирр закатила глаза и снова уронила голову на валун. Тан не ответил.

– Я не баран, чтобы гонять меня с места на место и стеречь, пока другие будут за меня воевать, – сказал Каден. – Кшештрим убили отца, пытались убить нас с Валином. Чтобы ответить на удар, мне нужны знания ишшин. И не только – я должен с ними познакомиться, чтобы заключить хоть какой-то союз. Не зная меня, они мне не поверят.

– Орден, в котором я когда-то служил, не отличается доверчивостью, – покачал головой Тан.

Каден не дрогнул.

– А ты? – подняв бровь, спросил он. – Ты в меня веришь? Отведешь меня к кента или мне придется оставить тебя и на птице Валина обыскать все Костистые горы?

Монах покатал желваки на скулах.

– Отведу, – наконец решил он.

– Хорошо, – сказал Валин, поднимаясь на ноги.

План ему не нравился, но наконец-то они взялись за дело. Сидящих на месте легче высмотреть, проще атаковать.

– Куда летим?

– В Ассар, – сказал Тан.

Валин помотал головой:

– Это что? Гора? Река?

– Город.

– Впервые слышу.

– Это старый город, – пояснил Тан, – он долго был опасным.

– А теперь?

– Теперь он мертв.

3

Ее погубят глаза.

Разглядывая себя в зеркале за надежно запертыми дверями своих покоев в башне Журавля, Адер это очень хорошо понимала. Она сменила мантию министра на грубое суконное платье служанки, шелковые туфельки – на удобные дорожные башмаки, снимала серебряные кольца и браслеты из слоновой кости, оттерла веки от угольной подводки и щеки от охры, смыла тонкие, любимые с тринадцати лет духи – постаралась уничтожить все следы Адер, принцессы дома Малкенианов и министра финансов, в надежде стать никем и ничем.

«Как будто себя убиваю», – угрюмо размышляла она, уставившись в зеркало.

Но ничто не могло убить огонь в ее глазах, яркое пламя, пылавшее переливами даже тогда, когда она стояла неподвижно. Какая несправедливость – нести на своих плечах груз взгляда Интарры без надежды на награду! А ведь Адер, хоть она и пришла в этот мир на три года раньше брата, не видать Нетесаного трона. Теперь он принадлежит Кадену. И не важно, что Кадена здесь нет, что Каден – невежда в политике империи, что не знает ни игроков, ни правил игры, вся империя надеется на него. Брата огонь в глазах вознесет на могучий каменный трон, а ее – убьет до истечения недели.

«Ты не права», – молча упрекнула себя Адер.

Каден, как и она, не просил особенных глаз. И насколько она знала, заговорщики, погубив отца, на этом не остановились. Каден, заброшенный к забытым на краю земли монахам, будет прискорбно легкой добычей. Он, может стать, уже мертв.

Отряд эдолийской гвардии во главе с Тариком Адивом и Мисийей Утом отбыл несколько месяцев назад. Тогда это решение ее удивило.

– Почему вы не послали кеттрал? – спрашивала она Рана ил Торню.

Кенаранг ил Торнья, высший чин в аннурской армии, был номинальным главой и эдолийцев, и кеттрал, а как регент на время отсутствия императора, обязан был отыскать Кадена и позаботиться о его благополучном восшествии на престол. Странно посылать корабль, если в твоём подчинении целое гнездо огромных хищных птиц.

– Крыло кеттрал слетало бы и вернулось... за сколько там?.. Полторы недели? – настаивала Адер. – Лететь много быстрее, чем идти пешком.

– И много опаснее, – отвечал ей кенаранг. – Особенно для того, кто ни разу не летал на птице.

– Опаснее, чем пересечь земли к северу от Изгиба? Разве не там пасут свои стада ургулы?

– Мы посылаем сотню людей, министр, – отвечал он, кладя руку ей на плечо. – Сто эдолийцев под руководством первого щита и мизран-советника. Стоит потратить время, чтобы сделать все как надо.

Адер решила бы иначе, только никто ее не спрашивал, а она в то время не подозревала в ил Торнье убийцу отца. Она, как и все, винила в предательстве Уиниана Четвертого, верховного жреца Интарры, и только месяцы спустя, узнав правду, вспомнила тот разговор – и тогда ужас свернулся у нее в животе прокисшим молоком. Что, если ил Торнья неспроста не решил послать за Каденом кеттрал? Не мог же заговор захватить всех? Желай ил Торнья смерти Кадену, для убийства не найти места лучше Шаэлем забытых гор за границами империи, а если кеттрал сохранили верность Нетесаному трону, то регенту поневоле пришлось бы послать других – тех, кого он сумел обмануть или подчинить себе. Невозможно было представить, что эдолийцы – орденов, посвятивший себя защите рода Малкенианов, – обратились против ее семьи, но она бы и в смерть отца не поверила, тем не менее он мертв. Она видела, как спускали в гробницу его тело.

Правда была жестока. Ил Торнья убил Санлитуна. И он же послал за Каденом Ута и Адива. Если те состоят в заговоре, Каден уже мертв – он мертв, а Адер цела и невредима, преспокойно устроилась в покоях Рассветного дворца под защитой собственной ничтожности. Убивать надо императоров. Их дочерям и сестрам, как видно, ничто не грозит.

Грозит. Отныне грозит.

Она нашла глазами толстый том – единственное наследство от отца. Объемистая «История Атмани» Йентена. Адер сожгла спрятанную между страницами записку – лаконичное предостережение Санлитуна, прямо указывавшее на Рана ил Торнью как на убийцу, но книгу зачем-то сохранила. Чтение было невеселое: восемьсот сорок одна страница истории бессмертных личей, которые задолго до аннурцев правили Эридроей, пока, обезумев, не порвали страну в клочья, словно отсыревшую карту.

– Не это ли предстоит и мне? – спросила себя Адер.

Она перебрала десяток вариантов и все отбросила, кроме этого. Выбранный ею путь был опасен – более чем опасен, сплошь угрозы и неуверенность, так что она сотню раз думала, не остаться ли, отринув безумный план, чтобы держать рот на замке, руководить министерством и постараться забыть последнее предупреждение отца. Она ни разу в жизни не покидала Рассветного дворца без эдолийской стражи, никогда не проходила пешком больше мили, понятия не имела, сколько стоит ужин или комнатка в придорожном трактире. Но остаться означало вернуться к нему, к ил Торнье, изо дня в день разыгрывать любовь, которая в ней горела, пока Адер не узнала правды.

Мысль о возвращении к нему, в его постель, помогла ей решиться. После ужасного открытия она неделю избегала встреч, ссылаясь сперва на нездоровье, потом на множество служебных обязанностей. Пост министра финансов, полученный благодаря отцовскому завещанию, мог послужить правдоподобным предлогом на день-другой, но нельзя было вечно прятаться от ил Торньи, не вызвав его подозрений. Он уже дважды заходил, каждый раз оставляя ей букетик девичника и написанное твердым угловатым почерком послание. Он надеется, что недомогание скоро пройдет. Он нуждается в ее советах. Его пальцы соскучились по ее нежной коже. «Шелковой коже», – писал мерзавец. Месяц назад от этих слов она залилась бы краской. Теперь ее кулаки невольно сжались, и Адер, заметив это в зеркало, лишь усилием воли расслабила руки. Любая мелочь, даже побелевшие костяшки, могла привлечь к ней внимание.

Она в сотый раз вытащила из кармана платья узкую полоску муслина. Все, что она решилась взять с собой, – эта тряпица да маленький кошелек монет – то, что можно незаметно вынести из дворца. Остальное, что понадобится в дороге, – мешок, одежду паломника, еду – придется купить на аннурском рынке. Если она отыщет нужный прилавок. Если сразу не выдаст себя неумением торговаться. При мысли о своем положении она выдавила слабый смешок: министр финансов Аннура, через чью службу за неделю протекают сотни тысяч золотых солнц, в жизни себе даже сливы не купила.

– Сейчас или никогда, – пробормотала она, закрывая глаза полоской ткани и туго стягивая узел на затылке.

Мир сквозь повязку расплывался по краям, будто сквозь ставни просочился густой океанский туман из Разбитой бухты. Видела она неплохо, но ее не зрение тревожило. Ткань должна была скрыть мерцающий в радужке огонь. Она уже убедилась, что повязка работает. Испытывала ее десяток раз, при свете и в темноте, со всех сторон изучала свое лицо – не видно ли проблеска, – пока не заболели усталые глаза. При свете дня все было прекрасно, а вот ночью, когда задували светильники, глядя на себя в упор, она различала слабое свечение. Может, если просто...

Фыркнув с досады, она сорвала повязку.

– Тянешь время! – вслух сказала она, подстегивая себя голосом. – Трусливая девчонка, ты тянешь время. Не зря старые стервятники в совете решили, что ты слабовата для своего

поста. Вот чем ты занимаешься! Отцу было бы стыдно за тебя. Ну-ка засунь Шаэлеву тряпку в карман, брось таращиться в зеркало и марш за дверь!

Проще сказать, чем сделать. За дверью стояли Фултон с Бирчем. Двое эдолийцев с десятилетнего возраста встречали ее каждое утро, она привыкла к ним, как к стенам дворца, и всегда видела в них надежную опору – недвижимые камни в изменчивом течении аннурской политики. Но сейчас они могли погубить ее план с первого шага.

По правде сказать, не было причин их подозревать, Адер долго и упорно думала, не довериться ли этим двоим, не попросить ли сопроводить ее в бегах. С их мечами дорога сделалась бы много безопасней, а как приятно было бы видеть рядом знакомые лица! Она склонялась к мысли, что может на них положиться, но ведь она и на ил Торню полагалась, а он убил отца. Фултон с Бирчем клялись ее защищать, но такую же клятву давали эдолийцы, посланные на восток за Каденом, а от них уже который месяц ни слуху ни духу.

– Надейся только на себя, – напомнила себе Адер, открывая дверь. – Положись на себя и сама выбирай дорогу.

Если ее план рухнет, она хоть их не погубит.

Увидев ее, двое солдат отрывисто кивнули.

– Новое платье, министр? – спросил Фултон, с прищуром посмотрев на грубую ткань.

– Понимаю, вы не прочь избавиться от опостылевших министерских одеяний, – с ухмылкой добавил Бирч. – Но думается, могли бы позволить себе что попривлекательнее.

Бирч, младший из этих двоих, являл собой воплощенное воинское мужество: редкие в их широтах светлые волосы, квадратный подбородок. Он был светлокож, почти как ургул, но Адер повидала немало белых, словно кость, северян среди министров и чиновников, бывавших в Рассветном дворце. Никто бы не принял Бирча за чиновника. Сложен он был словно статуи вдоль дороги Богов. Даже зубы – само совершенство. Такой мог бы позировать художнику.

Фултон был старше напарника, ниже ростом и неказист видом, но во дворце шептались, что он опаснее, и Бирч, хотя после многих лет службы позволявший себе вольности в общении с Адер, к старшему питал невольное почтение.

– Я собралась за красные стены и не хочу привлекать внимание, – ответила Адер.

Фултон нахмурился:

– Жаль, что вы заранее не предупредили, министр. Я бы вооружил эскорт.

Адер покачала головой:

– Сегодня вы двое – мой эскорт. Мне нужно побывать на Нижнем рынке, выяснить для министерства, как идет торговля «серым» товаром, и, как уже сказала, особого внимания я не желаю.

– Гвардейцы обучены держаться незаметно, – возразил Фултон. – Мы не привлечем к вам лишних взглядов.

– Полдюжины воинов с двуручными мечами? – шевельнула бровью Адер. – Я ценю вашу скромность, Фултон, но среди добрых горожан вы будете вроде львов среди домашних кошек.

– Обещаем мурлыкать, – подмигнул ей Бирч.

– Дайте мне минуту послать раба в казармы, – как о решенном, сказал Фултон. – Дорожный эскорт нагонит вас у ворот. Я прикажу прикрыть доспехи плащами.

– Нет, – отрезала Адер.

Ответ прозвучал суше, чем ей бы хотелось, но сейчас решалось все. Даже от Фултона с Бирчем будет непросто отделаться. Если же они умудрятся привести целый эскорт, гвардейцы окружат ее, как рыбу невод.

– Понимаю, вы заботитесь о моей безопасности, – сказала Адер, постаравшись уравновесить властность примирительным тоном, – но мне нужно увидеть реальную жизнь Нижнего рынка. Если торговцы узнают, к моему приходу все незаконное исчезнет с прилавков, а мы

найдем достойных аннурских купцов, торгующих обычнейшими товарами, вроде миндаля и дверных ручек.

– Пошлите кого-нибудь другого, – скрестив руки на груди, возразил Фултон. – В вашем распоряжении целое министерство. Отправьте какого-нибудь счетовода. Или писца.

– Счетоводов я уже посылала. И писцов. Кое-что надо делать самолично.

Фултон сжал челюсти:

– Министр, вам не нужно напоминать, что в городе неспокойно.

– Аннур – величайший город величайшей в мире империи, – отрезала Адер. – Здесь всегда неспокойно.

– Я о другом, – ответил эдолиец. – Убивший вашего отца жрец был любим тысячами, десятками тысяч. Вы разоблачили его, добились его смерти, а затем продавили множество соглашений, подкосивших его церковь и его религию.

– Люди смотрят на это иначе.

– Многие, – кивнул он, – но не все. Сыны Пламени...

– Их нет. Я распустила военный орден.

– Солдаты, которых распустили, не исчезают в никуда, – угрюмо ответил Фултон. – Навыки остаются при них, как и верность, и клинки.

Адер заметила, что снова сжимает кулаки. Эдолиец высказал вслух то, на что она втайне надеялась: что Сыны Пламени никуда не делись и клинки еще при них. При ясном свете дня ее план выглядел безумием. Сыны Пламени ненавидели ее за все, что она сделала с их церковью и орденом. Если Адер одна, без охраны, покажется в южном городе Олоне, ее скорее сожгут, чем станут слушать, – и все же другого пути она не видела.

Чтобы выступить против ил Торньи, ей нужна своя армия, своя налаженная военная машина. Доходившие с юга слухи намекали, что Сыны Пламени снова собирают силы. Потенциальная – но сила у них осталась. Что до их верности... что же, верность переменчива. Во всяком случае, она отчаянно на это надеялась. В любом случае уже нет смысла переживать. Надо либо сидеть в своих покоях наподобие балованной комнатной собачонки, либо хватать оружие, которое есть под рукой, и надеяться, что клинок не порежет руку.

– Я сделаю так, как считаю нужным, – добавив в голос стали, проговорила Адер. – Разве вы посылаете раба встречать меня утром у дверей? Нет, вы приходите сами. Раб может наводить блеск на ваши доспехи, но служите вы мне лично.

– По правде сказать, – вставил Бирч, – этот упрямый осел сам начищает свое оружие.

– Мы выходим, – сказала Адер. – Втроем. Я вполне уверена, что вы в состоянии меня сбересть, – тем более никто не будет знать, кто я такая. Можете взять оружие и надеть доспехи, но прикройте все это дорожными плащами, и чтоб никакие, поцелуй их Кент, гербы из-под них не светились. Жду вас у Нижних ворот к следующему гонгу.

* * *

Проскользнув под опускной решеткой, перейдя ров по деревянному мосту и смешавшись с толпой за наружной линией стражи, Адер перевела дыхание.

Она решила оглянуться через плечо, сама не зная: проверяет, нет ли погони, или просто хочет напоследок посмотреть на родной дом – на крепость, больше двух десятилетий хранившую ее жизнь. Изнутри трудно было оценить величие Рассветного дворца: изящные залы, приземистые храмы, выходящие садовые дорожки открывали взору по кусочку зараз. Даже центральная площадь, рассчитанная на пять тысяч застывших по стойке смирно солдат и потрясавшая самых искушенных иностранных послов, была лишь малой частью целого. Об истинном масштабе дворца можно было судить лишь снаружи.

Стены цвета темной крови тянулись в обе стороны, на сколько хватало глаз. Если бы не зубцы и не сторожевые башни, их можно было принять за древнюю складку земли, а не творение рук человеческих: отвесные скалы, неприступные и непобедимые, возносились над головой на пятьдесят футов. Они и без защитников представляли бы серьезную преграду для любого врага, но первыми бросались в глаза не они, потому что позади высился лес изящных башен: Жасминовое Копье и Белая башня, башня Ивонны, Журавль, Парящий зал, – и каждая была достойна короля. В другом городе любая из этих построек стала бы главной достопримечательностью, а в Аннуре, в Рассветном дворце, они выглядели добавкой, диковинкой, капризом заскучавшего архитектора. Глаз скользил мимо них и выше – к немыслимой высоте Копья Интарры.

Двадцать лет Адер прожила во дворце, а эта башня все не укладывалась в голове. Отчасти из-за размеров. Шпиль, казалось, пронзал небесную твердь, царапая синеву небес. Подъем на вершину Копья, начатый до рассвета, занимал почти все утро, а в минувшие годы, бывало, одряхлевшие императоры поднимались не один день, ночуя на обустроенных площадках для отдыха.

Эти путевые станции были более поздними сооружениями. Все, что находилось внутри башни, – лестницы, перекрытия, внутренние помещения – к немыслимо древней постройке умудрились добавить люди. Изначальными были в ней лишь стены – стены, вытесанные или выкованные из прозрачного, как зимний лед, вещества крепче закаленной стали, гладкого, словно стекло. Изнутри открывался вид прямо сквозь стены – на улицы и дома Аннура и за город, за Разбитую бухту, дальше на запад, до моря Призраков. Люди со всей империи и из-за ее границ стекались поглазеть на эту огромную мерцающую иглу. Высясь в самом сердце Рассветного дворца, она наравне с легионами и флотом внушала людям представление о несокрушимой мощи Аннура.

«А в нескольких сотнях шагов – вот это», – подумала Адер, поворачиваясь к дворцу спиной.

Вокруг, буквально в тени безупречных стен, протянулись длинные ряды питейных заведений и борделей, жмущихся друг к другу халуп, в которых дыр было больше, чем досок, а перекошенные дверные и оконные проемы занавешивали грязным тряпьем. В таком разительном контрасте была своя логика: династия Малкенианов оставляла за собой право при осаде города снести все на пятьдесят шагов ото рва. Осад сотни лет как не случалось, но богатые горожане остерегались строить здесь добротные дома и отодвигали их подальше от стен, чтобы какой-нибудь разрезвившийся император не сжег их под предлогом защиты империи. Потому окрестные улицы и переулки были нищими и шумными, пропахли подгоревшей дешевой свининой, прогорклым маслом, устричной пастой и куркумой, и ко всему этому примешивался острый соленый запах моря.

Прежде Адер, как и приличествовало ее положению, покидала дворец только через Императорские ворота, открывавшиеся на запад, на дорогу Богов, и сейчас она просто застыла, силясь привыкнуть, разобраться в нахлынувшей на нее какофонии. Она вскинулась, заметив вдруг направляющегося к ним мужчину – соколятника с подвешенной к шее деревянной миской, полной полосок почерневшего мяса. На полпути незнакомца перехватил Фултон – шагнул вперед и буркнул что-то, мотнув седеющей головой. Торговец приостановился, взглянул на торчащую из-под плаща эдолийца рукоять меча и, сплюнув на шербающую мостовую, свернул в сторону и стал высматривать других покупателей. Тем временем их догнал Бирч.

– Через Кладбищенский квартал? – спросил он. – Или вдоль канала?

– Через Кладбища спокойнее, – ответил Фултон, многозначительно покосившись на Адер. – Нет таких толп, меньше отребья.

Эта часть города уходила на запад по крутому холму, когда-то, как явствовало из названия, целиком отданного под погребения. Однако город рос, земля дорожала, и состоятельные

торговцы с ремесленниками, продававшими свой товар на Сером рынке и вдоль дороги Богов, понемногу стали застраивать участки между кладбищами, пока весь холм не превратился в лоскутное одеяло. Среди склепов и могил выросли ряды зданий с прекрасным видом на Рассветный дворец и гавань за ним.

– Через Кладбища долго, – твердо возразила Адер.

Из дворца она выбралась, но еще чувствовала, как красные стены нависают над ней, а хотелось сбежать подальше, затеряться в городском лабиринте, да поскорее. Чтобы не выдавать эдолийцам своих намерений, Адер пока не доставала повязку, а полагалась на скрывавший лицо и глаза глубокий капюшон. И нетерпеливо дергалась, не слишком надеясь на скудный маскарад.

– Чтобы до полудня побывать на Нижнем рынке и вернуться, надо идти по каналу. Дорога почти прямая и нет подъема. Я и раньше так ходила.

– Только с гвардейским эскортом, – напомнил Фултон.

Он и за разговором не забывал контролировать взглядом толпу и правую руку держал поближе к мечу.

– Чем дольше будем спорить, – заметила Адер, – тем дольше я пробуду вне дворца.

– А здесь мы вроде сидячих уток, – добавил забывший о привычном легкомыслии Бирч. – Тебе решать, Фултон, но я бы лучше двигался, чем торчал на месте.

Старший эдолиец проворчал что-то невнятное, проследил суровым, пристальным взглядом изгибы уходящего на запад канала и недовольно кивнул.

– Давайте через мост, – решил он. – На южном берегу меньше движения.

Миновав каменный пролет, он занял место слева от принцессы, а Бирч пристроился в нескольких шагах правее, между Адер и водой.

Этот канал, как два десятка других, змеившихся по городу, служил проезжей дорогой. Его заполнили суда: челноки, баржи, узкие «змеиные» лодки, нагруженные то плетеными корзинами, то открытыми бочками. Сбывая товар людям на берегу, лодочники принимали монеты в лукошки на длинных ручках и тем же путем передавали покупки: фрукты, рыбу, листья та или цветы. На обоих берегах толпился народ: перегибаясь через каменную ограду набережной, люди выкрикивали заказы. Если человек ронял что-то в воду, что случалось не так уж редко, полуголые уличные мальчишки, дрожавшие на берегу, прыгали за потерей и устраивали злые потасовки за право вернуть хозяину промокшее добро.

Без двух десятков разгоняющих народ стражников идти приходилось медленней, чем бывало. Ростом Адер почти не уступала Бирчу, но ей недоставало сил, чтобы расталкивать толпу. Фултон с каждым шагом все заметнее напрягся, держался все настороженнее, и Адер тоже занервничала; выскользнув из ловушки красных стен, она угодила в толчею потных тел, в шумную сумятицу, бившую по ушам тысячей голосов.

К тому времени как они вырвались на сравнительно спокойную площадь перед Прудом, у Адер по спине текли струйки пота. Дыхание спирало в груди, она прерывисто выдохнула. По сравнению с набережными, площадь казалась и широкой, и относительно свободной: на просторном квадрате из каменных плит люди стояли отдельными группами. Наконец-то ей видно дальше, чем на шаг вперед. Стало легче двигаться и дышать. Как избавиться от Фултона с Бирчем, Адер пока не представляла.

«Решай-ка поскорей, – велела она себе. – Не брать же их с собой!»

Она оглядела Пруд: протянувшийся на сотни миль канал Атмани здесь широко разливался и расходился на полдюжины малых русел, доставлявших воду и лодки в разные части города. Здесь покачивались на якорях многие десятки узких суденышек, разгружавшихся на плоты, или подсакивали на волнах лодки-бочонки, чтобы затем взять новый груз для доставки на юг, в Олон и к озеру Баку.

Адер задержалась, рассматривая эти суда. Насколько проще было бы выбрать одно из них, шагнуть на палубу, заплатить капитану за еду и роскошную каюту и плыть себе на юг, мысленно репетируя беседу с тайно объединившимися Сынами Пламени и с их вождем – державшимся в тени Вестаном Амередадом. Лодка во многом безопаснее, чем полная случайностей дальняя дорога: ни любопытных глаз, ни разбойников, ни лишних встреч. Соблазн был велик... Велик и совершенно безумен.

Адер еще издали различила строгую форму податных инспекторов, представителей ее же министерства: те расхаживали по берегу, осматривая выгруженные тюки и бочки. Узнать ее на таком расстоянии не могли, а все же она поглубже спряталась в капюшон. Ран уже сегодня обнаружит побег своей ручной зверюшки, но, направляя погоню, будет исходить из того, что она поступит как изнеженная принцесса. К завтрашнему утру подручные кенаранга заполонят дорогие гостиницы и таверны. Они допросят капитанов в морской гавани и прочешут весь Пруд, разнюхивая о прячущей глаза молодой женщине с полными монет карманами.

У Адер плечи стыли при мысли о преследователях, о сотнях людей ил Торнии, обыскивающих город, – и потому она едва не взвизгнула, когда Фултон, подступив, крепко взял ее за локоть.

– Не крутите головой, министр, – тихо проговорил он. – За нами следят. – Он бросил взгляд на напарника. – Бирч, внимание на северо-восточный квадрант.

Адер хотела повернуться, но Фултон нетерпеливо одернул ее.

– Не оборачивайтесь! – прошипел он.

Кожу Адер закололи иголки страха.

– Ты уверен? – спросила она. – Кто там?

– Уверен. Не знаю. Двое рослых мужчин. Сейчас они зашли к торговцу та.

Чтобы не оглядываться, Адер принялась рассматривать толкущийся перед ней народ. Она не представляла, как Фултон в этом столпотворении умудрился распознать два лица. На широкой площади собрались, должно быть, тысячи людей: по пояс голые горшечники, скрючившиеся под тяжелой ношей; стайки разряженных в яркие шелка женщин, явившихся из Кладбищенского квартала посмотреть на новинки, пока товары не унесли на Серый рынок; развалившиеся у фонтана нищие; погонщики в широкополых соломенных шляпах, ведущие сквозь людскую гущу невозмутимых водяных буйволов. Увяжись за ними половина аннурского легиона, Адер в такой толпе и не заметили бы.

– Вдоль канала на запад сотни людей проходят, – зашептала Адер. – В этот час у всех дела на Пруду. Не следили же они все за нами?

– Не в обиду будь сказано, министр, – ответил Фултон, упорно направляя ее к югу, к одной из вливавшихся в широкую площадь улочек, – но вы знаете свое дело, а я свое.

– Куда мы идем? – резко спросила Адер.

Вопреки приказу эдолийца, она решилась оглянуться через плечо: приотстав на два десятка шагов, Бирч с серьезной миной на мальчишеском лице оглядывал лавки.

– Это же направление на юг, а не на запад! – возмутилась Адер.

– На Нижний рынок уже не пойдем. Там небезопасно.

Адер набрала воздуха в грудь. Весь ее план держался на том, чтобы продвинуться на запад, за просторную площадь, и перейти один из широких мостов канала Атмани. А если кто-то заметил, как она выходила из Рассветного дворца, если и на городских улицах за ней следят, тем более надо спешить.

– Коль уж нас преследуют, лучше идти вперед, – сказала она. – Собьем их со следа на Нижнем рынке.

Фултон ожег ее взглядом:

– Нижний рынок – мечта наемного убийцы: всюду толпы, обзор перекрыт, а за шумом собственного голоса не услышишь. Я и раньше не хотел вас туда пускать, а уж теперь и подавно.

Можете, вернувшись во дворец, дать мне отставку. Пусть меня лишат меча, если сочтете нужным, но до того, пока оружие при мне, я за вас отвечаю и буду отвечать. – Он крепче сжал ее локоть. – Не останавливайтесь. И не бегите.

Адер оглянулась на Бирча, который неуловимыми для нее движениями подавал какие-то знаки. Вид у младшего эдолийца был угрюмый, а Фултон коротко кивнул напарнику и снова потеснил ее к ближайшей улице.

– Куда мы? – прошипела Адер.

Вернуться в Рассветный дворец невозможно. Ил Торнья узнает о ее отлучке, да еще при таких странных обстоятельствах. Узнает, что она выходила переодетой, всего с двумя стражниками, и потребует объяснений, а объяснять она не готова. Даже если чудом удастся скрыть неудавшееся путешествие, эдолийцы больше не выпустят ее за красные стены без полноценной охраны.

– Куда ты меня ведешь? – проговорила она, смутно понимая, что в голосе слышится паника.

– В надежное место, – ответил Фултон. – Есть тут одна лавочка.

– В твоей Кентом тронутой лавочке мы будем как в ловушке.

– Только не в этой. Она наша. Мы там хозяева. Называется «Кроличья нора», как раз для таких случаев.

Из людской толкотни навстречу им шагнул торговец. Толстяк с чистосердечной шербадой улыбкой запустил руку в висящий на боку холщовый мешок:

– Огненных яблок, госпожа? Только что из садов Сай-ита, сочные, как поцелуй...

Он не успел протянуть ей свой товар, потому что вперед выступил Фултон. Эдолиец не обнажал оружия, обошелся без него. Его кулак врезался в мягкую гортань торговца, и тот рухнул мешком.

– Он же просто хотел что-то продать! – задохнулась Адер.

Торговец перекатился на бок, забулькал помятым горлом. Эдолийцы не удостоили его и взгляда.

– Его жизнь я охранять не клялся. Нас мало, а красные стены далеко. Двигайтесь, не стойте.

Бирч позади опять подавал знаки одной рукой, а другая лежала на рукояти меча. У Адер перехватило дыхание, скрутило живот. Она в ловушке в этом миллионном городе. Доказательством тому твердая хватка Фултона на ее локте. Стоит покинуть площадь – и дальше ни взад ни вперед, бежать будет некуда. Эдолийцы просто хотят ее уберечь, но...

Она уставилась на Фултона, на его посеревшее лицо. А что, если они не хотят ее уберечь? Здесь, где ее никто не узнает, они могут затащить ее в любой переулок, и конец... Она запнулась на ходу.

«Они не хотели выпускать тебя из дворца», – напомнил ей внутренний голос, но в ушах звенело.

Бирч что-то прокричал, рванул вперед, махнул им, торопя за собой.

Сейчас или никогда, поняла Адер. Не важно, чисты ли намерения эдолийцев, не важно, есть ли за ними слежка, – вернуться – значит выдать себя, а тогда она проиграла.

«Мой отец мертв, – сказала она себе, – и я его последний клинок».

И она рывком выдернула руку.

Фултона перекосило от неожиданности.

– Министр...

Но Адер уже развернулась и ринулась на запад, на площадь, к вытекавшему из Пруда каналу. Ей надо было пробежать по мосту, добраться до узкой канавки, уходящей на запад.

«Всего сотня шагов», – думала она, колотя подошвами по плитам мостовой.

Сотня-другая шагов – и она спасена.

– Бирч! – гаркнул эдолиец.

Младший стражник развернулся, протянул руку, чтобы перехватить Адер, но, растерявшись от ее внезапного рывка, опоздал.

Принцесса метнулась влево. Подол запутался между колен, она полетела лицом в широкие плиты. Выставила руку – боль ударила в запястье и большой палец, – затем подхватила и побежала дальше, задрав выше колен коварное платье.

На Адер глазели все встречные, мелькало лицо за лицом, мужское, женское, – как ряд застывших портретов: изумленный малыш с круглыми карими глазами; лодочник с длинным багром, лицо изувечено шрамом; светловолосый эд с заплетенной в косички бородой до середины груди. Капюшон у нее свалился, открыв лицо, открыв глаза. Люди тыкали пальцами, вскрикивали. Несколько ребятишек увязались следом, вопя: «Принцесса! Малкениан!»

Она решилась обернуться – сама не зная, кого больше боится, эдолийцев или таинственных преследователей. Фултон с Бирчем бежали за ней, но отстали на десяток шагов. Адер с изумлением поняла, что ее план, хоть и отклонился от задуманного, все же работает. Мужчины были намного сильнее ее, сильнее и быстрее, но под их дорожными плащами скрывались доспехи в четверть их веса. Адер же тяготили разве что кошелек да спрятанная в кармане повязка на глаза.

«Еще чуть-чуть, – уговаривала она себя. – Еще немножко, а там уже не важно, кто что заметил».

Она не знала, сколько пришлось бежать, но цель вдруг оказалась перед ней – тот узенький сливной канал, что горожане прозвали Желобком. Желобок не был настоящим каналом – те расходились от Пруда к северу, востоку и западу (широкие, способные пропустить вытянутые лодки, для которых и были вырыты), а эта канавка, не шире шести шагов, вела к крошечному водопаду для отвода излишков воды, чтобы течение в городских каналах было ровнее.

По прошлым посещениям Пруда и Нижнего рынка Адер помнила, сколько тут возилось веселых голых ребятишек. Прыгнув с мостика, они давали бурной струе унести себя на запад, укрыть за поднимавшимися от самой воды постройками. На вид так просто и даже забавно. Но, взобравшись на широкие низкие перила моста, она окаменела, в отчаянии уставилась на воду под собой. Ей представлялся короткий, всего в несколько футов, прыжок в быструю свежую воду. Как видно, память ее подвела.

Невесть почему, Желобок из журчащего ручейка, в самый раз для детских игр, преобразился в бурливый шумный поток, бившийся в берега и вздымавший пенные брызги на два человеческих роста. Адер крепче вцепилась в перила. Детей нигде не было видно.

Весна, сообразила она. Ноги дрожали от бешеной гонки и от нового удара. Она видела купающихся детей ранней осенью, когда вода в канале и Пруду стояла совсем низко. А сейчас, на исходе весны, поток разлился и бешено вгрызался в берега, как обезумевший от голода зверь в свои пути. Адер училась плавать в Изумрудном пруду Рассветного дворца. Девочкой, бывало, упрасивала сопровождающих эдолийцев в тихий день позволить ей поплескаться в гавани. Но такое... Она сомневалась, что сумела бы выгresti в столь бурной воде, даже не измученная погоней, даже без тяжелого платья, которое непременно потянет ко дну. Она уже готова была слезть с перил. Бежать дальше, пешком оторваться от преследователей, затеряться в аннурских улочках и переулках, спрятаться где-нибудь...

Крик совсем рядом приморозил ее к месту.

Фултон с Бирчем уже вбегали на мост. Младший на шаг опережал напарника, и оба орали что-то невразумительное. Пешком она от них не уйдет. Не сумеет. Желобок – единственный путь. Адер парализовал страх, она была не в силах ни на что решиться.

– Делай что-нибудь! – зарычала она самой себе, снова поворачиваясь к бушующей внизу воде. – Шевелись!

И с криком, в котором вызов смешался с рыданием, она перевалилась через перила и кувырком полетела в грохочущую воду.

4

– На карте, дери ее Кент, этого не было! – крикнула с соседнего когтя кеттрала Гвенна, перекрыв высоким голосом шум ветра.

Валин в ответ ограничился кивком – боялся, открыв рот, прикусить язык клацающими зубами. На Киринах погода уже была в самый раз для купания, но в Костистых горах поздняя весна больше походила на зиму, особенно на высоте в добрую милю. Валин оделся в самое теплое, что у него было, но черный плащ не спасал от пронизывающего ветра.

Он взглянул сквозь заиндевевшие ресницы, что за долина внизу. Ущелье тянулось с востока на запад, дно между крутыми высокими стенами открывалось, только когда птица пролетала прямо над ним. Кеттрал полдня летали над гористой страной, высматривая среди серой каменной пустыни и льдов приметы затерянного города Рампури Тана. Монах кое-как объяснил Валину, где искать, но без подробностей.

– Я всего дважды там бывал, – как придурку втолковывал он Валину, – и ни разу не видел его с воздуха.

Значит, им предстоял долгий и очень холодный поиск. Карты кеттрал были самыми точными в мире: с парящей птицы легко проследить береговые линии и течение рек, но забираться в глубину Костистых гор никому в голову не приходило. Для армии здешние гранитные вершины и заснеженные ущелья не представляли интереса: никто не поведет войска через Кости, да и селений в горах не было, не считая нескольких деревушек рудокопов.

Валин сказал бы, что в таких северных краях и не могло быть города, но вот меж отвесных гранитных стен ущелья открылись ряды прямоугольных углублений и ровные уступы. Ветра и суровая непогода сгладили работу каменотесов, так что он не враз догадался, что видит лестницы и дымоходы, окна и балконы, наподобие пчелиных сот лепившихся к вертикальной стене. Ассар – тот самый мертвый город Рампури Тана.

«Наконец-то», – подумал Валин, стискивая зубы, чтобы не дрожать.

Тронув брата за плечо, он показал вниз. Каден крепче ухватился за петлю над головой и немного свесился с когтя, заглядывая в ущелье. Для новичка он на удивление хладнокровно переносил полет на кеттрале. Сам Валин, впервые попав на Острова, пугался огромных птиц, а Каден, расспросив, как подниматься на коготь, как высаживаться и как лучше держаться в полете, преспокойно устроился в сбруе и осматривал вершины своими непроницаемыми огненными глазами. Когда под крылом прошла четверть ущелья, он снова повернулся к Валину и кивнул. Гвенна, недовольная соседством делившей с ней птичью лапу Тристе, то и дело шпыняла девушку, заставляя сменить позицию, и больше пугала, чем помогала устроиться надежней и удобней. А разве Тристе виновата, что ничего не понимает в летном деле?

То, что она не только осталась жива, но и сумела помочь в самую трудную минуту, немало говорило о ее решимости и стойкости, но всему есть предел. Девушка – не солдат, она жрица богини наслаждения. В храме Съены ее с детства учили играть на лютне, танцевать и разбираться в тонких винах, а не готовили к суровой жизни кеттрал.

«Ясное дело, – напомнил себе Валин, – я бы выглядел не лучше, потребуй от меня кто сыграть на лютне. У каждого свои слабые места. Разница в том, что паршивая игра на лютне не грозит смертью».

Гвенна вскоре отказалась от неуклюжих попыток помочь и предоставила Тристе болтаться на холодном ветру как придется. Валин все поглядывал на девушку, замечая, как жалко та ежится, обвиснув в ременной сбруе. Свое превратившееся в лохмотья платье она сменила на мундир убитого эдолийца, и теперь слишком просторная для ее роста одежда хлопала на ветру, как развешанное белье. Но смешной наряд не отвлекал Валина от ее иссиня-черных

волос и фиалковых глаз. Рядом с Тристе женщины из его крыла выглядели тусклыми и серыми. Гвенне, впрочем, на внешность было плевать. А вот неловкости она спутнице не прощала.

О том, что творится на другой птице, Валину даже думать не хотелось. Им повезло, что перебитое крыло предателя Сами Юрла оставило им второго кеттрала, но Талалу пришлось переквалифицироваться в пилота, а Рампури Тан с Пирр остались под ненадежной опекой Анник. Гвенна хотя бы дала себе труд пошпынить Тристе, выправляя ее позу в полете, а снайперша, сколько мог разобрать Валин, вовсе не занималась подопечными, устремив жесткий взгляд на землю и, несмотря на ледяной ветер, держа наготове лук. К счастью, и Рампури Тан, и Пирр сумели приспособиться к сбруе и крепко ухватились за страховочные петли над собой. Не свалились, и на том спасибо.

«Скоро спускаться», – напомнил себе Валин и, прищурившись, стал высматривать место для посадки.

Он уже понял, почему это ущелье оказалось пригодным для жизни: оно было глубже, много глубже других. Не узкая треугольная щель, какие пролегали между окрестными пиками, а тысячи футов отвесных стен, затенивших и укрывших от непогоды лощину, в которой зелени было больше, чем бурого и серого: здесь вместо редких кривых пеньков росли настоящие деревья. Когда птицы спустились ниже кромки обрыва, Валин ощутил кожей влажное тепло. От тающих снегов в верховьях тянулись тонкие ниточки водопадов в мерцающей завесе брызг. Радужные струи падали в озеро, от которого по дну ущелья протекала ленивая река. Берега ее поросли травой – не сухими пучками, какие они видели на высоте, а настоящей зеленой травой, которую можно было даже назвать сочной.

Однако взгляд Валина притягивал город – если слово «город» тут подходило. Ничего похожего он прежде не видел. От уступа к уступу зигзагом тянулись лестницы, а сами уступы не все выглядели так, словно от стены отвалилась большая глыба камня; некоторые были слишком ровными и правильными, как если бы их годы или десятилетия вырубала человеческая рука. В стене рядами зияли грубые прямоугольные дыры – окна жилищ. Отверстия помельче могли служить дымоходами или гнездами давно прогнивших деревянных балок. С высоты трудно было оценить масштаб, но верхний ряд окон поднимался по меньшей мере на сто шагов над долиной – куда выше черных сосен. Ошеломленный масштабами труда, Валин гадал, сколько заняло строительство, сколько мужчин и женщин и сколько лет работали здесь, вырубая себе жилища в камне. Он был солдат, а не инженер. Десятки лет? Сотни?

Город был красив. И что важнее, удобен для обороны. Вход в ущелье открывался только с востока, и подниматься к нему пришлось бы по ужасно крутому склону. Полсотни человек могли защищать устье ущелья от целой армии, просто скатывая с кручи валуны. На ровных террасах вдоль подножия стен можно было пасти скот и выращивать хлеб, так что, если бы войско сумело все же пробиться в ущелье, городу хватило бы припасов выдерживать осаду хоть вечность. Хороший город, надежный город.

Почему же он мертв?

Рампури Тан поспешил на объяснения, и, может быть, к лучшему, потому что некоторые его слова и так встревожили Валина. Как видно, где-то там, внизу, находились кента. Которые в один шаг перенесут Кадена с Таном за полмира отсюда. Все это казалось нелепицей, но, проучившись восемь лет в компании личей, навидавшись, что вытворяли наделенные странными силами Балендин и Талал, побывав в Халовой Дыре, Валин не готов был с ходу отмахнуться от рассказов Кадена. И все же – неплохо бы знать, как выглядит эта штукавина, поцелуй ее Кент!

Валин надеялся получить описание искомым врат – размеры, очертания, – но Каден, видно, и сам почти ничего не знал о сооружении кшештрим, а монах сказал только: «Найдите город, а к кента я вас приведу».

– Вот тебе и город, – бормотал Валин, разминая правую руку, чтобы в случае чего удерживать меч, и вглядываясь между ремнями креплений.

Знаком он приказал Гвенне помочь при высадке, потом осмотреть периметр. Гвенна нетерпеливо мотнула головой – она уже ослабила пряжки на сбруе Тристе, подготовив ее к сбросу. Сообщение Лейту Валин передал, натянув сигнальные ремни, – пилот, слегка развернув Суант-ру, направил птицу к подножию скалы в нескольких десятках шагов от лестниц и окон.

«Хорошо бы город и вправду оказался мертвым», – думал Валин, вглядываясь в наплывающий снизу растрескавшийся камень.

Сброс прошел легче, чем он ожидал. Монахи выполнили наставления в точности, словно учились не один день; легкую Тристе Валин без труда подхватил на руки, а Пирр в последнее мгновение, когда уже казалось, что вот-вот разобьет себе голову, спрыгнула с когтя и, хихикнув, перекатом вскочила на ноги. Не дожидаясь, пока новички восстановят равновесие, Анник и Гвенна с клинками наголо бросились в разные стороны, проверять периметр: одна – сквозь густую траву, вторая, проворно засветив штормовой фонарь, – в зияющую пасть города.

– Как мне случалось говорить после затянувшейся попойки, – заметила Пирр, бросая взгляд вперед, туда, где Лейт с Талалом посадили птиц, – меньше было бы лучше.

– К длинным перелетам нужна привычка, – согласился Валин.

Он постарался скрыть, что и сам околел, болтаясь в сбруе, и продрог до костей на ветру. Считалось, что наемница на их стороне, но люди, которым полагалось быть на их стороне, что-то на удивление часто пытались их убить, и Валин не спешил открывать этой женщине больше самого необходимого. Вместо этого он обратился к Рампури Тану:

– Скажи, что мы попали куда надо.

– Город оказался севернее, чем я думал, – кивнул монах.

– И что это, собственно говоря, такое? – спросила Пирр, запрокидывая голову, чтобы окинуть взглядом стены. – Часть Антеры?

– Не думаю, что это можно назвать частью чего бы то ни было, – ответил Каден, медленно обернувшись к источенной и выветренной стене. – По крайней мере, теперь.

Наверху до темноты оставалось еще не меньше часа, но в глубине долины уже сгушалась ночь, и Валин усердно всматривался в полумрак, запоминая местность: водопад, озерцо, узкая река, уходящая на восток. К основанию стен с незапамятных времен обрушивались камнепады, а чуть дальше от подножия густо росли черные сосны, так что в обе стороны видно было всего на сотню шагов.

Валин обернулся к щербатой стене. С уровня земли внутрь вел единственный проем – в него, словно в беззубый рот, и нырнула Гвенна. На высоте в двадцать-тридцать футов тянулся ряд узких щелей – многие десятки бойниц. Вход окружала грубая резьба – человеческие фигуры, так стертые дождем и ветром, что Валин различал только позы, и то с трудом. Может быть, когда-то здесь изображалась победа, но изуродованные погодными явлениями тела наводили на мысли о поражении и смерти. Из камня торчали ржавые штыри, но петли, которые на них держались, давно пропали, как и сами прогнившие насквозь двери. Все говорило о том, что это место, чем бы оно ни было, давным-давно покинуто.

Лейт занялся Суант-рой: проверил, не повреждены ли маховые перья, потом осмотрел ведущий край каждого крыла. Птица Юрла ждала в десятке шагов; нахолившись от подступающего ночного холода, кеттрал посматривал на всех непроницаемым черным глазом. Птица могла носить любого подготовленного человека, и, в теории, она не знала, что крыло Сами Юрла уничтожено людьми Валина, да и не было ей до этого дела. Но это в теории, будь она неладна. Валин готов был молиться Халу, чтобы теория не ошиблась.

– Им тоже ночной отдых пойдет на пользу, – сказал Лейт, перебирая пальцами хвостовое оперение Ра.

Валин покачал головой:

– Не будет им отдыха.

– Это почему? – обернулся к нему пилот.

– Ты знаешь призывный и командные свистки для птицы Юрла? – спросил Валин.

– А как же! Без них что с нее проку?

– Поднимешь обеих в воздух, – распорядился Валин. – Пусть ходят кругами. Птица Юрла – низко, над самыми деревьями, а Суант-ру подними повыше. Если придется быстро уходить, подзовем.

– Она устала, Вал, – покачал головой Лейт. – Обе устали.

– А мы не устали?

– Мы же собирались этой ночью поспать немножко. Даже на поднимающихся из каньона воздушных потоках тяжело кружить в небе полночи. Много ли нам будет проку с полумертвых птиц?

– Нам мертвым с них вовсе не будет проку, – сказал Валин. – Надо исходить из того, что за нами погоня. На нас объявлена охота. Охотники – крыло кеттрал, если не два.

– Почему исходить надо из этого?

Валин опешил:

– Мы же теперь преступники. Покинули Острова, ослушавшись прямого приказа. Перебили другое крыло...

– Которое покушалось на жизнь императора, – тихо напомнил подошедший Талал.

– Это известно только нам, – напомнил Валин. – С точки зрения Гнезда, мы предатели.

– Если они сами не предатели, – буркнул Лейт. – Давин Шалиль, или Блоха, или еще кто.

Тогда нам и вовсе крышка.

Валин медленно выдохнул:

– Не думаю, чтобы Блоха был в этом замешан.

– Ты сам говоришь, что ублюдок за нами охотится.

– Говорю, – признал Валин. – Но не думаю, что он участвует в заговоре.

Он помолчал, соображая, не упустил ли чего, потом предложил:

– Подумаем вместе. Юрл с Балендином – злодеи, участники заговора, и Шалиль послала их на север.

– А-а... – кивнул Талал.

– Что «а-а»? – возмутился Лейт, переводя взгляд с Валина на лича и обратно. – Разьясните по буквам для меня, дурака.

– Если бы ты желал смерти императору, – сказал Валин, – и мог выбирать между Юрлом и Блохой, ты бы кого послал?

– А-а... Будь крыло ветеранов в заговоре, Шалиль послала бы их. – Лейт просветлел. – Хорошая новость! Охотники на нашей стороне.

– Только они об этом не знают, – уточнил Валин, – и вполне могут нашпиговать нас стрелами прежде, чем мы их известим.

– Плохая новость, – развел руками Лейт. – Все эти за и против меня убивают. И все-таки, если нас действительно выслеживают кеттрал, тем более надо дать птицам отдохнуть. Послушай, Валин, я в кеттралах разбираюсь. Пилотов лучше меня на Островах всего двое: Быстрый Джак и Ши Хоай Ми. Джак завалил Пробу, а Ши Хоай, если ты прав, охотится за нами, так что лучше меня ты не найдешь. А я говорю: дай им отдохнуть.

Валин нахмурился в темноте, попробовал поставить себя на место Блохи. Смешно сравнивать себя с Блохой, но он упрямо пытался.

– Тут суть не в мастерстве пилота, Лейт. Вопрос тактики. На их месте я бы постарался первым делом снять птиц. Спустить нас на землю. Нами, бескрылыми, они смогут крутить как захотят. Я этого не допущу.

Лейт широко развел руками:

– А ты видел, через какие горы мы летели? Возьмись даже все гребаное Гнездо их прочесывать, много ли шансов, что нас найдут?

– Все Гнездо меня не волнует, – ответил Валин, сдерживая злость. – Меня волнует Блоха. Он, как ты помнишь, тем и славен, что делает невозможное. Поднимай птиц в воздух. Одну пониже, другую повыше.

Сцепившись с ним взглядом, Лейт чуть помедлил и примирительно вскинул руки:

– Ты беспокойный сукин сын, Валин уй-Малкениан.

– Твое дело – летать, – заметил Валин, – мое – беспокоиться.

Пилот фыркнул:

– Держи! – Он кинул Валину какую-то вещицу. – Раз уж ты так переживаешь, получи один свисток. У крыла Юрла было два.

Через несколько минут Лейт закончил осмотр кеттралов. К тому времени, когда он снова поднял их в небо – бесшумные черные силуэты на фоне звезд, – вернулась Анник. Она выбежала неторопливой рысцой из-за купы черных сосен, держа стрелу на тетиве.

– Нашла кого? – осведомился Валин.

Она покачала головой:

– Ни огня, ни дыма, ни мусора, ни отходов не замечено.

– Да уж, городок не процветает, – согласился он, снова оглядываясь по сторонам.

– Я же сказал, город мертв, – вмешался Тан.

– Точно, чтоб его! – добавила, выступив из дверного проема, Гвенна: фонарь – в одной руке, обнаженный короткий меч – в другой.

– Есть там что-нибудь? – обратился к ней Валин, пропустив мимо ушей слова монаха.

Рампури Тан в полном праве иметь свое мнение, но Валин уже однажды чуть не погубил себя и крыло неосторожностью. И не собирался задерживаться в незнакомом городе, живом или мертвом, не предприняв никаких мер.

Гвенна пожала плечами:

– Все, что не гниет: ножи, горшки, браслеты. А, еще кости. Кентова пропасть костей.

– Где?

– Везде. Как будто здешних бедолаг перебили за завтраком.

Валин хмуро обратился к монаху:

– Итак, мы сами убедились: здесь пусто. Но что это «здесь»? Что погубило местных жителей?

– Это Ассар, – ответил Тан. – Город первых людей.

Гвенна коротко взлаяла – рассмеялась. Валин был бы рад расспросить Тана, откуда ему все это известно и почему город не отмечен ни на одной карте империи, но спускалась ночь, а они еще не нашли надежного укрытия. Гвенна с Анник – хорошие разведчицы, но Валин хотел до полной темноты собрать всех на удобной для обороны позиции. Он и в кромешной тьме неплохо видел и мог действовать – его явное преимущество, – но другим членам крыла не так повезло в Халовой Дыре, а остальные, не кеттрал, будут совсем слепы.

– Ладно, об этом после. А сейчас... – он указал на скальную стену, – идем внутрь, поднимаемся, находим место с окном на ущелье – мне нужно видеть долину.

Лейт шевельнул бровью и ткнул в сторону Тана большим пальцем:

– Он говорит, город древнее самой земли, а ты хочешь разбить лагерь в растрескавшейся скале. Нельзя ли найти место, где ничего не рухнет нам на голову?

– Я хочу забраться повыше, – ответил Валин.

– Чего ради? За крысами будешь гоняться?

Валин проглотил резкий ответ:

– Да, за крысами. Это утес, Лейт. Скалы сами собой не падают.

Пилот обвел рукой следы камнепадов на дне долины – там попадались валуны величиной с сельский домик.

– Скала крепкая, – заверил Тан, – а кента внутри.

Как будто это все решало.

– То, что нам нужно, – кивнул Валин. – Ну, двигаемся. Свет уходит, а мы здесь раскудахтались.

Кеттрал припустили легкой рысцой. Пирр и монахи на несколько шагов приотстали. Валин был уже на полпути к стене, когда сообразил, что Тристе осталась на месте. Она стояла на большой поляне, озиравлась, блестя в меркнушем свете круглыми, как фонари, глазами, и стягивала на груди не по росту большую одежду.

– Тристе! – окликнул ее Валин. – Идем.

Она будто не услышала, и тогда он, ругнувшись себе под нос, повернул обратно. Плохо уже то, что собственное крыло оспаривает его решения – но те хоть умелые бойцы и понимают в тактике, – а всю дорогу до Аннура нянчиться с девчонкой... Эта мысль испарилась из головы, едва девушка повернула к нему лицо, словно смотревшее из зыбкого сна.

– Тристе, – позвал он, вглядываясь в это лицо. – Тристе!

Она наконец увидела его. Слезы, навернувшись на глаза, отразили последнее золото заката.

– Ты здорова? – Валин тронул ее за локоть.

Она кивнула, вся дрожа:

– Да. Просто... не знаю. Здесь такое грустное место.

– Ты замерзла, устала. Пойдем внутрь.

Она помедлила, но все же повернулась к древнему городу и позволила увести себя к скале.

* * *

Снаружи скала казалась прочной: гладкая поверхность выветрилась и выщербилась, ставни, если были на окнах, давно рассыпались в прах, но очертания дверного проема выглядели четкими, отвесы более или менее сохранились. Однако стоило шагнуть под резную притолоку, Валин увидел, что и здесь время и тление совершили свое тихое злодейство. Хоть костяком города и служила скала, зубила и резцы строителей не могли преградить дорогу воде и ветру. С немислимой высоты стекали по скале ручейки. Вода, чистая и холодная, зимой наверняка замерзала, и лед за столетия отколол целые глыбы камня, отделив их от стен и потолка щелями. Местами проход загромаждали обломки величиной с лошадь, а под ногами коварно перекачивались осколки помельче.

В глубине пещеры в ноздри бил запах сырого камня и лишайников. Через двадцать шагов в пугающей тесноте, испещренной бойницами для стрелков и дырами-убийцами, коридор вывел в высокое просторное помещение, отчасти естественное, отчасти выбитое в камне, – видимо, своего рода преддверие. В стенах еще держались крепления для факелов, а посередине, растрескавшаяся, но не утратившая изящества, красовалась большая чаша для воды. Когда-то зал, наверное, производил впечатление гостеприимства, а то и величия, но сейчас показался пустым и холодным, да и для обороны был слишком велик.

Из него вели дверные проемы – черные прямоугольники в темной стене, а вдоль боковых стен тянулись вверх широкие каменные лестницы. Они ничем не отличались друг от друга, поэтому Валин, не сумев выбрать, повернулся к Тану:

– Нам по которой?

Никто не отозвался.

– Все мы любим красивые интерьеры, – снова заговорил Валин, переждав и оглядывая спутников, – но отсюда ведет с десяток дверей, а у нас не хватит ни людей, чтобы приставить к каждой, ни материалов, чтобы их заблокировать. Так что если вы уже налюбовались архитектурой...

– Валин, – подал наконец голос Каден. – У тебя есть фонарь? Я здесь собственной руки у самого носа не вижу.

Валин чуть не огрызнулся со злостью: сперва надо забраться повыше, а уж потом думать об освещении, – но тут же спохватился – брат не преувеличивал. Его глазами зал виделся смутным и полутемным, но ориентироваться вполне можно было. Остальные же таращились в полную темноту.

«Сларновы штучки», – сообразил Валин, холодея при мысли о гнусной чернильной жиже черного яйца в глотке.

– Конечно, – сказал он, отбрасывая воспоминания и нашаривая в мешке оружейный фонарь.

Валин зажег его и поднял повыше. В мерцающем свете зал выглядел еще мрачнее. Облупившаяся на стенах и потолке штукатурка засыпала пол и обнажила камень. В нескольких шагах от них пол провалился, дыра зияла темнотой погреба. Строители, как видно, не только пробивались вверх, но и рыли вниз, и Валину нисколько не улучшило настроения открытие, что он стоит на истлевшем своде подземелья и что опора под ногами изрыта туннелями.

«Как тысячу лет держалось, – сказал он себе, – так и одну ночь продержится».

– Нам туда, – произнес Тан, указав на лестницу слева.

Валин глянул на монаха, кивнул и, достав из ножен один из широких мечей, стал подниматься.

Лестница изящно огибала зал, а под самым потолком ныряла в узкий, но высокий проем. Валин прижался к стене, пропустив Тана вперед, и стал отсчитывать пролеты в надежде запомнить путь наружу. Все здесь неприятно напоминало Халову Дыру, и, хотя темнота ему не мешала, все эти повороты туда-сюда, открывающиеся по сторонам камеры и змеящиеся коридоры морочили голову. Вскоре он утратил представление, какая дверь ведет наружу, а какая – в глубины земли. Добравшись до просторного зала, из которого во все стороны разбежались новые ходы, Валин остановился:

– Надеюсь, ты знаешь дорогу, монах.

– Долина там, – указал Каден.

– Как ты понял?

– Монахи давно обучились этому трюку, – пожал плечами Каден.

– Не доверяю я трюкам, – буркнул Валин, но Тан уже выбрал коридор.

– Он прав, – бросил монах через плечо. – И кента уже близко.

Трюк, как выяснилось, работал. Шагов через сорок они вынырнули из туннеля на широкий уступ. В сотне футов над ними скальная стена плавно изгибалась, образуя естественную крышу, защищавшую от дождя и снега, но не препятствующую свету и воздуху. После давящей темноты водянистый лунный свет показался ярким, слишком ярким. Валин шагнул к краю: обрыв в полторы сотни футов отгораживали остатки низкой стены. Они уже поднялись над вершинами сосен, с высоты взгляду открывалась вся долина. Валину видны были лунные блики – серебряные монетки на речных струях. Порыв ветра ударил в плечо, но он не отступил от края.

– Здесь были скамьи, – сказал Талал.

Отколовшись от остальных, лич осматривал темные углы:

– И прямо из скалы бил фонтан. Облицовка почти стерлась, но вода еще течет.

– Они вырубili сток, – показала Тристе, – и чашу.

– Кто-то здесь хорошо устроился, – добавил Лейт, оглядывая большое строение на дальнем конце уступа.

Это здание, в отличие от оставшихся позади залов и туннелей, было не вытесано в камне, а выстроено, точно крепость, на самом краю обрыва.

«Нет, – поправился Валин, отметив высокие окна и широкие проемы дверей. – Не крепость. Скорее, дворец».

Здание занимало половину площадки, поднималось на четыре или пять этажей, так что крыша почти упиралась в гранитный выступ.

– Огромный домина, – вставил пилот, – и при нем сад на полтеррасы.

– Где эти кента? – спросил Валин, медленно поворачиваясь кругом и сам не слишком понимая, что высматривает.

– Внутри, – ответил Тан.

– Нам подойдет, – кивнул Валин. – Идем внутрь.

– Я думал, тебе нужен обзор, – проворчал пилот.

– Мне нужен обзор, – согласился Валин, – но я не хочу, чтобы видели меня. В этом дворце есть окна. И кента в нем. Обоснуемся там.

Дворец, даже обветшавший и осыпающийся, не обманул ожиданий. Он не походил на кроличьи норы нижних туннелей: здесь потолки были высокими, фигурные окна щедро пропускали лунный свет и прохладный ночной воздух. Нет, это не укрепление, но к чему укреплять свое жилище тем, кто поселился на отвесной скале без малого в две сотни футов?

– Наверх!

Тан махнул рукой на широкую центральную лестницу с раскroшившимися перилами.

– Мне казалось, мы и так наверху, – скрипнул Лейт. – Говорят, нехорошо слишком возноситься.

– И это слова пилота крыла! – заметила Гвенна.

– Как вы думаете, что здесь было? – спросил Каден, проводя ладонью по камню.

Валин только плечами пожал:

– Королевский дворец. Или храм. Или гильдейский зал, если в городе правили купцы.

К его удивлению, Тристе покачала головой.

– Сиротский приют, – сказала девушка так тихо, что он подумал, не ослышался ли.

– Приют? – удивилась Пирр.

Убийца с самой высадки выглядела скорее заинтересованной, нежели озабоченной, но руку далеко от ножей не убирала.

– Жаль, что там, где я выросла, не заботятся так о сиротах.

Тан, не слушая наемницу, повернулся к Тристе и впился в нее взглядом:

– Откуда тебе это известно?

В поисках поддержки она оглянулась на Кадена, потом указала туда, откуда они пришли, – на дверной проем:

– Над входом вырезано. Разве никто не видел?

Валин покачал головой. Ему, в сущности, было плевать, склад здесь размещался или бордель, лишь бы был хороший обзор, хватало выходов и потолок не грозил обвалиться на голову. А вот Рампури Тан сверлил девушку своим пустым непроницаемым взглядом.

– Покажи, – сказал он.

– Мы поднимаемся наверх, – распорядился Валин. – Хочу установить периметр до полной темноты.

Тан повернулся к нему:

– Так устанавливай. А девушка пойдет со мной.

Валин прикусил язык. Монах не входил в его крыло и ему не подчинялся. Можно было настаивать, но Рампури Тан не из тех, кто уступает давлению, а каждая минута, потерянная в споре, увеличивала их уязвимость. Кроме того, от монаха исходило чувство опасности – что-то такое было в его манере держать необычное копьё и в холодной невозмутимости взгляда.

Валин полагал, что, дойди до драки, сумеет его убить, однако проверять это не хотелось, да и причин не было.

– Ладно, – отрезал он. – Я вас прикрою. Только быстро.

Они нашли надпись там, куда указала Тристе. Слова, рябые от щербин, наполовину скрывал лишайник. Валин прищурился, пытаясь разобрать буквы, и понял, что язык ему незнаком. На Островах учили много языков, но эти значки казались чужими: резкие, угловатые – такие удобно вырубать резцом, а не выводить кистью. Вздернув бровь, он обратился к Тристе:

– Можешь прочитать?

– По-моему, да.

– Что там написано? – требовательно спросил Тан.

Она стояла в глубокой тени, разглядывая притолоку и вздрагивая от внезапно подступившего ночного холода. Валин уже ждал, что девушка признается в непонимании языка, но она, поначалу запинаясь, заговорила на удивление певучим, музыкальным голосом:

– Йентайн, на си-йентанин. На си-андреллин, эйран.

Звучало это так же странно, как выглядели выбитые в камне знаки, и Валин обернулся к Тану. Лицо монаха по-прежнему ничего не выражало. Познакомившись с хин, Валин начал понимать, как много значили для него чуть заметные проявления человеческих чувств. Прищур глаз, побелевшие костяшки пальцев, напряженные плечи – все это он умел читать, различая знаки воинственных намерений, покорности, гнева или спокойствия. А монахи, особенно Тан, были для него словно белые листы, вычищенный палимпсест, хранящий абсолютную пустоту.

– Что это означает? – спросил Валин, главным образом чтобы разбить хрупкое молчание.

Тристе сдвинула брови и почти без запинки перевела:

– Дом для тех, у кого нет дома. Не имеющим семьи – любовь.

Пока они разговаривали, подошла Пирр и, поджав губы, оглядела надпись:

– Не проще ли было выдолбить просто: «Приют»? А еще лучше: «Дети».

– На каком это языке? – спросил Валин.

Тристе замялась, покачала головой.

– На кшештримском, – не дождавшись ее ответа, заговорил Тан. – Точнее сказать, на этом наречии кшештрим общались с первыми людьми.

Валин поднял бровь:

– Жрицы Съены читают на кшештримском?

Тристе прикусила губу:

– Я не... да, наверное. Нас учили многим языкам. Мужчины бывали... отовсюду. Со всего света.

– То есть ты его выучила на случай, если придется уболаговорять кшештрим? – уточнила Пирр. – Я в восхищении.

– Я не лейна, – ответила ей Тристе. – Я не проходила посвящения...

Она осеклась, а надпись теперь разглядывала, словно ядовитую змею.

– Ну и ладно, – сказал, помолчав, Валин. – Учить языки всегда интересно.

Он пробежался взглядом по всей стене, и волоски на предплечьях встали дыбом: на дальнем краю уступа, в ста шагах от него, в черном проеме что-то мелькнуло. Ни света, ни звука – просто что-то беззвучно шевельнулось в темноте и исчезло так быстро, что он усомнился, не обманывает ли его зрение. Это могло быть что угодно: занесенный ветром листок, надутая полоска ткани. Нет там никакой ткани, вспомнил он. Гвенна с Анник заверили: все сгнило, кроме твердых предметов. Остались одни кости.

В Костистых горах водились звери: скалистые львы, медведи и множество мелких и не столь опасных животных. Кто-то мог устроить логово в скалах. Или увязаться за ними. В любом

случае они беззащитны здесь, перед входом в приют, освещенные собственным фонарем. Бросаться на тени – верный способ промахнуться, но вот стоять на открытом месте...

– Все наверх, – приказал он. – Лейт, Гвенна, проверьте первый этаж. Талал и Анник – верхние. Гвенна, раскидай вокруг свои штучки.

Он еще раз оглянулся через плечо туда, где заметил промельк: ничего. Неподвижная тихая ночь.

– Живо! – рявкнул Валин, повернувшись к своим.

5

Адер чуть не все утро просидела под мостом, скукожившись, прижавшись к каменной облицовке и стуча зубами на свежем весеннем ветру. Она вся дрожала под промокшим сукном, и влажные волосы, сколько она их ни выкручивала, холодили загривок. На солнце высохла бы скорее, но, пока не высохнет, надо скрываться в тени. Промокшую женщину на улице непременно заметят, а Фултон с Бирчем станут всех расспрашивать – нельзя, чтобы ее кто-то запомнил.

Ожидание было хуже холода. Каждая новая минута – в плюс эдолийцам на организацию погони, уходить от которой она не была готова. Сколько будет сохнуть платье? Она представления не имела. Всю жизнь каждое утро рабыня приносила ей свежевывстиранную одежду, она же каждый вечер забирала грязную. Адер не знала, не придется ли ей весь день трястись под мостом.

Она закусила губу. Выбора нет. К ночи эдолийцы будут прочесывать оба берега Желобка, начиная с места, откуда она прыгнула, и под мостами посмотрят. К ночи надо уйти далеко, еще лучше – к полудню, а одежда, сколько ни торопи, быстрее не высохнет. Дрожа и ежась, Адер пыталась обдумать план на ближайшие несколько часов, предусмотреть трудности и слабые места.

Трудности были очевидны. Первым делом надо сообразить, как добраться до дороги Богов неизбитой, неограбленной и неизнасилованной. Она рискнула одним глазком выглянуть из-под моста. Далеко ли унес ее поток, пока она пыталась выкарабкаться на берег, Адер не знала, но покосившиеся стены, узкие улочки, вонь отбросов и несвежей еды подсказывали, что она попала в городские трущобы, возможно даже в Ароматный квартал. Где-то рядом громко переругивались мужчина и женщина: она пронзительно взвизгивала, он грозно рычал. В стену ударилось что-то тяжелое, разлетелось вдребезги, и голоса смолкли. Еще ближе лаяла собака, никак не хотела уgomониться.

Онемевшими пальцами Адер вытянула из кармана лоскут муслина. Повязала вокруг головы. В густой тени моста ей мало что было видно – разве что собственную руку перед носом и отражение солнца в воде (там, где струя не успела нырнуть под каменную арку), а еще смутные очертания подгнивших опор. Она знала, что видно сквозь повязку будет плохо, но, помнится, когда испытывала ее в своих покоях, такой слепой не была. Повозившись немного, примерив тряпку и так и этак, она в конце концов вовсе ее сорвала, распутала узел и начала все заново.

Если повязка сползет, ей конец. Если развяжется, ей конец. Тени домов сдвигались вдоль канала, а она все сражалась с тряпичей, перевязывая снова и снова, пока не нашла единственно возможный способ. Не слишком хорошо, но жить можно. Придется. Она осторожно потрогала платье: влажное, но уже ни капли не выжмешь. Грань между осторожностью и трусостью уловить трудно, но Адер чувствовала, что приближается к ней.

– Вставай, – тихо велела она себе. – Вылезай. Пора уже.

Адер высунулась из-под моста: никого. Она с облегчением перевела дыхание, разобрав только двух женщин шагах в двадцати вверх по улице: одна волокла увесистую бадью, другая сгибалась под тяжестью бесформенного мешка на плече. Адер обрадовалась: на ярком солнце сквозь ткань повязки она смогла разглядеть, хоть и смутно, что это именно женщины. Желобок унес ее на запад, значит храм Света лежит где-то севернее. Адер еще разок осмотрела себя, помедлила и вышла из-под моста.

Вокруг Рассветного дворца все улицы были вымощены камнем. Одни, как дорога Богов, – большими известняковыми плитами величиной с повозку, которые заменяли каждые двадцать лет, когда колеса и потоки воды вымывали в них глубокие колеи. Другие, попроще, мостили

кирпичом или булыжником, а по сторонам тянулись открытые сточные канавы. Но никогда еще Адер не ступала по улице вовсе без мостовой, без труб или канавок для отвода стоков, и теперь, когда нога по щиколотку утонула в грязи, принцесса похолодела от ужаса. Оставалось надеяться, что это просто грязь, хотя зловоние намекало на кое-что похуже.

Она выдернула ногу. А потом сжала зубы и опасно шагнула, выбирая кочки повыше и потверже, сторонясь рытвин и колеи. Идти пришлось медленно, но все же она умудрилась не оставить в грязи башмаков и понемногу продвигаться в ту сторону, где с отчаянной надеждой угадывала север, – пока смешок за спиной не заставил ее обернуться.

– Чё, боимся башмачки изгваздать?

Пока она смотрела под ноги, выбирая дорогу, и подтягивала подол платья, чтобы не измазать в лужах, к ней пристали двое парней. Эти шлепали по грязи босиком и думать не думали о брызгах на штанинах. Один небрежно держал на плече багор, другой нес простую корзину. Канальные крысы, сообразила Адер.

Кое-кому удавалось прожить, хоть и скудно, торча на мостах и вылавливая из воды проплывавший мусор. Адер выросла на рассказах об Эммиле Короле Нищих, якобы выловившем из воды сундук жемчуга и ставшем первым богачом Аннура. Этим двоим не так повезло. Корзина была пуста и, судя по впалым мальчишеским щекам, пустовала давно. Юнец с багром ткнул в Адер пальцем. У него были короткие волосы и острая мордочка хорька. И ехидная улыбочка. У Адер светло живот.

– Говорю, чё, боишься башмачки замарать? – Он запнулся, только сейчас заметив повязку. – Чё это у тебя с глазками?

Не зазубри она ответ, повторяя его сотни раз, так и застыла бы с разинутым ртом. А теперь сумел выдавить:

– Речная слепота.

– Речная слепота?

Багорщик покосился на приятеля – пухлого парнягу с головой-тыквой. Тыквоголовый глянул на нее и сплюнул в грязь.

– Речная слепота... – повторил первый, повернувшись к ней.

Адер кивнула. Парень снял багор с плеча и помахал у нее перед глазами:

– Видала? Это что?

– Я кое-что вижу, – ответила ему Адер. – Только от света больно.

Она отвернулась, надеясь, что приставалы отвяжутся, но не прошла и пяти шагов, когда багор зацепил ее за подол. Пришлось остановиться.

– Погоди-погоди, – приговаривал первый юнец, подтягивая ее поближе и разворачивая к себе лицом. – Какой парень оставит красотку марать башмачки в грязи? Да еще слепую, бедняжку.

– Я не совсем слепая, – отвечала Адер, пытаясь отцепить юбку от крюка. – Я справляюсь.

– Прошу, – не отставал юноша, помахав своему спутнику. – Мы сейчас как раз без работы. Дай проводить тебя хоть до Делленской площади. Оттуда дорога лучше.

– Не могу.

– Вот корзина, – настаивал он.

Корзина была шириной в полный обхват – можно запихнуть все, что выловишь из канала. И ручки крепкие, деревянные.

– Плюхай свой зад сюда, а мы с Орреном донесем.

Адер замаялась. Эти двое ее пугали, но она уже поняла, что страшится почти всего за пределами красных стен: канала, узких улочек, криков и хлопающих дверей, людей с вызовом во взгляде. Весь этот Кентом клятый мир приводил ее в ужас, но не могут же все жители Аннура быть разбойниками и насильниками? Она напонила себе, что не только богачи

бывают достойными людьми, и попробовала посмотреть на себя со стороны: перемазанная грязью девица, вслепую пробирающаяся по коварной улице. Вдруг они просто решили ей помочь?

– Давай, – приставал парень – Тоща как вожжа, невелика тяжесть.

Он снова ткнул пальцем в корзину.

Адер набрала воздуха в грудь и кивнула. Может, они и по доброте захотели ей помочь, но, скорее, надеются на горсть медных монет, которые возместят неудачу на канале. Паланкины в городе встречаются на каждом шагу, а что такое эта корзина, если не бедняцкий паланкин? Она подумала о спрятанном в потайном кармане кошельке. Коль скоро они рассчитывают на монету-другую, у нее тысячу раз хватит им заплатить. К тому же после бегства от гвардейцев, плавания по реке и трясушки под мостом у нее подгибались ноги. Хорошо бы проехаться хоть немного.

– Ладно, – сказала она. – Только до площади. Спасибо вам за доброту.

Парень с багром подмигнул и снова указал ей на корзину.

Адер уже сделала к ней два шага, когда услышала голос:

– Здесь не ваша территория, Виллет. Если я, конечно, не заплутал. Помнится, вы работали к югу от Финкова разъезда.

Подняв голову, она увидела незнакомца – тот стоял на перекрестке в нескольких шагах от них. Повязка мешала рассмотреть, но, кажется, он был постарше канальных крыс. Может, лет на десять старше самой Адер – высокий, поджарый и красивый, хотя лицо и грубовато. Она прищурилась, привыкая к тени. Глубоко посаженные глаза и морщины на лбу под коротко остриженными волосами придавали ему пугающую суровость. На спине он нес большой солдатский ранец и одет был хоть и не по-военному, но в кожу и толстое сукно. Взгляд Адер метнулся к мечу у него на боку.

Юнец с багром помолчал и развел руками:

– Лехав! Давно не видались. Мы просто хотели оказать госпоже услугу – донести до Делленской площади...

– Услугу, – повторил Лехав. – Так это теперь называется?

Теперь Адер понемногу пятилась от корзины и от солдата. Она понятия не имела, где этот Финков разъезд, зато слова о «территории» и «работе» прекрасно поняла. Она угодила в чуждое ей место, а появление солдата, загадочные переговоры и его взгляд из-под тяжелых век совсем ее запугали.

– Просто помочь хотели, – закивал Виллет. – Тебя это никак не касается, Лехав.

Солдат долго мерил ее взглядом, оглядывал с головы до ног, как выставленную на продажу рабыню, и наконец снова пожал плечами:

– Пожалуй, что и никак. – Он опять повернулся к крысам. – Только не забывайте: узнай Старый Джейк, что вы работаете на его улицах, и кто-нибудь выудит из канала ваши трупы вот этим самым багром.

Он было отвернулся, но Адер вскинула руки:

– Постой!

Солдат задержался, глянул на нее через плечо. Она на ходу подбирала слова:

– Они хотят меня ограбить!

– Как пить дать, – кивнул он.

– Ты должен мне помочь, – выдохнула Адер, пораженная его равнодушием.

– Нет. – Он спокойно покачал головой. – Не должен. Эта парочка заберет твои монеты, а в остальном останешься цела.

Лехав бросил взгляд на крыс:

– Или вы за последние годы заделались насильниками?

Оррен, сплюнув себе под ноги, впервые подал голос:

– Если и так, не твое дело.

– Нет! – поспешно вмешался Виллет, примирительно разводя руками. – Конечно нет, Лехав. У нас же самих есть сестры. Просто облегчим милой госпоже кошелек и проводим своей дорогой.

Кивнув, Лехав обратился к Адер:

– Тебе еще повезло. Поймай тебя люди Старого Джейка... – Он шевельнул бровью. – Точно тебе скажу, не хотел бы этого видеть.

Адер вся дрожала, горячее дыхание толчками вырывалось из груди. Она почувствовала себя беспомощной жертвой в западне: ноги увязли в грязи, платье облепило бедра. Покой Аннура охраняли тысячи стражников, их обязанностью было предотвращать именно такие происшествия. Рассветный дворец ежегодно тратил на охрану тысячи солнц. Стоит пройти полсотни шагов по Кладбищам или Утесам – и увидишь пару стражей порядка в начищенных доспехах. Только вот здесь не Кладбища.

– Подожди! – Она бросила отчаянный взгляд на меч у бедра Лехавы. – Ты солдат. Ты ведь солдат? Из легионов? Ты присягал охранять граждан Аннура.

Лицо Лехавы застыло.

– Напрасно ты вздумала учить меня соблюдать присягу. Много лет, как я ушел из легионов. Нашел службу почище.

Адер бросила взгляд через плечо: Виллет глаз не сводил с Лехавы, а вот Оррен уставился прямо на нее, его, словно прорезанный ножом, рот кривился в жестокой ухмылке. Черствый солдат пугал Адер, но он хотя бы, кажется, не желал ей зла. На этой улочке не встретишь стражников, не дождешься спасителя. Если она не уговорит Лехаву помочь, никто другой не поможет. Этот человек знаком с канальными крысами, но, очевидно, им не друг. Если бы только придумать, как вбить между ними клин! Она силилась собраться с мыслями, тупыми и неповоротливыми от страха.

– Все правильно, Лехав, – говорил между тем Виллет. – Чего тебе трать время на ребят вроде нас? Ты ведь из этого дерьма вылез.

– Иногда я в этом сомневаюсь, – покачал головой солдат.

Он, поджав губы, осмотрел грязную улицу, гнилые заборы, узкую полоску неба наверху.

– Этот город прогнил насквозь, – сказал он больше самому себе. – Как и вся империя.

Он долго молчал, прежде чем снова покачать головой и отвернуться от них.

– Ну, Виллет, Оррен, бывайте!

У Адер сжалось сердце. Язык лежал во рту полоской сухой кожи.

Виллет, не скрывая облегчения, ощерился в улыбке:

– Как-нибудь свидимся, Лехав.

– Не свидимся, – отрезал солдат.

И тогда, словно россыпь отдельных фишек на доске ко сложилась в позицию, Адер поняла: солдат, нашедший себе «службу почище», уходит, чтобы никогда не вернуться, с мечом у бедра и ранцем за спиной...

– Прошу тебя! – отчаянно выпалила она. – Во имя Интарры, умоляю!

И Лехав снова остановился, устремил на нее непроницаемый взгляд:

– Что тебе до богини?

Все правильно, уверилась Адер, чувствуя, как ее захлестывают облегчение и ликование. Дело еще не сделано, но путь к нему она видит.

– Она – мой путеводный свет, – произнесла Адер слова старинной молитвы. – Огонь, согревающий лицо, искра во мраке.

– Воистину, – без выражения ответил солдат.

– Я паломница, – уверенно сказала Адер. – Иду в храм Света. Хотела пристать к другим паломникам. Я уйду из Аннура в Олон.

Рядом с ней нервно дернулся Виллет:

– Даже не думай, Лехав.

Солдат нахмурился:

– А вот пожалуй, что подумаю. – Он снова обратился к Адер: – Одежда на тебе не паломничья.

– Как и на тебе, – возразила она. – Я собиралась купить. Сегодня, на дороге Богов.

– Врет она, – процедил сквозь зубы Оррен. – Врет сучка. У нее ж ничего нет – ни мешка, ничего.

Но эту ложь Адер заготовила заранее, слова так и посыпались с языка:

– Нельзя было ничего брать. Дома бы узнали. Пришлось выбираться ночью.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Лехав. – В этой части города?

– Я заблудилась, – всхлипнула Адер (слезы выжимать не пришлось). – Хотела к рассвету выйти на дорогу Богов, но в темноте заблудилась.

– Брось ты ее, – пробурчал Оррен. – Иди своей дорогой.

Солдат поднял глаза к узкой полоске синевы над ветхими домишками, словно утомился смотреть на все это: на крыс, на грязь, на вонючую улицу.

Пожалуйста, умоляла про себя Адер. Ноги дрожали, отнимались. Хотелось бежать, но по этой грязи она не сделала бы и десятка шагов. Пожалуйста!

– Нет, – заговорил наконец солдат, – не пойду я своей дорогой.

Он стоял, подцепив большими пальцами лямки ранца, и даже не покосился на свой меч.

– А вдруг мы и тебя кокнем? – подал голос Оррен. – Возьмем да и кокнем обоих.

– Попробовать вы, конечно, можете.

Виллет побелел, крепче ухватил багор и попятился, заерзав по грязи, в то время как его приятель подался вперед, выставив перед собой нож и беспокойно облизывая губы. Лехав высвободил одну руку и молча положил ладонь на рукоять меча.

Позже, вспомнив его движение, Адер отчетливо поняла, что все решила простота его жеста, полное отсутствие наигрыша. Вздумай он дразнить тех двоих, угрожать, все могло повернуться иначе. Но застывшая в неподвижности рука на потертом яблоке рукояти – ни единого лишнего движения – выражала готовность сражаться и убивать, не отвлекаясь ни на что другое.

Тянулись мгновения, сердце отбивало удар за ударом. А потом Оррен плюнул в грязь и злобно, испугано скривился.

– Да хер с ним! – буркнул он, мотнул головой и повернул обратно к мосту.

Виллет еще чуть помедлил, развернулся к Адер и злобно толкнул ее в грязь.

– Мокрощелка тухлая, – прорычал он и, озираясь через плечо, бросился следом за приятелем.

Лехав задумчиво смотрел на распластавшуюся в гнусной жиже Адер. Помогать ей он и не думал.

– Спасибо, – выговорила она.

Адер поднялась на колени и с трудом выбралась из грязи, безнадежно пытаясь отряхнуть платье.

– Во имя богини, благодарю тебя.

– Если ты врешь, – ответил солдат, – если ты не паломница, а просто прикрылась именем Интарры, я сам отберу твои монеты и не поленюсь сделать крюк через весь город, чтобы вернуться на это самое место и оставить тебя Виллету с Орреном.

6

Кости говорили достаточно красноречиво. Широкие переходы и узкие комнатки приюта были усыпаны костями – детскими скелетиками, сотнями и сотнями скелетов: одни принадлежали почти подросткам, другие – младенцам с ребрышками тоньше Каденова мизинца. Годы перемололи и раскрошили большую часть, но сохранилось довольно маленьких фигурок – по углам и в коридорах или цеплявшихся друг за друга под лестницами, – чтобы рассказать о пронесшемся здесь внезапном и невообразимом ужасе.

Каден пытался расспросить Тана, но Валин торопил их наверх, да и старший монах после непонятной заминки перед входом, казалось, спешил на последний этаж, к ожидавшим там кента. Кадену, и на лестнице продолжавшему расспросы, Тан ответил пустым взглядом.

– Думай о настоящем, – изрек он, – не то канешь в прошлое.

Все поднимаясь, Каден старался последовать его совету: высматривал таящуюся опасность и неожиданные угрозы, пытался плыть в струе мгновений, словно лист по реке, но взгляд поневоле все обращался к скелетам.

В памяти пузырями всплывала полузабытая история Атмани – блестящей империи, основанной личами и сокрушенной их же безумной алчностью. Рассказывали, что они, впад в безумие, стирали с лица земли целые города, но их империя, если детские воспоминания не обманывали Кадена, не выходила за пределы Эридрои. Ее границы лежали в тысячах миль от Костистых гор, к тому же атмани правили спустя тысячелетия после исчезновения кшештрим. Перешагивая через очередной распростертый скелет, он уставился на крошечную, сжатую в кулачок руку.

«Может, болезнь? – уверял он себя. – Что-то вроде чумы».

Только жертвы чумы не прячутся в чуланах и не баррикадируют двери. Чума не рубит надвое маленькие черепа своих жертв. Кости были древними, но, переступая через скелеты, Каден понемногу разбирал их историю. Никто не пытался вынести тела, сложить их для сожжения или погребения, как бывает, если после бойни остались выжившие. И даже сквозь бездну времени он распознавал панику внезапного нападения.

В памяти неотступно вставал Патер – мальчишка, зажатый в латной перчатке Ута, кричащий Кадену: «Беги!» – даже на острие широкого клинка эдолийца. Челюсти заныли, и только тогда Каден понял, как крепко их стискивал. Он собрал напряжение в легких, выдохнул его вместе с воздухом и призвал на место умирающего Патера образ живого мальчика: вот он мелькает меж камней у ашк-ланской трапезной, вот ныряет в Умберский пруд, вот фыркает, выныривая. Каден поиграл этими воспоминаниями, а потом притушил их, возвратив все внимание к мерцающему огоньку фонаря и скользящему по древним стенам и хрупким костям лучику.

Хорошо, что оба, Валин и Тан, стремились к одной цели – на верхний этаж, хотя причины спешить у них были разные. Валин, как видно, думал о лучшей позиции для обороны, но там же, по словам монаха, находились и кента. Кадену не было дела то того, в чем они сошлись, лишь бы ему не пришлось снова облачаться в императорскую мантию, чтобы загасить очередной спор. Он страшно устал – устал бежать, сражаться, лететь, – и мертвый город тяжело давил на него. Ему любопытно было увидеть кента, любопытно было услышать рассказ Тана о городе, но пока что хватало заботы переставлять ноги по ступеням широкой лестницы.

Четверо кеттрал из Валинова крыла догнали их в широком коридоре верхнего этажа. Оружие все держали в руках.

– Есть угроза? – бросил через плечо Валин слегка звенящим от напряжения голосом.

– Смотря что считать угрозой, – ответил пилот.

Лейт напоминал Кадену Акйила: та же бесшабашность и улыбка похожа.

– Я видел крысу примерно с Анник. Анник, конечно, невелика ростом, а все же...

– Здесь все того и гляди развалится, – перебила болтуна Гвенна.

– Прямо сейчас? – спросил Валин.

Гвенна поморщилась – Каден не взялся бы судить, от слов Валина или от недовольства зданием.

– Может, и не прямо, – наконец признала она.

– Если никто не станет здесь скакать, – добавил Лейт.

– И не вздумает спускаться по лестницам, – добавил лич.

– А что не так с лестницами? – удивился Каден.

– По дороге я зарядила нижний пролет, – мрачно усмехнулась Гвенна. – Два «фитиля» и подправленные «звездочки». Попробуй кто подняться, останки придется совком отскребать.

– Разумно ли это? – Каден бросил взгляд на зияющие в кладке трещины.

– Слушай... – Гвенна ткнула в него пальцем.

– Гвенна, – рыкнул Валин, – ты говоришь с императором!

Мгновение казалось, что девушка, вопреки предостережению, продолжит резкую отповедь, но она все же опустила палец, изобразив нечто вроде салюта.

– Ну так передай этому императору, – заявила она, оборачиваясь к Валину, – пусть себе императорствует, а подрывное дело оставит мне.

Валин напрягся, но Каден взял его за плечо. Он не слишком понимал, насколько яростно следует заявлять свой новый титул и полномочия. Ясно, что ему не убедить в своем праве на власть весь Аннур, если даже горстка солдат под командой собственного брата смотрит на него с презрением. А с другой стороны, он, если не считать Тристе, самый беспомощный в их маленьком отряде. Обидно, но так и есть. Чтобы в нем увидели императора, надо вести себя как император. Он плохо представлял, как это делается, но затеять перебранку в темном коридоре – явно неподходящий способ.

– Договоримся так, – кивнул он Гвенне. – Я тебе не мешаю, но, когда все утрясется, ты мне кое-что разъяснишь о своем оружии. В обычных обстоятельствах я бы поимператорствовал, но сейчас есть вещи поважнее.

Гвенна сощурилась, проверяя, не шутит ли он. Но Каден выдержал ее взгляд, и тогда она фыркнула от смеха.

– Кое-что могу показать. Чтобы ты нечаянно нас всех не подорвал. Вряд ли ты много хуже брата, – добавила она, мотнув головой в сторону Валина.

Каден улыбнулся.

– Спасибо за доверие, Гвенна, – отозвался Валин. – Еще какие новости снизу? Движения не замечено?

– Если не считать остромордой близняшки Анник, ничего, – ответил Лейт.

Валин чуть расслабил плечи:

– Хорошо. Все к фасаду здания, кроме Лейта. Ты проверь пустые комнаты на этаже.

– Крыс поискать? – уточнил пилот.

– Да. – Голос Валина посуровел. – Поискать крыс.

* * *

Выходящая на фасад комната была больше остальных, протянулась на всю ширину здания. В помещении было несколько высоких, открытых в ночь окон; по обоим концам его располагались большие каминные, правда заваленные насыпавшимися из дымоходов обломками камня и штукатурки. Ветра и непогода сорвали угол крыши – сквозь дыру был виден изгиб скалы, – и в отверстие врывался ледяной сквозняк.

Каден постоял в растерянности, высматривая кента. В голове у него сложился образ чего-то большого, величественного – вроде ворот Богов в Рассветном дворце – из мрамора, или

полированного кровавика, или из оникса, – но ничего такого большого или величественного здесь не было. Он прищурился на слабый луч фонаря. Здесь вообще ничего не было.

– Талал, тебе среднее окно, – быстрым движением указал Валин. – Пока совсем не стемнело, осматривай весь уступ. Гвенна, проверь, можно ли зарядить пол так, чтобы разом выбить кусок.

– Я этот Кентом деланный пол пинком прошибу, – отозвалась она, ковыряя ногой разбитую штукатурку. – А ты просишь взрывчатку подложить. Помнится, меня еще в Гнезде учили не спать на снарядах.

Валин повернулся к подрывнице лицом. На скулах вздулись желваки, но голос оставался ровным.

– А мне помнится что-то о двух путях отхода с любой оборонительной позиции. Ты зарядила лестницу, враг по ней не пройдет, и это хорошо. Но и мы не выйдем, а это уже не так хорошо.

– Если они не войдут, зачем выходить нам?

– Гвенна, – Валин взглядом указал на пол, – берись за дело. Если мы все взлетим на воздух, обещаю, что погожу умирать, пока ты не отвесишь мне тумака.

– О Светоч Империи, – поклонилась Валину Гвенна и взялась за тюк со взрывчаткой. – Уже бегу, мой благородный вождь!

Прозвучало это резко, однако Каден заметил, что яду в ее тоне поубавилось. Теперь происходящее выглядело не серьезной ссорой, а шутилкой перепалкой.

Валин покачал головой:

– Брось уже это дерьмо, Гвенна. – Он ткнул большим пальцем в Кадена. – Вот он, Светоч Империи. Мы здесь просто расчищаем ему путь. И кстати, о пути...

Валин обернулся к Тану, разводя руками:

– Где же эти ворота?

Тан указал на стену. Каден прищурился, подошел на несколько шагов ближе. И понял, что кента здесь – поднимаются почти до самого потолка, но выстроены, если это слово тут годилось, заподлицо со стеной кладкой. Рама арки оказалась на удивление тонкой, шириной не более ладони, а такого материала Каден еще не видел: гладкое серое вещество, похожее и на камень, и на сталь. Изящный изгиб свода был скорее выведен на стене, чем выложен, и свет лился на него странно, будто не от фонаря в руке Валина, а от другого, невидимого источника.

– Какой смысл строить ворота прямо в стене? – удивился Валин.

– По ту сторону не стена, – ответил Тан. – Там ничего нет.

– Это многое объясняет, – буркнул Валин, нагибаясь за обломком.

Он раз-другой подбросил его на ладони и без замаха швырнул в кента. Камень лениво перевернулся в воздухе, вошел под арку и вдруг... обратился в ничто.

Других слов для описания Каден не подобрал. Не было ни всплеска, ни эха, ни вспышки. Он знал, чего ожидать, и все равно что-то глубже и древнее рассудка сжалось в нем при виде твердой, вещественной частицы мира, канувшей в небытие.

Валин ничем не выдал смущения:

– Похоже, работает.

Тан на него даже не посмотрел. Он заранее взял у кого-то из кеттрал фонарь и теперь поднял его повыше, обводя пальцем очертания арки, словно в поисках трещин.

– Куда они ведут? – спросил Валин.

– Никуда, – ответил старший монах.

– Очень полезная штука.

– Они принадлежат Пустому Богу, – покачал головой Каден. – Твой камень теперь ничто и нигде.

«И очень скоро, – напомнил он себе, чувствуя пробирающий насквозь холод, – я последую за этим камнем».

– А что будет, если я туда запрыгну?

– Ничего.

– Тебя послушать, не так уж и страшно.

– Значит, ты не понимаешь, что значит ничто, – ответил Тан, осмотрев раму ворот до самого пола и выпрямившись. – На этой стороне все чисто.

– Чисто? – переспросил Каден.

Монах обернулся к нему:

– Кента, как и любые ворота, можно загородить или снабдить капканами. Поскольку те из нас, кто в них пройдет, вынуждены идти вслепую, это небезопасно.

– Засада, – понимающе кивнул Валин. – Ясно. Ловушки ставят в самом узком месте.

– Кто бы мог расставить тут ловушки? – удивился Каден. – Многие ли знают об их существовании?

– Немногие не значит никто, – ответил Тан, отворачиваясь к воротам. – Я проверю ту сторону.

– А это не опасно? – спросил, покачав головой, Валин.

– Опасно. Но необходимо. Если не вернусь до восхода Медвежьей звезды, эти кента не годятся. Тогда меняйте курс, и побыстрее.

Каден кивнул. Он бы и дальше расспрашивал о вратах, о ловушках, о странном городе, в который они попали, – городе, которого нет на картах, – но глаза Тана уже стали пустыми, и, не дав Кадену времени заговорить, старый монах шагнул в кента.

Несколько мгновений после его исчезновения длилась тишина. Ветер хлестнул сквозь дыру в потолке, погнав по неровному полу пыль и мусор. Каден уставился на врата, принуждая сердце биться медленно и ровно.

Наконец Пирр, вздернув брови, произнесла:

– Любопытно.

Присягнувшая Черепу медленно обошла комнату, заглядывая в дымоходы, изучая кладку стен, обводя пальцами проемы окон:

– Не представляю, чтобы мой бог такое одобрил.

– Почему бы и нет? – спросил Каден. – Смерть есть смерть.

Она усмехнулась:

– Вопрос в том, кто убивает.

Не слушая их, Валин указал на то место, где исчез Тан:

– У нас на Островах те еще ублюдки водятся, но этот... – Помотав головой, он обернулся к Кадену. – Снова скажу: летать на птице опасно, но эта штука во сто крат опаснее.

– Этой штуке, – Каден постарался, чтобы в голосе звучало побольше уверенности, – меня и обучали.

Если он не сумеет пройти сквозь кента, все годы, проведенные у хин, пропадут впустую. Отец пользовался вратами; ими пользовались все императоры династии Малкенианов. Если он не сможет, значит не из того теста делан.

– Не так уж много у меня преимуществ, чтобы ими разбрасываться, – добавил он.

Валин встревоженно наморщил лоб, но все же кивнул и обернулся к Талалу:

– Что там на уступе?

– Ничего, – доложил лич. – Ветер гуляет.

Валин прошел к окну, выглянул и повернулся спиной к проему, обозревая комнату:

– Хорошо, мы здесь надолго не задержимся – одна ночь всем на отдых. Монахи уходят утром. Мы сразу после них – надеюсь, до рассвета. А пока постараемся устроиться поудобнее.

Снайперша скептически покосилась на дыру в потолке и зияющие окна.

– Вряд ли удастся, – бросила она.

– Мне здесь тоже не нравится, – ответил Валин, – но лучшего места для обороны не найти, а нам нужен отдых. Все окна заплести бечевой и заодно развесить колокольчики вдоль фасада.

– Вперед, Анник, – сказала Гвенна. – Я по этой развалине ползать не собираюсь.

– Разве веревки нас защитят? – спросил Каден.

– Не защитят, – отозвался Валин. – Напрямую – нет. Но если кто-то заденет колокольчики, то обнаружит себя, а бечева на окнах его хоть немного задержит.

Каден подошел к проему и свесился через подоконник. В темноте он плохо видел, но от окна до скальной полки было не менее сорока футов отвесной стены. Кладка выкрошилась, между камнями образовались щели, и все же непохоже, чтобы здесь мог вскарабкаться человек.

Анник бросила долгий взгляд на лицо Валина, кивнула и скользнула за окно. Если ей и было неуютно висеть на кончиках пальцев, нащупывая опору ногами, она этого ничем не выдала. Напротив, двигалась легко и свободно, задерживаясь, только чтобы, освободив руку, размотать клубок бечевы и передвинуться дальше. Простой способ, до смешного простой, но, когда она закончила, Каден и сам понял, как путаница веревок может задержать стенолаза и дать им время подготовиться.

– Если за нами придут кеттрал, они будут готовы к бечевке, – заметила Анник, отряхивая руки от пыли и подхватывая оставленный у стены лук.

– Они знают все наши приемы, – кивнул Валин, – но это не повод облегчать им жизнь.

– Пол прочнее всего вон там, – указала Гвенна, раскладывая заряды. – Если собираться всей кучей, я бы выбрала тот край.

Анник прошла к указанному подрывницей месту и поковыряла носком сапога кучу мусора.

– Что-нибудь интересное? – осведомился Валин.

– Те же кости.

Он покачал головой:

– Кто-нибудь представляет, что убило этих бедолаг?

Лучница встала на колени, провела пальцем по щербинкам.

– Их зарезали, – помолчав, ответила она. – Клинок каждый раз входил между третьим и четвертым ребром – вероятно, в сердце.

Таким тоном говорят о забое коз, и ее голубые глаза в тусклом свете казались льдинками. Каден следил за ее движениями, пытаясь прочесть мысли в безостановочном движении глаз, в напряжении сухожилий на запястьях, в повороте головы, когда взгляд переходил от скелета к скелету. О чем она думает, глядя на эти истлевшие кости? Что чувствует?

Монахи научили Кадена наблюдать, он мог бы с закрытыми глазами нарисовать портреты всего крыла, но понимание – дело иное. Он столько лет провел среди каменных гор и словно каменных людей, что с трудом распознавал чувства за словами и поступками и совсем не представлял, как его подавленные эмоции соотносятся с чувствами других.

Он не утратил способности ощущать страх, надежду, отчаяние, но неожиданное появление эдолийцев и кеттрал, людей, не принадлежавших к ордену хин, показало ему, как далеко он зашел по пути монашества, как сильно сгладились его эмоции долгими годами в холодных горах. Он теперь император; если останется жив, он должен будет вести за собой миллионы людей, а чувства, питающие все эти миллионы, для него непостижимы.

– А тех, внизу, как убили? – спросил Валин, ткнув пальцем через плечо.

– Так же, – ответила Анник. – Многие кости истлели, но все равно видно, как это было. Быстро и умело – ни разу не попали по руке или ноге и дважды не били. Каждый удар смертелен. Кто бы это ни был, они хорошо знали свое дело.

Она поднялась на ноги и пожала плечами, словно больше и говорить было не о чем.

А вот Тристе застыла в нескольких шагах от нее, приоткрыв рот и уставившись неподвижным взглядом. С тех пор как прочла надпись над дверью, девушка не сказала ни слова: то ли ушла в свои мысли, то ли слишком вымоталась. Она молча поднималась вслед за другими по лестнице, молча шла по длинному коридору, но слова Анник ее словно разбудили.

– Хорошо? – надтреснутым голосом повторила она. – Хорошо? Что здесь хорошего?

Она беспомощно обвела руками маленькие черепа, зияющий дверной проем, сквозь который они вошли.

– Кто убивает детей?

– Те, кто привык аккуратно доводить дело до конца, – заметила Пирр.

Убийца прислонялась к оконной раме, скрестив руки на груди и лениво притопывая ногой, словно ждала, пока все наболтаются.

– До конца? – ахнула Тристе. – Тут, в приюте, перебили спящих детей, а вы говорите «хорошо», говорите «аккуратно»...

Снайперша пропустила ее вспышку мимо ушей, а Валин тронул ее за плечо.

– Анник просто оценила качество работы, – пояснил он. – Она не имела в виду, что это доброе дело.

– Ах качество работы! – Тристе словно выплюнула эти слова и отшатнулась от Валина.

Она дрожала, тонкие пальцы сжимались и разжимались.

– Тут детей убивали, а у вас «качество работы»!

– Такая у нас служба, – произнес Валин; голос звучал ровно, но что-то дикое и неуправляемое сквозило в его словах, какая-то сурово обузданная жестокость. – Иначе нам не выжить.

– Но мы бы могли спеть им отходную, – предложила Пирр; лицо ее не дрогнуло, но в глазах светилась насмешка. – Хочешь, споем отходную, Тристе? Или давайте все обнимемся и поплачем.

Тристе встретила взгляд женщины и, к удивлению Кадена, выдержала его.

– Вы отвратительны, – наконец сказала она, обводя взглядом Анник, Валина, весь отряд. – Присягнувшие Черепу, кеттрал, эдолийцы – вы все отвратительны. Все убийцы.

– Не всем же быть шлюхами, – огрызнулась Гвенна, отрываясь от работы с зарядами.

Большой зал с отверстыми окнами и открытой небу крышей показался вдруг слишком тесным – так металась по нему гневные голоса и разгорающийся пожар слепых эмоций. Каден пытался наблюдать со стороны, не давая себе погрязнуть в происходящем. Как живут эти люди? Как они разговаривают? Как умудряются что-то разглядеть в этих бурных течениях?

Тристе открыла рот, но не издала ни звука. Секунда молчания, и она, оттолкнув Анник, выбежала в коридор, по которому они пришли.

– Осторожней на лестнице! – бодро выкрикнула ей вслед Пирр.

* * *

Тристе вернулась раньше, чем ожидал Каден: глаза сухие, одна рука жмет к животу, другая – держит меч. С детства, проведенного во дворце, Кадену помнились внушительные клинки: украшенные драгоценными камнями церемониальные, широкие длинные мечи эдолийской гвардии, практичные сабли дворцовой стражи, – но таких он не видел. Металл ясно блестел и казался не сталью, а ломтиком зимнего неба, перекованным в идеальный плавный изгиб и отполированным до тихого сияния. Этот меч был... правильным.

– Что... – Валин запнулся, повернувшись от темноты за окном на шорох попавшего ей под ногу камешка. – Это еще что такое?

– Шаэль сладчайший, Вал, – подал голос вернувшийся после осмотра этажа Лейт. – Я думал, хороший командир крыла узнает меч с первого взгляда.

Валин не ответил пилоту.

– Где ты это нашла? – спросил он, шагнув навстречу Тристе.

Та неопределенно махнула рукой в сторону коридора:

– В одной из комнат. Он был засыпан мусором, но я заметила блик. С виду он не древний.

Это из ваших?

Валин угрюмо покачал головой.

– Значит, не нас одних занесло в эту задницу мира, – заметил Лейт.

Пилот шутил, но Каден заметил, как тот сторонится открытой двери, как стреляет глазами по темным углам.

Выставив руку, Валин отодвинул брата подальше от меча, словно оружие могло ударить и убить само по себе.

– Анник, обратно к окну, – велел он. – Гвенна и Талал, когда здесь закончим, повторно прочешите этаж.

– Его только что прочесали, – заметила подрывница.

– Еще раз, – сказал Валин. – Обращайте внимание на все странное и необъяснимое.

– А на затаившихся по углам врагов? – поинтересовался Лейт.

Валин снова промолчал.

Все это было для Кадена пустым звуком, и он стал снова рассматривать меч.

– А такие клинки вам знакомы? – спросил он.

Форма лезвия могла говорить о его происхождении, но он плохо разбирался в оружии и не взялся бы о нем судить.

– Я видел похожие, – насупившись, ответил Валин. – Манджари иногда используют клинки с односторонней заточкой.

– Этот не манджарский, – возразила Пирр.

Она не двинулась с места, но больше не язвила.

– Может, откуда-то с Менкидока? – предположил Талал. – О том континенте нам практически ничего не известно.

– Мы в Костистых горах, – напомнил Валин. – Менкидок тысячами миль южнее.

– Антера ближе, – заметил Каден.

– В Антере предпочитают широкие клинки, – мотнул головой Валин. – И еще почему-то палицы.

– Он не антеранский.

Но на этот раз говорила не Пирр.

Обернувшись, Каден увидел перед кента Тана – тень в широком балахоне на фоне более глубокой тени и мерцающий в правой руке нацаль. Могучий монах двигался бесшумно, так что никто не услышал его возвращения. Он шагнул вперед:

– Клинок кшештримский.

Комнату наполнила холодная, напряженная тишина.

– Ты, как я вижу, не погиб за воротами, – выговорила наконец Гвенна.

– Да, – подтвердил Тан, – не погиб.

– Расскажешь, что там?

– Нет, не расскажу. Где вы нашли этот клинок?

Валин показал на дверь зала, а Каден тем временем поспешно складывал в уме все, что успел узнать.

Тан сказал, что надпись над дверью сделана людьми, только древними. И это здание, этот город выстроены людьми, но кента созданы кшештрим и установлены здесь, посреди заваленного костями поселения. Меч как новенький, но нацаль Тана выглядит так же, а ему, может быть, тысячи лет, этим оружием бились, когда...

– Их всех убили кшештрим, – медленно заговорил Каден. – Открыли ворота прямо в город, минуя стены и оборону.

Он мысленно вышел из себя и переместился в бесстрастные умы нападавших. Из бешра-ан все выглядело так ясно и разумно.

– Они явились ночью и первыми убили детей, потому что дети были самым страшным для них людским оружием. Начали отсюда, сверху... – В памяти вспыхнули маленькие скелеты на лестнице. – По крайней мере, некоторые. Расставили ловушки и погнали детей вниз. Убивали на ходу, резали на лестницах и в коридорах, потом вернулись за теми, кто попрятался за дверями или под кроватями.

Теперь из разума охотников он скользнул в сознание жертв:

– Почти все дети слишком перепугались, чтобы защищаться, но даже те, кто пытался бежать... – Он безнадежно махнул рукой. – Куда им было деваться? Прыгать со скалы?

Каден обернулся к окнам, слыша вопли, видя смерть.

– Кое-кто прыгнул, – проговорил он под тяжелые удары сердца. – Без шанса спастись, но все равно выпрыгивали.

Дрожа от ужаса погибавших тысячи лет назад детей, он выскользнул из бешра-ан навстречу уставившимся на него глазам.

– Что это за место? – спросил наконец Талал, обводя комнату взглядом.

– Я уже говорил, – откликнулся Тан, – это Ассар.

Валин покачал головой:

– Почему мы о нем ничего не слышали?

– С тех пор как здесь дышал последний человек, реки сменили русла.

– Почему он здесь? – спросил Каден, припоминая подслушанные в детстве, в Рассветном дворце, разговоры о градостроительстве. – Здесь ни порта, ни дорог.

– Именно поэтому, – ответил Тан и уселся, скрестив ноги, рядом с мечом.

Несколько мгновений он осматривал оружие, но руки к нему не протянул. Каден ждал продолжения, но монах уже закрыл глаза.

Лейт уставился на него, перевел взгляд на Кадена, снова на Тана и развел руками:

– И что дальше? Пришли кшештрим, всех убили. Обронили меч... Вот и сказочке конец, а кто слушал молодец?

Тан ничем не показал, что слова пилота его задели. Он не открывал глаз, грудь равномерно опускалась и поднималась.

Молчание, к удивлению Кадена, нарушила Тристе.

– Ассар, – выговорила она, и слово в ее устах прозвучало чуть иначе, чем у Тана.

Она тоже опустила на пол рядом с клинком и смотрела на фонарь круглыми глазами, словно созерцая что-то, невидимое другим.

– Убежище.

– Тоже лейны научили? – спросила Пирр.

Тристе не отозвалась, даже не взглянула в ее сторону.

– Ассар, – повторила она и добавила: – Ни кохомелунен, тандриа. На свиата, лаэма. На киена-эккодидрион, акш.

Тан распахнул глаза. Он даже не вздрогнул, но положение тела как будто изменилось, появилась в нем... Каден поискал слова. Настороженность? Готовность?

Девушка все смотрела на клинок своими дивными глазами – рассеянным, открытым взглядом. Она и не заметила, что говорит вслух.

– Где ты это слышала? – спросил Тан.

Тристе вздрогнула и обернулась к монаху:

– Я не... Может, в храме учили?

– Что это означает? – заговорил Каден.

Что-то в прозвучавшей фразе пробило самообладание старого монаха, а Каден не привык видеть Тана вне себя.

– Нет, – сказал Тан, не заметив вопроса Кадена. – Не в храме. Храмов не осталось.

– Язык надписи внизу она узнала, – напомнил Валин.

– Она прочла надпись, – поправил Тан, плавным движением поднявшись на ноги. – Маловероятно, но возможно. Многие знатоки еще умеют читать записи кшештрим.

– Так в чем дело? – не унимался Валин.

– Этого она не прочла. Сказала по памяти.

– Ну и умничка, – пожал плечами Лейт. – Красотка – рот разинешь, да еще и с мозгами...

– Где?.. – Тан сверлил девушку взглядом. – Где тебе встречалась эта фраза?

– Может быть, в книге, – покачала головой Тристе.

– Она не из книг.

– Все это очень впечатляет, – вмешалась Пирр со своего поста под окном, – но драма была бы увлекательней, знай я, что означают эти таинственные слова.

Тристе покусала губу.

– В растущей... – неуверенно произнесла она, – в подступающей тьме...

Девушка поморщилась, досадливо мотнула головой и начала заново, на этот раз с певучестью молитвы или заклинания:

– Свет в густеющей тьме. Кров для усталых. Кузнечный горн для клинка отмщения.

7

Благословение паломников больше походило на зачтение смертного приговора, чем на празднество.

Начать с того, что Лехав чуть ли не походным маршем гнал Адер в храм Света – лишь с одной короткой остановкой на дороге Богов, чтобы купить у торговцев маленький дорожный мешок, смену одежды, немного сушеных плодов и солонины и, конечно, золотой плащ пилигрима Интарры. Все, как она и задумывала, но Адер рассчитывала осуществить замысел свободной, а не под испытующим взглядом, не дающим времени обдумать следующий шаг. А тут ей чудилось, будто она снова свалилась в Желобок и ее несет неудержимым течением – силой, которая убьет ее при первом же промахе.

Не то чтобы Лехав был груб или невоспитан. Если не считать угрозы в начале пути, он, шагая по долгой пыльной дороге к храму Света, ограничивался вежливым разговором и расспрашивал Адер о том о сем, но к этому она подготовилась и отвечала заученными словами. Зовут ее Дореллин. Дочь преуспевающего купца. Повязка? Спасает от последствий речной слепоты, постигшей ее год назад. Да, кое-что видит, но с каждым месяцем зрение слабеет. Сперва глаза болели на солнце, а в последнее время приходится защищать их от света пламени, даже от огоньков свечей. Нет, родители не знают, где она. Твердили, что она дура, но она верит богине и убеждена, что паломничество в Олон, к святейшему алтарю Интарры, вернет ей зрение. Нет, всех трудностей пути она не предвидела. Да, готова неделю за неделей идти пешком. Нет, дальше Олона она не собирается и сама не знает, вернется ли в Аннур, совершив поклонение богине света.

Солдат на ее ответы только кивал, но временами она ловила его взгляд, взвешивающий и оценивающий. И не знала, жалеть или радоваться, что повязка мешает точнее рассмотреть выражение его лица. Оказавшись на широкой площади перед храмом Света, Адер вздохнула с облегчением.

Храм считался одним из чудес империи – огромное блистающее здание, в котором стекла было больше, чем камня, – и походил на граненый самоцвет, вставленный в землю у дороги Богов, со сверкающими в полуденном свете витражами. Дорога Богов тянулась мимо на восток и на запад, по ней в ряд могли проехать, не сбив выстроившихся по сторонам лотков и лавок, полсотни всадников. Широкий проспект, как ударом меча, отсекал город. Но и храм, и дорога Богов меркли рядом с Копьем Интарры. Башня даже за милю представлялась грозной и невероятной. Жрецы Интарры рады были бы выстроить храм вне ее тени, да только тень эта накрывала весь Аннур, и Адер поймала себя на том, что не сводит с Копья взгляда, что его величие не укладывается у нее в голове. Изнутри Рассветного дворца трудно было оценить его размеры, а глядя на вершину башни с середины дороги Богов, девушка пошатнулась: закружилась голова, словно она падала вверх, в открытое небо. Адер с трудом опустила взгляд на плиты мостовой, потом оглянулась на пристально наблюдавшего за ней Лехаву.

– Не знаю, как тебя и благодарить, – сказала она, протянув ему руку.

– Благодарю не меня, а богиню.

Адер благочестиво покивала:

– Наверняка тебя послала сама Интарра. Я вечно благодарна, Лехав.

Солдат не улыбнулся и не принял ее руки:

– Ты говоришь так, будто наши дороги расходятся.

Она поспешно замотала головой:

– Нет! Нам и дальше идти одной дорогой. – Адер кивнула на толпившихся перед храмом паломников. – Надеюсь, у меня будет время лучше тебя узнать.

– И я, – отозвался Лехав.

От его прищура у нее озноб прошел по спине.

– И я надеюсь лучше тебя узнать, Дореллин.

В долгое странствие собирались целые толпы: и одинокие молодые люди, запасшиеся лишь легким заплечным мешком, и целые семьи вчетвером, а то и ввосьмером, с нагруженными телегами, где громоздилась шаткая деревянная мебель и съестные припасы, ящики с одеждой и всем, что нужно для новой жизни в Олоне, за сотни миль отсюда. Крестьяне привязывали к телегам свиней, набивали клетки орущими утками, ставили под ярмо двух, а то и четырех буйволов, чтобы тащить всю эту тяжесть. В толпе шныряли тощие псы, принюхивались, ворчали, огрызались друг на друга, не слыша в общем гаме окриков хозяев. Отбывающие и провожающие заполнили дорогу Богов на сотни шагов к востоку и западу от храма, не пропуская ни носильщиков, ни конных.

«И такое тут каждую неделю», – подумала Адер.

Смерть Уиниана привела к величайшему за десятилетия движению народа, и она, хоть и читала доклады, представить не могла, сколько уходило людей, пока не увидела огромные толпы. Собрание было задумано как праздничное, как радостные проводы уносящих свою веру в благодатные края – туда, где не будет на них гонений. Оно было задумано как дерзкий вызов, но Адер даже сквозь плотную повязку повсюду замечала отчаяние: в слишком громких шутках мужчин, в слишком частых и усердных хлопках по плечам соседей, в бестолковой бодренькой болтовне, которой люди пытались заглушить страхи и дурные предчувствия.

– Ты тут зимой будешь морозить свое хозяйство, а я – греться на солнышке у озера в Сиа, – перекрикивал шум молодой парень.

Рядом с ним другой юноша, наверное брат, уткнувшись лицом в плечо старика, вздрагивал от рыданий.

Конечно, не каждый мог выдержать такое путешествие: оставались старые и немощные, те, кому не хватало средств на переезд в новый город, и слишком робкие. Через час, после жреческого благословения, родители разлучатся со взрослыми детьми, братья распрощаются с сестрами, расстанутся друзья детства.

Это зрелище отрезвляло. Какой-то старик никак не мог запрячь упрямую лошадь – он со злостью ударил ее по носу, а потом спрятал в ладонях заплаканное лицо. Двое детей, бледные, с глазами как блюдца, мальчик и девочка, крепко держались за руки посреди столпотворения, разрываясь, как видно, между восторгом и страхом. Олон так далеко! Купеческие караваны добирались до него за несколько недель, лодки по каналам еще скорее, но эти люди – не купцы и не лодочники. Мало кто из них снова увидит столицу.

«Все из-за меня», – с благоговейным ужасом думала Адер.

Позорная измена Уиниана представлялась ей превосходным предлогом оскорбить церковь Интарры, отобрать права и привилегии, необдуманно дарованные ей сотни лет назад Сантуном Третьим, вернуть уплывший из рук источник дохода и, главное, подрезать крылья воспарившим Сынам Пламени. Она, при поддержке ил Торньи, за пару дней и бессонных ночей набросала черновик Соглашения о союзе и провела закон через все министерства.

На беглый взгляд договор представлялся честным и даже великодушным со стороны Нетесаного трона: что ни говори, верховный жрец Интарры убил императора, – во всяком случае, все в это верили. Соглашение предлагало условия примирения верующих в Интарру с их империей, предусматривало богатые пожертвования церкви от государства – десять тысяч золотых солнц «во славу богини и ее служителей». Ил Торньи, как регент, сам возложил золотой омофор на сутулые плечи нового верховного жреца.

Все это, разумеется, было для отвода глаз. Сумма в десять тысяч солнц ошеломит самого богатого купца, но министерство финансов и не заметит ее, округляя счета, – жалкие гроши от денег, на которые трон наложит руки, вернув ежегодный налог на доходы церкви от аренды и на ее земли. Прославление главного храма на дороге Богов отведет взгляды от принудительного

сноса малых храмов по всему городу. А уж Имперское Благословение – новшество, требующее, чтобы верховный жрец назначался с санкции императора и в ходе обряда при всем дворе преклонял пред ним колени... Высшие чиновники Рассветного дворца понимали смысл Соглашения, но Адер не их пыталась задобрить: ей надо было убедить простых граждан Аннура, мелких торговцев и ремесленников, рыбаков и крестьян, что Нетесаный трон, как и прежде, поддерживает церковь Интарры, и тихо отпраздновать победу, не опасаясь протестов тех, кто вечно готов кричать о преследованиях за веру.

У нее почти получилось. Новый верховный жрец Черрел, третий из носивших это имя, был слабодушный книжник со слезящимися глазами. Твердый в вере, он ничего не смыслил в политике и напроць был лишен честолюбия, делавшего таким опасным Уиниана. Он раз-другой попробовал оспорить вписанные Адер пункты договора, но быстро сдался и явно рад был, что церковь вовсе не вывели из города. Соглядатаи, отправленные Адер в храм, показывали, что Черрел наставляет паству хранить чистоту помыслов и покорность властям. И паства вполне могла бы внять его наставлениям, не замахнись сама Адер слишком высоко.

Камнем преткновения, как водится, стало особое церковное войско. Пока под рукой верховного жреца, кто бы им ни был, в границах империи – да в самой столице, Кент побери! – оставались тысячи обученных солдат на щедром довольствии, ни о какой покорности, сколько ни преклоняй колени, не могло быть и речи. Сынов Пламени надо было распустить, и Адер написала черновик эдикта о роспуске, оставив всего сотню для «непосредственной охраны храма и вящей славы Интарры». Этот шаг представлялся необходимой мерой предосторожности, вот только последствий его она не предугадала.

Солдатам нелегко дается возвращение к мирной жизни, и Сыны Пламени не стали исключением. Им было даже труднее, потому что их армейский опыт дополнялся религиозным рвением. Составляя Соглашение, Адер надеялась, что Сыны попросту расточатся – вольются в гильдию пекарей или в рыбацкий флот. Задним числом глупость этих надежд была в глаза. Отец предвидел бы проблему и обошел бы ее, но отца нет в живых, и, если она не исправит того, что натворила, дело скоро запахнет жареным.

Обошлось без открытого бунта. Поначалу и вправду казалось, что Сыны Пламени просто рассеялись, как дым на ветру. А потом к Адер начали поступать доклады сборщиков пошлины с дороги в Олон: солдаты двигались на юг. Нет, не единым войском, они не маршировали стройными рядами. В ответ на подобную дерзость она была бы вправе выслать легионеров, чтобы принудить их к исполнению условий Соглашения.

Нет, Сыны Пламени продвигались на юг как зыбкий туман: шестеро – здесь, двое-трое – там, сохранив оружие, но отказавшись от знамен и знаков различия. Сотни и сотни таких, как Лехав, покидали Аннур. Стоял за этим, по всей видимости, негодяй, о котором она прежде слыхом не слыхивала, – некий Вестан Амередад, призывавший людей тихо перебираться в Олон, к древнему престолу Интарры, где находился ее первый храм; призывавший сменить Аннур на святой город подальше от загребущих лап Малкенианов. Исход воинов разжег пыл самых твердых в вере горожан. Вот и двигались на юг караваны – неделя за неделей.

Катастрофа, думала Адер, вглядываясь в теснящуюся вокруг толпу. Катастрофа для тех, кто бросил свои дома, катастрофа для империи. Она спровоцировала нечто очень похожее на открытый бунт на каждой улице столицы.

«И какая ирония, – мрачно размышляла Адер, – без этого бунта, поцелуй его Кент, у меня бы против Рана на доске не осталось ни единой фигуры».

Задуманное казалось чистым безумием – отчаянная попытка использовать беспорядки в империи, чтобы вернуть Нетесаный трон семье. Впрочем, Адер больше пугал не конец династии Малкенианов. Она, хоть и обладала огненными глазами, не питала иллюзий относительно святости своих предков. На протяжении веков ее семья породила десятки императоров,

более или менее достойных. Но оставить империю в руках ил Торньи... Это и опасно, и мало-душно.

Мятеж церкви Интарры, при всей его опасности, был ей понятен. Служители Интарры, как и десятки других церквей, жаждали власти. Они возмущались вмешательством государства в те области, которые полагали святыми, а святым они полагали все и вся. Старая добрая история, почти утешительная рядом с необъяснимым ударом ил Торньи.

Адер не могла понять, зачем кенаранг убил ее отца; не представляла, как он собирался поступить с ней; не знала, не уничтожил ли он уже и братьев и что задумал сделать с империей. Она снова и снова перебирала в голове эти вопросы, рассматривала их под всеми мыслимыми углами, но ей просто не хватало фактов. Возможно, ил Торнья – всего лишь шпион какой-нибудь иностранной державы, переметнувшийся на сторону Антеры, Фрипорта или Манджари. Возможно, он действует в одиночку – стремится развалить империю или просто хочет выдти ее для себя. Ответов не было.

Неосведомленность бесила Адер, но она не забыла, сколько раз отец повторял ей: «Часто бывает, что хорошего пути нет. Это не повод стоять на месте».

Кончилось тем, что Адер, описав круг, вернулась к исходной точке: церковь Интарры, недавно бывшая ей смертным врагом, может оказаться спасением не только для династии Малкенианов, но и для Аннурской империи. Лишь Сыны Пламени были достаточно многочисленны и опыты, чтобы составить серьезную угрозу ил Торнье. Если она привлечет их под свою эгиду, у нее будет собственное войско. Если. Это слово было как приставленный к горлу нож.

И все же не время трусить. Она уже решила, уже приступила к делу, бежав от собственной охраны, и теперь оставалось попасть на юг, встретиться с Вестаном Амередадом, покорно признать свою ошибку с Уинианом и попытаться заново собрать армию, которую она так усердно уничтожала. Хорошего во всем этом было мало – разве что исход паломников в Олон позволял ей тайно бежать из города.

Казалось, пристать к ним будет просто: только и нужно что крепкие башмаки, плащ пилигрима и муслиновая повязка на глаза. Но сейчас, в толпе, живот у нее скручивало узлом. Адер почти не опасалась, что ее узнают, тем более под повязкой: в Аннуре и окрестностях насчитывалось под миллион жителей, и вряд ли кто из паломников часто бывал в Рассветном дворце. С другой стороны, Адер за свою жизнь много раз выезжала с императорской процессией и не счесть сколько дней председательствовала в суде. А всего несколько месяцев назад тысячи и тысячи аннурцев видели ее на похоронах Санлитуна. Остриженные волосы и паломническая одежда казались слишком ненадежной маскировкой перед таким множеством глаз.

Адер гадала, что будет, если ее разоблачат. Убийство принцессы – безумие, открытая государственная измена, но ведь никто в Рассветном дворце не знает, где она. Собратья по паломничеству могут избить ее в кровь, перерезать глотку и сбросить в канал, а никто и не узнает. В Пруд то и дело выносят трупы. Она представила свое раздувшееся тело, изуродованное лицо. Смотритель канала выловит ее длинным железным крюком, забросит на телегу и скинет в неглубокую могилу за городской чертой, даже не оглянувшись. Пропавшую принцессу так и не найдут. Ран ил Торнья останется на троне.

Она сжала челюсти, выбросила эту мысль из головы и принялась расталкивать толпу в поисках не слишком перегруженного фургона. Она купила только смену одежды, приличного размера мех для воды, шерстяное одеяло, чтобы укрываться в дороге, да запас фруктов и орехов на случай, если караван день-два будет идти по ненаселенным местам. Груз был невелик, многие из теснившихся на дороге Богов тащили в три-четыре раза больше – и все же кожаные ремни врезались ей в плечи, а мышцы шеи и спины сводило под непривычной тяжестью.

Оставалось только гадать, скоро ли она привыкнет к дорожным тяготам. Было искушение, скрипя зубами, волоочь мешок на себе, но ей делалось страшно при одной мысли о необходимости проходить пешком по пятнадцать миль в день. Многочисленность паломников служила

защитой и от ил Торнии, и от разбойников на дороге. Выбившись из сил, отстав от каравана, недолго погибнуть. Лучше заранее позаботиться о себе. За несколько медных светильников какое-нибудь семейство наверняка позволит ей забросить в свой фургон небольшой мешок.

Большинство телег было нагружено с верхом, к ним и подходить не стоило. Переделанные кареты, казалось, годились больше, пока она не разглядела вблизи, как выпячиваются их борта да прогибаются колеса. Адер мало понимала в экипажах, но эти, судя по всему, не доехали бы и до городских стен – куда там добраться до Олона. Она примеривалась к крестьянской телеге, когда гул разговоров вокруг прорезала свирепая брань:

– Ты, сухая мошонка, накрест перевязал! А я сказала, прямо! Прямо надо вязать!

Обернувшись, Адер увидела перед собой тощую старушонку – судя по белым, как кость, волосам, сколотым в узел на затылке, и глубоко прорезанным морщинам на обветренной коже, далеко за восемьдесят. Та громогласно распекала худошавого старичка – да так, что трудно было поверить, что столь трубный глас исходит из этого крошечного тельца. Она, хоть и горбилась, не столько опиралась на свою клюку, сколько тыкала ею в провинившиеся тюки.

– Кто бы поверил, – не унималась старушка, брызжа слюной, – что наша мамаша нас с тобой из одного брюха выперла. Вот дам тебе по дурной башке да и поеду сама, а ты как хочешь!

– Тише ты, Нира, – уговаривал, возясь с ремнями, старик. – Мы же теперь паломники. Кругом приличные люди, а ты что говоришь?

Речь его была точнее и куда вежливее, но голос вздрагивал, и глаза были пустые, словно он только что проснулся или безмерно устал.

– Пошли эти паломники в твою костлявую задницу! – отозвалась старуха. – Банда крептинов, в жизни не вязавших ярма и не чинивших оси.

Ее речь вызвала в толпе смутное недовольство. Люди отрывались от дел и сердито обращались к ругательнице. Кое-кто хотел было ответить, да сдержался из уважения к ее преклонным летам. Старик на других паломников даже не оглянулся да и на сестру не смотрел. Он неуклюже возился с неправильно затянутыми ремнями.

Выжил из ума, решила Адер, негодуя на женщину, оскорблявшую беспомощную старость.

– Я перевяжу лямки, сестра, – тихо проговорил старик, – если ты на минутку оставишь тюки в покое.

Старуха фыркнула, однако престала тыкать клюкой в поклажу и отвернулась от фургона, высматривая себе новую жертву. На глаза ей попала Адер.

– А с тобой что за хрень? – спросила она, щурясь исподлобья на девушку.

Адер остолбенела, не зная, как ответить.

– Слепая? – не отставала старуха. – Или дурная?

Она шагнула ближе, взмахнула клюкой перед носом у Адер, как лошадиный хлыстом непокорную лошадь.

– Шаэль сладчайший, мозги-то у тебя не раскисли?

– Нет, – отозвалась наконец Адер, стараясь говорить потише: старуха и без того привлекала слишком много внимания.

– Отлично, – бросила та. – Хватит с меня и этого, с жопой вместо башки.

Она ткнула в брата большим пальцем, возмущенно затрясла головой и снова обернулась к фургону. Адер облегченно выдохнула, но рано, потому что старуха задержалась, выругалась себе под нос: «Пускают же дурех бродить!» – и, словно нехотя, снова обернувшись к девушке, шагнула вплотную:

– Что у тебя за тряпка на глазах?

– Нира, – вмешался старик, покачав головой и устремляя вдруг взгляд в небо. – Тебе нет дела до девочки. А вот до той тучи... – он неопределенно махнул рукой, – дело есть. Туча, небо, дождь...

Старик замолчал, уставившись вдаль пустыми глазами.

– Дело не дело, отвали, Оши, – огрызнулась старуха. – Девка торчит тут поленом на колоде, пыхтит, как сука в жару, а ты про дело. Перевязал бы лучше проклятые ремни, коль уж взялся. Это тебе дело или не дело?

Она вновь обратилась к Адер и по-хозяйски махнула девушке:

– Не стой столбом, дай разобраться. Речная слепота, что ли? Насмотрелась я речной слепоты. Тут повязкой не поможешь...

Адер попятилась было, но со спины напирал народ, не давал уйти. Попытка растолкать толпу привлекла бы к ней еще больше внимания.

– Нет, не речная слепота... – забормотала она.

Еще не договорив, она спохватилась, как глупо врет. Она ведь уже сказала Лехаву, что страдает речной слепотой, но эта женщина, как видно, решила сама проверить. Адер испуганно прикрыла повязку ладонью.

– Наверное, что-то другое, – заговорила она чуть громче. – У меня не кровило и не гноилось.

– Дай-ка взгляну. – Старуха решительно потянулась к ее лицу, насупила брови. – Что толку от правды прятаться!

Адер отдернула голову.

– Я и не прячусь, – громче, чем хотелось бы, возразила она и, увидев, что к ней обращаются новые лица, в душе обругала себя. – Просто зрение меркнет. Мой врач велел завязать глаза и беречь их от света, чтобы отсрочить слепоту.

Старуха плюнула на широкие плиты мостовой:

– Врач, говоришь? И сколько добрых золотых солнышек ты выбросила на этого шарлатана?

– Он знает свое ремесло, – отрезала Адер.

– Ремесло это – доить богатеньких? – презрительно отмахнулась старуха; в ее острых глазах мелькнуло что-то сродни жалости. – Нет, девонька, когда зрение меркнет, тряпицей его не удержишь.

Адер медленно кивнула:

– Знаю. Потому и иду с паломниками поклониться Интарре. Может, богиня услышит молитвы и вернет мне свет?

Ход показался ей изящным: маскировка послужила заодно и оправданием. Одна легенда объясняла и повязку, и путешествие. Вот только Ниру она не убедила. Та склонила голову к плечу, впиалась в Адер суровым черным глазом и, казалось, могла смотреть так полдня.

– Вот и он туда же, – наконец заговорила старуха, махнув клюкой в сторону брата. – Надеется, что боги превратят его протухшие яйца в свежие. Я ему твержу, что скорее мои усталые сиськи встанут торчком, как у молодых, а я-то и то не рассчитываю.

– Сестра, – окликнул ее от тюков Оши, – не отбирай у девочки надежду. Интарра – древняя богиня, и пути ее неисповедимы.

– Это я древняя, – отрезала Нира. – И довольно намыкалась, чтобы сказать: свинья и та лучше богини.

Она махнула клюкой на чернобрюхую скотину, тычущую рылом в объедки под колесами фургона.

– Свинья, она настоящая. Свинье можно врезать... – Она ткнула скотину в бок, и та ответила ей возмущенным визгом. – Свинью можно пнуть. Коли ты одинок и неразборчив, можешь свинью и поиметь, а к утру зарезать ее на мясо. Свинья настоящая. Не то что твоя туманная божественная сука.

Оши покачал головой:

– Я объяснял тебе, сестра, как много значит в таких делах вера.

– Да-да, – торопливо закивала Адер. – Я тоже верю богине. Ее святым промыслием все кончится хорошо.

Она тараторила, поддельваясь под наивную юную паломницу.

Нира закатила глаза:

– Лучше в койке с калекой, чем целое корыто веры. Вера и убить может, и ты... – она ткнула в Адер острым пальцем, – запомни этот маленький урок. А что до хорошего конца, так для тебя, если быстро не поумнеешь, все и так скоро закончится.

Адер задумчиво кивнула.

Не дождавшись от нее ответа, Нира поморщилась и бросила взгляд на кишашую толпу.

– Давай-ка сюда, – понизив голос, буркнула она.

Старуха кивнула на задок фургона, от которого паломников разогнали визжащие черные свиньи. Адер не двинулась с места.

– Иди, говорю, лярва упрямая! – сверкнула глазами старуха. – Не то скажу, что на языке вертится, при всех, а это тебе навряд ли понравится.

Адер колебалась. Она бы рада была поскорей удрать от этой женщины, но удирать было некуда. Хуже того, в голосе Ниры ей послышалось подозрение, от которого волоски на загривке зашевелились. Еще чуть помедлив, Адер кивнула и шагнула к фургону, подобрав подол, чтобы не задеть грязных свиней. Когда борт скрыл их от стоявших вблизи паломников, Нира развернулась к девушке.

– Слушай, – зашипела она, бдительно стреляя глазами через плечо Адер, – если тебе вздумалось сбежать из дворца и разыгрывать слепую нищенку, надо думать, у тебя есть на то причины.

У Адер горло перехватило от страха.

– Я не... – заикнулась она.

– Брось, – отмахнулась Нира. – Никогда я не торговала чужими секретами и впредь не собираюсь. Девушка вправе соврать, если надо, по себе знаю, но...

Она тыкала в грудь Адер костлявым пальцем, подталкивая ее к неструганым доскам фургона.

– Без меня ты живо вляпаешься в дерьмо. – Старуха покачала головой, ковырнула грязь клюкой и сердито пробормотала: – Мало мне заботы с придурком Оши, так еще ты навязалась.

– Ты не обязана... – заговорила Адер, у которой сердце так и колотилось.

– Видит Шаэль, не обязана! – огрызнулась старуха, снова повысив голос. – Но без меня твою негодную задницу живо нашпигуют толстыми кривыми хренами. Мы и за стены выехать не успеем. Давай кидай мешок в кузов и сгинь с глаз моих, пока я не осерчала.

8

Валин смотрел в ночь за окном, холодный ветер обжигал ему лицо. Он сам вызвался стоять первую вахту, и его крыло, которое привыкло урывать минуты отдыха где придется, превратив плащи и мешки в одеяла и подушки, положив поближе оружие, мгновенно провалилось в сон. Остальные ненамного отстали от кеттрал, и к тому времени, как в небе заблестели первые звезды, не спал только Каден. Тот сидел, скрестив ноги, в шаге от Валина и неотрывно таранился через низкий подоконник того же окна. Оба долго молчали.

– Какой смысл сторожить, когда ничего не видно? – спросил Каден и кивнул на окно. – Я словно в чугунный котелок заглядываю.

Валин колебался. Он не рассказывал брату о пережитом в Халовой Дыре, не рассказывал о яйце сларна и полученных от него необычных способностях, не рассказывал... Да ничего он не рассказывал.

– А ты что не спишь? – спросил он. – Мы собирались выспаться, пока тебе не надо шагать в... эту штуку.

Бросив взгляд на кента, Каден кивнул, но лечь и не подумал.

– Вряд ли недолгий сон качнет весы в ту или другую сторону.

– А эти ворота и правда стоят по всей империи?

– Кажется, даже за ее пределами. Они на тысячи лет старше Аннура. Когда кшештрим их создавали, о границах империи никто еще и не думал.

– Однако отец о них знал, – упорствовал Валин. – И использовал?

Каден только руками развел:

– Так мне сказали хин.

– И где они? – спросил Валин. – Где аннурские ворота?

– Не знаю. Ничего похожего я никогда не видел. Да и не слышал о них, пока мне настоятель не рассказал.

– Как же получается, что люди не в курсе? – задумался Валин, разглядывая тонкие очертания арки. – Как отцу удавалось переноситься за полмира, чтобы никто ничего не заподозрил?

– Я много об этом думал, – признался Каден. – Вообще-то, это могло и не бросаться в глаза. Скажем, император переходит из Аннура в... допустим, в Лудгвен. В Лудгвене никто не знает, что он только что был в Аннуре. Подумают, что император просто прибыл без предупреждения. Какой-нибудь хронист мог бы потом все сопоставить, если бы вел подробные заметки и тщательно отмечал даты, но не так легко подробно записывать все передвижения императора. Сколько раз и мы не знали, где отец, а ведь мы во дворце жили.

Валин, подумав, кивнул. Он с детства помнил многодневные отлучки Санлитуна.

«Пребывает в раздумьях, – объясняла им мать. – Молится Интарре о вспоможении».

Валин никогда не мог понять, зачем нужны все эти раздумья и молитвы. А вот если принять во внимание ворота, то обеты, наложенные на себя Санлитуном, получали иное объяснение. Как там писал Гендран? «Стань слухом. Стань призраком. Пусть враги не верят, что ты есть». Свести себя к одним только слухам для императора непозволительно, но его обыденная отстраненность от простых людей позволяла незаметно исчезать из виду на несколько дней.

– Сколько лет, – покачал головой Валин. – Сколько лет мы ничего не знали.

– Мы были детьми.

– Мы были детьми...

Валин медленно выдохнул, посмотрел на облачко застывшего в ночном воздухе дыхания.

– Мне о многом бы хотелось его спросить, – сказал он.

Каден так долго молчал, что Валин решил, будто брат уснул. Но, оглянувшись, увидел его глаза, горящие в темноте, как угли.

– Каково оно? – заговорил наконец Каден. – Горе.

Валин не понял вопроса:

– Об отце?

– О ком угодно.

– Сам знаешь, – покачал головой Валин. – Ты только что видел гибель своего монастыря.

– Видел, – по-прежнему уставившись в темноту, отозвался Каден. – Видел. Там был один мальчуган, Патер. На моих глазах Ут проткнул его мечом.

– И ты спрашиваешь у меня, что такое горе? Тебе своего мало?

– Я спрашиваю, потому что ты не проходил обучения у монахов. Я чувствовал смерть Патера, мне казалось, у меня ноги отнимаются, но сейчас... Нас тренируют отстраняться от горя, проходить мимо.

– Я бы назвал это даром, Кент побери! – с неожиданной для себя горечью ответил Валин.

При одном воспоминании о Ха Лин – о том, как выносил из Дыры ее обмякшее тело, о ранах на ее плечах, о прикосновении ее волос – дыхание замирало в его груди.

– Порой, если только позволю себе задуматься, чувствую, будто у меня мясо с костей сдирают, будто рвутся все жилы, что не давали мне рассыпаться на части. Хотел бы я отстраниться...

– Может, и так, – ответил Каден. – А может, то, что легко отбросить, как разбитую чашку, не настоящее?

– Ни хрена себе не настоящее! – огрызнулся Валин.

У него кровь билась в висках, ныли сжатые кулаки. Нахлынули воспоминания: Балендин со смехом описывает мучения Лин на Западных утесах, кровь течет по шее Салии. В темноте перед ним пресмыкается безрукий Юрл. Он бы вырвал мерзавца у смерти, прямо из железной хватки Ананшаэля, чтобы убивать снова и снова, тысячу раз, чтобы расколоть ему череп...

Воздух с хрипом вырывался из легких. По спине стекал пот и остывал в ночном холоде. Он увидел обращенные к нему глаза Кадена, полные смятения или заботы.

– Что с тобой? – окликнул брат. – Валин...

Валин поймал его взгляд, сосредоточился на его голосе, сплел картинку и звуки в канат, чтобы подтянуться на нем из глубины, в которой тонул.

– Я в порядке, – выговорил он наконец, утирая рукавом лоб.

– По виду не скажешь.

Валин угрюмо хмыкнул:

– Порядок – понятие относительное.

Он хотел сказать что-то еще, словами разогнать напряжение, когда звук на самой границе слышимости заставил его прикусить язык. Каден заглянул ему в лицо:

– Что?..

Валин взмахом руки оборвал брата. Он слышал, как спит его крыло: тихо похрапывает Талал, ворочается Гвенна; он слышал шорох ветра о камень и даже рокот и шелест водопада в сотнях шагов к северу. Но было и что-то еще, что-то другое. Он закрыл глаза, весь отдавшись слуху. Шум крови в ушах мешал, и он готов был поверить, что ему почудилось. Но вот снова – трение ткани о камень. Кто-то за окном скользит по стене – тише ветра.

Валин, не раздумывая, ухватил брата за плечо, отшвырнул в глубину комнаты и своим телом заслонил от зияющего окна. Лезть по стене могли только кеттрал, и он, хоть и не представлял, как они отыскивали их след в горах, был к этому внутренне готов. Вытаскивая меч из ножен за плечом, он подтолкнул Кадена еще дальше и в душе возблагодарил Хала, что брату хватило ума не противиться и молчать.

Шуршание затихло, зато в воздухе возник странный запах, намек на запах дыма. Не от костра и не от очага. Дровяной огонь пахнет иначе, не так щиплет ноздри. У этого был иной привкус, опасный и знакомый по тысяче учебных заданий.

– В укрытие! – выкрикнул он, разбив ночную тишину. – Будет взрыв!

В тот же миг он повалил Кадена на пол и сам упал сверху, зажимая уши ладонями. Невозможно предсказать, какие боеприпасы применят нападающие, но первые мгновения после взрыва решат все. Каден под ним замер, а Валин сдвинулся так, чтобы лучше защитить брата. Что-то ударило об пол за его спиной. Он успел зажмуриться раньше, чем все вокруг побелело, и не открывал глаз, пока не угасла вспышка, оставив после себя самый обычный переполох, крики и вопли.

Все были живы. Он ощутил взрывную волну, но осколки не врезались в тело. И огонь его не обжег. Значит, они бросили дымовуху. Дымовуху и слепилку. Не хотят убивать, во всяком случае пока. С другой стороны, и на дипломатические переговоры это не походило. Дым и вспышки сеяли панику, подталкивали к ошибочным действиям. Так, первым делом – не паниковать, не спешить. Время еще есть. Не много, но есть.

«Медленно, – велел себе Валин. – Медленно».

Стоит поднять голову, дым ослепит и задушит, но на ладонь от пола воздух был сравнительно чист, и Валин держался этой чистой полосы. Он видел оружейные фонари своего крыла – оба остались гореть – и тени товарищей, движущиеся в скупом свете. На первый взгляд все казались одинаковыми, но голоса Валин теперь различал: визг Тристе, брань Гвенны и Лейта. Талал и Анник двигались почти неслышно. Со стороны нападающих не доносилось ни звука.

– Еще одно крыло кеттрал? – спросил, шевельнувшись рядом, Каден. – Твой Блоха?

– Возможно.

Валин пытался рассмотреть ситуацию с десятка сторон разом. Противник не подорвал здания, хотя это было бы совсем не сложно. Либо они собирались взять их живьем, либо, лучше того, увидели бойню в горах, опознали тела и сообразили, что все это значит.

«Будьте на нашей стороне! – взмолился про себя Валин. – Прошу тебя, Хал, пусть они будут за нас!»

– Что они... – заговорил Каден.

– Помолчи, – прошипел Валин, – и держись ниже дыма.

Он снова оглядел комнату, пересчитал тени. Не хватало Пирр, но куда могла пропасть убийца, Валин не знал и не догадывался. Его крыло встретило атаку, как учили: жались к полу, продвигались вдоль стен к дверям и окнам, к чистому воздуху. Беда в том, что бросившие дымовуху могли ждать их у тех самых дверей и окон, а заряженные взрывчаткой лестницы перекрыли самый очевидный путь отхода.

«Самый очевидный, – подумал Валин, прикидывая расстояние до зарядов Гвенны, – но не единственный».

Он нащупал в кошеле на поясе свистки для призыва кеттралов. Если птицы еще в небе, если его крылу удастся вырваться из здания, карниз достаточно широк, чтобы их подхватить.

«Если, – напомнил он себе. – Ты еще не на уступе, Кент его дери, и четверо твоих спутников даже не представляют, что такое посадка на лету».

Положение было отвратительное и грозило стать еще хуже.

В нескольких шагах от него поднялась на четвереньки Тристе. Ослепнув от дыма и растерявшись, она наугад ползла и пыталась закричать, но каждый раз давилась дымом. Обморока ждать недолго. Еще хуже, если до обморока она успеет встать и перевернется через низкий подоконник. Валин дернулся было к девушке, но тут же остановил себя: надо действовать в порядке важности задач. Каден – император, значит первый его долг – обеспечить безопасность Кадена, даже если Тристе разобьется насмерть.

Он оглядел узкое пространство между полом и удушливыми пластами. Крыло уже заняло оборонительные позиции по периметру – насколько это было возможно под стелющимся дымом – и замерло в ожидании с клинками и луками наготове. А вот Рампури Тан стоял в полный рост – вернее, шел: Валин видел его ступни и лодыжки. Монах осторожно и целеустрем-

ленно продвигался к братьям, нащупывал дорогу своим необычным копьём. В его движениях не было и следа безумия, охватившего Тристе. Валин обернулся к своим: Талал, прижимаясь щекой к каменному полу, махал ему рукой. Поймав взгляд командира, передал жестами: «Раненых нет. Оружие цело. Приказы?»

Валин позволил себе улыбнуться. Первая атака натворила дел, но не сломила их. Он сберег крыло и сберег Кадена. Даже лучше того: не успело сердце отбить двадцати ударов, а они уже опомнились. Если внезапность не сработала в первые четыре мгновения, ее, считай, и не было. Неплохо и то, что атакующие, похоже, хотят взять кого-то живым – какие бы ни были к тому причины. Это связывает им руки: стрел и «звездочек» можно не опасаться. Есть ли надежда на переговоры? Попытиться стоит, хотя Валин не слишком на это рассчитывал.

«Будьте готовы подорвать заряды, – жестами передал он, указывая на подготовленную Гвенной часть пола. – Ждите сигнала».

Талал кивнул, а Гвенна, зажав в зубах фитиль, на локтях поползла к выходу.

Нападавшие наконец заговорили:

– Валин.

Он узнал сухой, как хруст гравия, голос Блохи – высокий, чтобы дальше разноситься, но без следа нетерпения или тревоги. Говорили с крыши, от того угла, где была сорвана кровля.

«Полуготовность, – просигналил снайперше Валин. – Пока не стреляй».

Она кивнула и перекатилась. Нелепая позиция для стрельбы: лежа навзничь, отвернув голову на сторону, чтобы не дышать дымом, лук поперек туловища, – но для нее и такая выглядела естественной.

– Валин, – едва ли не с усталостью в голосе повторил Блоха, – я просто хочу поговорить.

Валин молчал. Поговорить – охотно, он на это и надеялся, но не собрался выдавать свою позицию. Все же, узнав Блоху, он вздохнул с облегчением. По Островам помнил его как человека сурового, но справедливого. С другой стороны, если командир крыла участвует в заговоре... Об этом Валину даже думать не хотелось.

Его крыло недурно умело выбираться из затруднительных ситуаций, но только тут вам не обычная засада типа «все пропало, кругом враги!». Там, на крыше, в десятке шагов от него, сидит лучший в мире командир малой группы – человек, буквально написавший книгу о том, как сорвать розу, не уколовшись; который в двадцать с небольшим отомстил Касимиру Дамеку за перебитые тем два старших крыла кеттрал; человек, который каждый год спускался в Дыру и ловил сларна перед Пробой. Кроме самого Гендрана, не было более почитаемого командира крыла, а сейчас он еще и имел преимущество высокой позиции, с которой мог свалиться им на головы.

«Так что соображай быстрее! – беззвучно зарычал на себя Валин. – Некогда о косяках думать».

– Послушай, – чуть выждав, снова заговорил Блоха. – Понятно, ты не можешь подать голос, чтобы себя не выдать. Все правильно делаешь. Да и вообще молодцом. Не представляю, как ты нас вынюхал до броска дымовух. Ты молод, но не глуп, так что я больше не стану оскорблять тебя старыми добрыми трюками. Мы сами учили тебя молчать, вот и молчи. Просто послушай. Никто не выскакивает с визгом из окон, и, кроме девочки, которая уже минуту как перестала кашлять легкими, все молчат, значит лежат пластом и дышат.

Он сделал паузу.

– Кстати, о девочке. Не хочешь перенести ее к окну?

Валин бросил взгляд на неподвижное тело Тристе. Он в запале и не заметил, когда она упала в обморок. Лицо блеее пепла, пальцы сведены – Валин снова потянулся к ней. И снова сдержался. Она лежит ниже уровня дыма и дышит чистым воздухом. Незачем ее куда переносить.

– Как хочешь, – продолжал, помолчав, Блоха, и тогда Валин сообразил, что тот и не думал отказываться от старых трюков.

На Островах они не один месяц учились использовать пострадавших гражданских и обращать против врага его чувство вины и героические порывы. В ушах, как сейчас, звучал лязгающий голос Неана Питча: «Если надо подбить какого ублюдка, стреляйте в живот. Раны в живот болезненны и убивают не сразу. Скорее всего, другой ублюдок полезет его спасать, и у вас еще на одного врага станет меньше». Блоха его испытывает, понял Валин, методично выискивает слабые места. Беда в том, что под его защитой слишком много гражданских.

Валин еще раз обшарил взглядом пол и прошипел Кадену:

– Ты сумеешь пройти через те ворота? Со своим монахом?

Каден, поколебавшись, кивнул.

– И за вами никто не увяжется?

– Нет.

Валин ухмыльнулся. Вот этого трюка Блоха никак не ожидает. Лучше того, как бы ни сложилось дальше, Каден отсюда вырвется. Стоит еще немного оттянуть атаку – и император будет в безопасности. А тогда и послушаем, что скажет Блоха. Если он не блефует, может, что-нибудь и придумаем, а если нет... По крайней мере, брат не попадет в кровавую баню.

– Вперед, – шепнул Валин, ползком продвигаясь вперед. – Твоего монаха прихватим по пути.

Едва они тронулись с места, Блоха снова подал голос:

– Можешь сказать Анник, чтобы опустила лук. Из такой позиции она никуда не попадет. Игре конец, детка. Мы держим окна и лестницу тоже, хотя Гвенна так постаралась с зарядами, что вы и сами по ней не спуститесь. Ньют говорит, у девчонки настоящий талант.

Пауза. Валин не мог понять, как удастся Рампури Тану стоять на ногах в дыму, но движущееся из стороны в сторону копье монаха быстро приближалось. Валин замер. В дыму Тан не мог их разглядеть и узнать, а неожиданное столкновение грозило клинком в брюхе. Валин подумывал, не удастся ли свалить его внезапным рывком... нет, Тан не из тех, кого так собьешь. Придется подать голос, а значит, выдать себя, но другого способа он не видел.

– Тан, – шепнул он так громко, как только осмелился, – со мной Каден. Опустись ниже дыма.

Копье замерло, а потом в нескольких шагах от них показались руки и лицо монаха. Тан медленно, протяжно выдохнул, взглянул на Кадена, на Валина и кивнул.

Он задержал дыхание, сообразил Валин. Наверное, не дышал с тех пор, как разорвалась первая дымовуха. Такое было возможно, хотя требовало выдержки, сравнимой с силой духа его бойцов, а их ведь этому дерьму обучали.

– Врата, – зашептал Валин, указывая на стену. – Вы с Каденом пройдете через них и будете в безопасности.

Монах кивнул, словно так и было задумано с самого начала.

– Мы вас прикроем, – сказал Валин.

– А как же вы? – спросил Каден.

– За нас не волнуйся. Справимся.

«Или попадем в плен. Или погибнем», – добавил он про себя и оглянулся через плечо.

Его люди держали позиции и ждали приказа. Не кто иной, как Блоха, сказал ему, кажется, целую жизнь тому назад: «Из них получится хорошее крыло». Они справляются, теперь его дело вывести их живыми.

Сначала Каден, потом переговоры. Валин снова пополз вперед. Если переговоры сорвутся, Гвенна подорвет пол. А там посмотрим, за кого сыграет внезапность.

– Валин, – чуть помедлив, произнес Блоха, – буду с тобой откровенен. Я видел, что стало с Ашк-ланом, видел убитых монахов. Мы нашли останки Юрлова крыла и валяющихся

по всему склону эдолийцев. Я никогда не считал, что ты способен на измену, а теперь, повидав все это... Выходи – обсудим, пока ты не наделал глупостей и Финну не пришлось всадить в тебя стрелу.

Валин прикинул, стоит ли отвечать.

– К тому же, – добавил Блоха, – ты уже можешь подать голос. Я все равно слышал, как ты там бормотал.

Валин глубоко вздохнул. Он выдал себя, но, вероятно, завязав разговор, выиграет время для Кадена.

– Дело в том, – громко сказал он, вспоминая, как несколько дней назад в горах по наивности велел своим людям сложить оружие, – что доверчивость меня в последнее время подводила.

Блоха хихикнул:

– Похоже, тех, кому ты доверился, она подвела еще сильнее.

– Ну да, нам повезло.

– Почему бы тебе не сложить оружие и не рассказать мне обо всем?

Валин напрягся. Ему хотелось верить этому человеку, но побери его Шаэль, если он снова доброй волей сдаст оружие... С оружием они все еще могут договариваться, торговаться, сражаться, а без... Хватит с него игры в кости.

– Представь птицу, – послышался вкрадчивый голос Тана от самых врат.

– Что? – вскинулся Валин.

– Это такое умственное упражнение, – тихо пояснил Каден.

– Провались ваша гребаная птица! – сплюнул Валин, мотнув головой. – Выбирайтесь отсюда! Пока Блоха мило со мной беседует, но это не навсегда.

Старший монах обратил к Валину каменный взгляд:

– Если Каден шагнет во врата без должной подготовки, он пропал. Спешить тут нельзя.

Валин разминал руку, готовя пальцы сжать рукоять меча. Ему казалось, что и его удача так же гнется и натягивается с каждым ударом сердца, едва не лопааясь.

– Долго еще?

– Чем больше будешь болтать, тем дольше.

Валин сглотнул просившийся на язык резкий ответ. Помочь Кадену он не мог, зато мог подготовиться к наступающей буре. Развернувшись на животе, он осмотрел комнату. Его тревожило исчезновение Пирр. Вроде бы она на их стороне, но Каден рассказывал, как она убила монаха только за то, что тот их задерживал. Хорошо бы взрывная волна выбросила ее из окна, но надеяться на такое счастье не приходилось, а мысль, что Присягнувшая Черепу затаилась там, где он не сможет за ней присмотреть, Валина не радовала.

А чему здесь вообще радоваться?

Гвенна отчаянно махала – как видно, не понимая, почему командир тянет время. Анник замерла, как статуя, а Лейт с Талалом разошлись к противоположным стенам.

«Выжидаем», – просигналил Валин.

Взорвать пол – это выход, но рискованный. Пока Блоха пытается завязать переговоры, есть шанс выбраться без кровопролития. Лишь бы он и дальше сидел на этой крыше, поцелуй ее Кент!

– Я не прикажу своим людям сложить оружие, – заговорил Валин. – Ты сам меня так учил. Но от переговоров не отказываюсь. Только пусть твои люди сидят наверху. А мои останутся внизу. Все культурно.

– По мне, годится, – сказал Блоха.

– А теперь, – бормотал Кадену Тан, – когда летящая птица скроется из виду, наполни сознание небом и шагни во врата.

Валин решился бросить взгляд через плечо и увидел глаза Кадена – всего в шаге от себя, но почему-то невероятно далекие, светящиеся, как угли в кузнечном горне, холодные, как звезды. Брат коротко кивнул ему и, встав на ноги, скрылся в дыму. Один шаг к стене – и его не стало.

– Получилось? – шепнул монаху Валин. – Он прошел?

– Узнаю по ту сторону, – ответил Тан и закрыл глаза – как видно, готовясь к переходу.

На том конце комнаты зашевелилась Тристе. Валин так и не решил, что с ней делать. В уме он перебирал варианты: она маленькая и легкая, можно унести на руках, но с ней он будет двигаться заметно медленнее; можно оставить ее Блохе как отвлекающий маневр. Девушка медленно подняла голову, в ее растерянных глазах стоял страх. Валин как раз собиравшись жестом показать ей, чтобы лежала тихо, когда за спиной девушки ударились об пол пара черных сапог.

– Отряд! – выкрикнул Лейт. – Северное окно!

Тристе повернулась, взвизгнула и, взметнувшись с пола, кинулась сквозь дым прямо к Валину с Таном. Кашляя и размахивая руками, она пронеслась вплотную к Валину – тот даже успел выбросить руку, нащупать пальцами ткань солдатской одежды. И вдруг девушка пропала.

«Врата!» – с ледяным комом под ложечкой понял Валин.

Она прошла во врата, а ведь ее не готовили, как Кадена.

– Ее больше нет, – сказал Тан. – Позаботься о себе.

Если судьба девушки его и огорчила, он ничем этого не выдал. Поднявшись и скрывшись в дыму, монах тоже сделал шаг и исчез.

Ушли. Двое монахов – и Тристе. Император спасен.

Валин развернулся лицом к прищельцу. Итак, все предложения Блохи были ложью, наживкой. Валин потянул из ножен второй клинок, приготовился к броску и вдруг замер. Что-то в этих сапогах... Пирр!

– Стой, Гвенна! – крикнул он, откатившись от врат. – Они не...

Поздно. Уже рванули заряды, за отрывистым треском раздался оглушительный рокот каменной кладки. Валин бросился в сторону провала, присел, изготовившись спрыгнуть, как только пройдет оползень. Если и была надежда добыть свободу переговорами, теперь с ней покончено. Оставалось одно – прорываться.

Только вот рокот все не затихал. Теперь под ногами шаталось все здание, в провал пола посыпались камни с потолка. Он ни Кента не видел в дыму, но слышал, как возмущенно скрипят перекрытия. Валин осторожно шагнул назад, подальше от места взрыва, и тут камень у него под ногой подался.

9

– Давай еще раз, – велела Нира, тыча в живот Адер своей клюкой.

Адер попробовала отмахнуться, но старуха оказалась проворнее – коротко взмахнула палкой и снова ударила, на этот раз пониже спины. Адер, униженная и запуганная, бесилась, но деваться было некуда: Нира ее так прижала, что девушке ничего не оставалось, как решить задачу или терпеть бесконечную брань и синяки на заду.

– Еще раз, – повторила Нира.

Второе утро путешествия обещало быть приятным: прохладный влажный воздух, теплое солнце, вместо городского чада – запах земли и травы. Здания сменились обширными полями, широким небом и зеленовато-бурой лентой канала, несущего с юга яркие узкие лодки, выше бортов нагруженные товарами для Аннура. Сквозь повязку Адер не различала деталей, но видела цвета и ощущала непривычный для городской жительницы простор.

Хотелось верить, что она спасена; уйдя за границу города, вырвалась из когтей ил Торнии, но стоило оглянуться, Адер видела Копье Интарры – блестящий на солнце стеклянный шпиль надвое рассекал небо на севере. Двадцать лет там был ее дом. А теперь при виде башни потели ладони. Адер старалась не оглядываться.

Оши сидел на крыше фургона, из-под золотого одеяния паломника палочками торчали тощие запястья, а в руке старик держал грушу – который час разглядывал, так и не надкусив. Вместо груши он жевал прикушенную изнутри щеку и немелодично мычал себе под нос. Нира шагала рядом и цокала языком, погоняя буйволов. Повозка пристроилась в широкий разрыв между передовыми и отставшими – места здесь хватало, и Адер почти забыла, что бежала от главного врага, затерявшись среди других. Хорошо было бы совсем забыть. Да вот беда, Нира не давала.

– Повторяй, девочка, – приказала она, стукнув тростью в борт фургона.

– Меня зовут Дореллин, – устало заговорила Адер. – Я дочь купца...

– Чем он торгует?

– Тканями.

– Какими?

– Большой частью сай-итским шелком, но дополняет ассортимент крашеным сукном с севера.

Нира в изнеможении выдохнула:

– Мешкентов хрен торчком, какая же ты тупая!

Адер вспыхнула, в негодовании забыв про страх:

– А что не так с импортом сукна и шелка?

– Прежде всего, – Нира принялась загибать узловатые пальцы, – «ассортимент».

«Импорт».

– Вполне употребимые слова, – отбивалась Адер.

– Для того, кто жизнь прожил во дворце, в тепле и неге.

У Ниры временами менялись и выговор, и манера речи. В целом старуха выговаривала слова по-деревенски, пересыпая речь сочными ругательствами, но иногда, как сейчас, срывалась на более изысканные обороты, чем выдавала, что умеет говорить, как пристало женщине, просто не дает себе труда.

– Я же рассказываю, что отец богат. Вполне правдоподобно, что он дал мне образование.

– Да уж, правдоподобно! Только нам не правдоподобие, дерись оно конем, надобно. И кстати, это приметное, как монетка, словечко тоже не вправе скатываться с твоих пухлых губок. Нам нужна полная неприметность. Эти придурки... – она махнула скрюченной лапкой в сторону золотых одежд впереди и позади, – тупостью немногим тебе уступают, но все же они

не совсем безмозглые. Хочешь, чтобы о тебе сплетничали: «Умная девица эта Дореллин. Так хорошо говорит, столько всего знает...» – Старуха вздернула бровь. – Ты этого хочешь?

– В империи полно красноречивых и сведущих девиц.

Нира фыркнула:

– Да ну? С чего ты взяла? В доках насмотрелась? Или околавываясь на Сером рынке, болтала с другими купеческими дочками? – Она нахмурила лоб. – Ну? Много ли ты видела купеческих дочек со своего маленького принцессного трона?

– Послушай... – Адер видела, что старуха права, но признавать этого вслух не желала. – Я ценю твоё желание помочь, но, по-моему, это ни к чему. Я и сама справлюсь. Думаю, лучше нам в дальнейшем заниматься каждой своим делом и заботиться о себе. Люди скорее заметят наши разговоры, чем обратят внимание на одинокую молодую женщину.

– Опять глупость, – огрызнулась Нира. – Твою дурь уже ведром черпать можно!

Адер вдруг вскипела, шагнула вперед, загородила старухе дорогу, вынудив остановиться. Она была на голову выше и использовала каждый дюйм своего роста, чтобы свысока бросать слова.

– Я принцесса Аннур! – прошипела она. – Я из дома Малкенианов и до побега из дворца служила министром финансов. Понятия не имею, кто ты такая и с чего вздумала, будто за меня отвечаешь, но, ценя твою помощь, не потерплю в дальнейшем ни такого тона, ни такого обращения.

Выговорив все это, она заметила, что тяжело дышит и воздух обжигает ей горло. Ее тирада не заняла много времени, и говорила она так тихо, что другие паломники слышать не могли, но их быстро догоняла другая телега, и Адер резко развернулась и зашагала вперед, не заботясь, идет ли за ней старуха. Страх обручем сжимал сердце. Одно дело – злиться на Ниру за муштру, а другое – открыто, едва не у всех на глазах, на нее огрызаться. До сих пор женщина старалась ей помочь, но если передумает, то несколькими словами легко разрушит все возведенное ею здание лжи.

«Глупо! – бранила себя Адер. – Глупо и безрассудно».

Через несколько шагов она услышала за спиной стук палки о дорожный булыжник. Старуха так спешила, что дышала с присвистом. Адер прислушалась: нет, это не свист. Нира взвизгивала от смеха. Нахлынувшее облегчение тут же сменилось новой вспышкой гнева.

– Дуреха-то ты дуреха, но с характером. Ну давай повтори все заново, а не то всем расскажу, кто ты есть.

Адер глубоко вздохнула, сдерживая ярость и зарекаясь впредь отвечать на уколы. У купеческих дочек тоже есть гордость, но не та, что у принцесс, а Нира – наверняка не последняя, кто ее оскорбит. Если взрываться всякий раз, когда ее заденут, она не доживет до конца паломничества. Чтобы добраться до Олона, Вестана Амередада и Сынов Пламени, надо держать себя в руках.

Адер уже открыла рот, чтобы заново отгарабанить свою историю, когда сидевший на фургоне Оши вдруг разрыдался. Он содрогался всем телом, тощая грудь вздрагивала, рука, еще сжимавшая грушу, потянулась к лицу.

– Нет, – всхлипывал он. – Нет, нет, нет...

Нира поморщилась и свернула к фургону, забыв про Адер. Старуха с удивительной ловкостью взобралась по тюкам и села рядом с братом.

– Бросай-ка скулить и стонать, – приказала она. – Кому это надо – слушать, как старый дурак хнычет над надкушенной грушей?

Слова были жестокими, но рука Ниры ласково гладила брата по спине. Слезы скатывались на золотой балахон Оши. Сквозь повязку пятна казались не слезами, а ожогами на ткани.

– Она умерла, Нира, – всхлипнул старик, показывая ей грушу. – Я ее убил.

– Не ты убил, старый хрыч, – огрызнулась она, копаясь в поклаже, – а тот, кто сорвал. Да и не живой же ее есть!

Оши беспомощно покачал головой и прижал надкушенную грушу к морщинистому лбу, словно хотел поделиться с ней мыслями. Нира наконец нашарила грубую глиняную бутылку, выдернула пробку, отвела его руку с грушей и поднесла горлышко к губам брата.

– Вот, – сказала она, – у меня еще малость осталось. Тебе сразу полегчает.

Адер уловила запах неизвестной жидкости, одновременно сильный и едкий. У нее даже на расстоянии заслезились глаза, но Оши жадно потянулся, перехватил бутылку и запрокинул ее все выше, пока Нира его не остановила:

– Ну и хватит. Мало того что слезами залил, так еще обоссешь весь фургон.

Оши неохотно оторвался от снадобья, и Нира, вставив пробку на место, спрятала бутылку поглубже, куда не доставало солнце.

– Теперь доедай свою грушу, старый дурак, – приказала она, возвращая ему плод.

Старик откусил кусочек, подержал на языке белую мякоть и медленно стал жевать.

– Сладкая! – проговорил он, словно дивясь своему открытию.

– Как же не сладкая, дурень ты этакий, – отозвалась Нира, обнимая его за плечи. – Ясно, сладкая.

Адер вдруг стало неловко. Она отвела глаза. Ничего такого не было в старике и старухе, сидящих рядом: один жует грушу, другая смотрит на него сердито и любовно, и всё на виду, залитое теплыми лучами солнца. И все же, сама не зная отчего, Адер почувствовала себя лишней – подсмотревшей что-то, чего ей видеть не полагалось. Смущенная и пристыженная, она задержалась, чтобы окинуть взглядом канал, между тем как фургон, подскакивая на булыжниках, покатился дальше.

Она не могла представить на месте Ниры себя с Каденом или Валином. Даже в детстве, пока братьев не отослали из дворца, их разделяли возраст и пол, и невозможно было перекинуть мост через эту пропасть. Игры и фантазии мальчиков рядом с реальной политикой и интригами Рассветного дворца казались ей бессмысленным ребячеством.

– Тебе бы лучше остаться с братьями, – сказал ей однажды Санлитун, когда она просилась присутствовать на каком-то из императорских приемов. – Постаралась бы получше их узнать.

– Что там узнавать? – обиделась Адер (ей тогда было восемь, значит Кадену пять, а Валину и того меньше). – Младенцы. И играют, как младенцы, и орут. Я хочу с тобой, хочу заниматься важными делами.

– Они вырастут, Адер, – возразил, потрепав ее по плечу, Санлитун. – Настанет день, когда ты им понадобишься, особенно Кадену.

И все же отец взял ее с собой, позволил молча и смиренно сидеть на расшитой золотом подушечке справа от Нетесаного трона, пока сам занимался делами империи. А потом однажды братья пропали, их услали куда-то на край земли...

Много лет Адер почти не замечала их отсутствия. Сперва ее поглощала учеба. Когда подросла, Санлитун стал давать ей все более ответственные поручения: приветствовать иностранные посольства, годами набираться опыта в разных министерствах, выезжать ненадолго за городские стены (конечно, под надежной охраной), изучать сельское хозяйство и производства. Когда ей исполнилось пятнадцать, Санлитун велел даже поставить в своем кабинете второй стол, такой же как у него, только поменьше, и они допоздна засиживались в понимающем молчании: он – над ежедневными правительственными донесениями, а она – разбирая порученную ей стопку бумаг или карт.

Она знала, что так будет не всегда, что однажды вернется Каден, что отец когда-нибудь умрет. Но это ничуть не подготовило ее к случившемуся. А теперь она потеряла обоих родителей, дом остался далеко за спиной, впереди ждали лишь страх и зыбкие надежды, и только сейчас Адер задумалась, каково это – иметь брата, двух братьев, которые кое-что помнят о

детстве в Рассветном дворце, с которыми можно поговорить об отце и матери, которым можно доверять.

«Нам даже говорить не пришлось бы, – думала она, украдкой поглядывая на Ниру с Оши. – Были бы они только здесь».

Она почувствовала, что слезы заливают глаза, и, забыв о повязке, сердито утерлась рукавом. Неизвестно, где теперь братья, неизвестно, живы ли, а если и живы, надежды на них нет. Мечтай не мечтай, они ничем не помогут ни ей, ни империи. Они ей чужие, да и кто не чужой? Среди сотен паломников, в нескольких шагах от Ниры и Оши, она была совсем одна.

10

Не стало ни дыма, ни криков, ни шершавых плит под ногами. Из темноты и смятения Каден шагнул в дневной свет, под жаркое солнце, согревшее лицо и руки. Только солнце было неправильным. В Ашк-лане оно никогда не стояло так высоко, даже в летний солнцеворот. И ветер, теплый и влажный, как свежевывстиранная ткань, был пропитан солью. И звуки были неправильные: пронзительные вопли морских птиц, скрежет – словно сталь терлась о камень, – в котором Каден не сразу узнал шум прибоя. Острый аромат можжевельника – пропал. Холодная немота гранитных пиков – исчезла.

Из пустоты ваниате он отмечал впечатление за впечатлением, но не ощущал ни тревоги, ни удивления. Факты, и не более, подробности, которые следует отметить, перечислить. Вот земля. Вот небо. Ни страха перед непривычным зрелищем, ни восторга новизны. Вот над волнами небольшая птица с раздвоенным хвостом. Вот море.

Каден оглянулся на пустые ворота, почти ожидая увидеть за ними дым и безумие, услышать громкие приказы и отчаянные крики, от которых бежал. Но не было ни темноты, ни криков. За аркой кента долгими рядами скользила рябь волн, быстро и безмолвно пробегающих по спине океана. А где-то... в тысяче миль отсюда или в двух тысячах, в паре шагов за кента Валин сражался за жизнь – отбивался или уже попал в плен, умирал или уже погиб. Это было настоящим, но настоящим не ощущалось. Все казалось сном, все. Словно никогда и не происходило. Солнце, море, небо были слишком действительными, слишком здешними, и Кадену вдруг почудилось, будто он падает, оторвавшись от земли под ногами, от неба над головой и от самого себя. И тогда он отвернулся, ища опоры надежнее этой серой ряби волн.

Он стоял на траве в нескольких шагах от края скалы, отвесно обрывавшейся – на две сотни, а то и более футов – к подгрызающему основание прибоя. Волны били в скалу, взметали брызги. Слишком высокое солнце бросало на землю резкую, необычно укороченную тень кента, и Каден почти сразу понял, что стоит на острове, что этот остров не более четверти мили в окружности и со всех сторон обрывается в море. За обрывом до самого горизонта простирался океан, жаркое море размывало линию между тяжелым воздухом и тяжелой водой.

Большого он ничего не успел разобрать, потому что вывалившийся из ворот человек налетел на него, повалил на траву и разбил ваниате, как старый горшок. Не Тан – куда меньше Тана. Нахлынул страх, блестящий, словно лезвие ножа, и внезапный. Кто-то последовал за ним сквозь ворота. Это было невозможно, но и сами ворота казались невозможными. Кто-то навалился на него, нацелился ногтями в глаза, потянулся к горлу, ища опоры в извивающемся теле. За страхом пришло смятение, а за ним гнев, и Каден рывком вывернулся из-под врага, прикрыл глаза и шею, попытался снова овладеть своими эмоциями, навести порядок среди хаоса.

Длинные волосы. Шелковая кожа. Кричит, как зверь, когда смыкаются челюсти капкана. Пахнет сандалом.

– Тресте! – вскрикнул он, прижимая девушку к земле.

Живя среди хин, он не раз удерживал перепуганных коз во время стрижки, но девушка, хоть и была мала ростом, оказалась тяжелее козы и удивительно сильна для столь хрупкого сложения.

– Тресте, – повторил Каден, сдерживая голос, сдерживая собственные чувства и переливая в нее свое спокойствие, – ты в безопасности. Тебе ничто не грозит. Ты за кента. Они не пройдут...

Он замолчал, потому что девушка замерла в его руках и уставилась своими глазищами. Ее близость хлестнула его, как пощечина: движение ее бедер под его телом, вздымающаяся грудь, хватающий воздух рот. Она успокоилась, паники как не бывало, и все же Каден не сразу выпустил ее запястья.

– Ты как? – спросил он.

В последний раз он видел ее лежащей на полу, отравленной дымом. Но и очнувшись, она не могла пройти сквозь ворота. Его к этому, что ни говори, годами готовили. Он, как наяву, услышал слова Шьял Нина: «Целые легионы проходили сквозь кента и попросту исчезали». И все-таки она здесь, теплая кожа касается его кожи, полные губы приоткрыты, дышит ровнее...

– Каден, – судорожно вздохнув, заговорила наконец девушка.

В ее устах имя прозвучало непривычно, как на чужом языке, на древнем наречии, сохраненном только в молитвах.

– Как ты прошла кента? – снова спросил он, и еще настойчивее: – Как там Валин?

Она покачала головой:

– Не знаю. Я очнулась от кашля. Темно было. Кто-то хотел меня схватить, я побежала... и упала... сюда. – Она огляделась и с боязливым трепетом спросила: – Где это мы?

– Далеко оттуда, где были, – покачал головой Каден.

У Тристе округлились глаза, но ответить она не успела – из ворот шагнул Тан. Если девушка вывалилась из-под арки в отчаянном страхе, словно выброшенная из свалки на той стороне, то монах двигался быстро, но обдуманно. И глаза его были холодными, как зачерпнутая из зимнего колодца вода, равнодушными, словно у ящерицы, и далекими.

«Он в состоянии ваниате», – сообразил Каден и задумался: бывают ли у него самого такие глаза?

Монах окинул взглядом островок, на арку невероятных врат глянул, как на пожухлый куст можжевельника. Ни огромное небо, ни море вокруг его не заинтересовали, а вот когда он обернулся к Кадену с Тристе, в глазах что-то мелькнуло – словно большая рыба прошла под толстым озерным льдом. Зрачки расширились на волосок, и он, по короткой дуге занеся копьё-накцаль, упер наконечник в пульсирующую на горле Тристе жилку.

– Ты что? – вскинулся ошеломленный Каден.

– Оставь ее, – тихо приказал Тан. – Отодвинься.

– Что случилось?

– Отодвинься.

– Хорошо.

Каден расцепил их переплетенные руки и ноги. Он потянулся было к копьё – отвести или остановить удар, но удержал себя. Тристе могло убить легчайшее движение.

– Хорошо, – повторил он, вставая и поднимая руки.

Хоть он и стал императором, но даже перипетии последней недели не избавили его от привычки повиноваться наставнику. К тому же в голосе монаха прозвучало что-то новое, резкое и опасное. За месяцы мучительного ученичества Каден что ни день слышал в нем равнодушие и пренебрежение, но такой смертоносной сосредоточенности – ни разу, даже когда Тан готовился к схватке с ак-ханатами. Всматриваясь в лицо монаха, он не мог понять, сохранил ли тот ваниате. Ледяной взгляд Тана пришилил Тристе к земле, заставил стянуть на груди эдолийскую форму. Блестящий наконечник накцалья упирался ей в горло.

– Что ты такое? – чеканя каждый слог, спросил Тан.

Она перевела взгляд с Кадена на море вокруг и покачала головой:

– Не понимаю, о чем ты спрашиваешь...

Тан чуть шевельнул запястьем, и острие сдвинулось на палец – гладкая сталь скользнула по гладкой коже. Тут же по его следу выступила кровь – три горячие капли под горячим солнцем.

– Перестань! – сказал Каден, шагнув к ним и пытаясь понять, что происходит.

Только что они думали лишь о бегстве из ловушки, в которую превратился старинный приют, забыв обо всем, кроме кента и ваниате, и теперь у Кадена первый вопрос был – как там брат, как идет бой, жив ли еще Валин? А Тан набрасывается на Тристе. Отчего вдруг? Тристе

на их стороне. Она помогала выбраться из монастыря, она вместе с ним бежала от эдолийцев по головокружительным тропам Костистых гор, она, когда понадобилось, превосходно сыграла роль приманки, отвлекая внимание врага, – ее стараниями они справились с Утом и Адивом. Без нее бы они это не осилили – свидетельством тому рана на щеке, нанесенная Пирр. Каден потянулся к девушке.

– Не смей, – приказал Тан.

– Я не позволю ее убить, – объявил Каден.

Сердце заходило у него в груди. Он усилием воли обуздывал его, выравнивая его ритм вместе с дыханием.

– Не тебе решать, – отозвался Тан. – Даже ты должен понимать это.

Каден колебался. На стали накцаля краснела кровь Тристе.

– Ладно. – Он отступил на шаг. – Помешать тебе я не сумею, но прошу не спешить.

Подумай!

– Это ты подумай, – отрезал Тан. – Подумай, как она сюда попала. Как прошла врата.

Прежде чем бросаться ее защищать, подумай, что это значит.

Между тем Тристе не дернулась даже от пореза на шее. Ее минутную панику как рукой сняло.

– Что ты делаешь, монах? – осторожно спросила она.

Тан захватил ее в неудобном положении – она полусидела, но держалась без натуги. И голос, только что срывающийся от страха, теперь не дрожал. Будто разлеглась на диване в Рассветном дворце.

– Что ты такое? – снова спросил Тан.

– Я Тристе, – ответила она.

Но голос принадлежал не Тристе. Был старше, тверже, уверенней. Каден слушал и всматривался в ее лицо.

– Мы вместе бежали из Ашк-лана. Мы добрались до Ассара. Кто-то на нас напал, и тут я провалилась в... – Она чуть заметно кивнула в сторону кента. – В твои врата.

– Все это я знаю, но больше не верю. Пустой Бог строг. Он не терпит эмоций, а ты провалилась в кента, вопя и корчась от страха.

– Ты ошибся в своих теориях и потому приставил копьё мне к горлу? – Тристе вздернула бровь. – Разве я виновата, что ты не разбираешься в кента?

Все не так, думал Каден. Все не так. Он изучал лицо девушки. Где девичья наивность, где ужас, где смятение, пролившиеся на него минуту назад? Почему Кадена под ее взглядом пробирает дрожь?

– Я разбираюсь в кента, – ровным, как доска, голосом ответил Тан. – Не разбираешься ты.

– Тан, – нерешительно заговорил Каден, – а может, врата... ослабли за все эти тысячелетия? Может, теперь в них всякий может пройти? Что, если они работают не так, как мы думали?

Монах помолчал. Позади них, внизу, волны грызли утес. Пот уже промочил Каденов балахон.

– Они не ослабли, – наконец ответил Тан. – Мой орден их испытывал. Пройти врата могли только хин. И ишшин. И кшештрим.

– Нет, – снова заговорила Тристе.

Словно забыв о клинке у горла, она покачала головой. В ее голосе вновь звучал страх, дикий страх, словно девушка только сейчас заметила угрозу.

– Я не кшештрим.

Каден пытался собрать и разложить по полкам новые сведения: обвинения Тана, растерянность Тристе, ее молниеносные переходы от ужаса к стальной уверенности и снова к ужасу, бьющая в глаза нереальность самих врат. Уже второй раз с тех пор, как вышел из кента, ему

чудилось, будто он теряет опору, висит над этим клочком земли среди плещущего моря, где монах – или не монах – с девушкой, которая, может быть, и не девушка вовсе, сцепились взглядами над древком копья давно вымершей расы.

– Тан, – произнес он, – нам нужно...

– Ты вот что уясни, – перебил монах, прорезав голосом голос Кадена, как резец прорезает мягкую древесину. – Ты император Аннура, но мы не в Аннуре. То, что ты овладел ваниате, означает только это, и не более: ты овладел ваниате. Ты по-прежнему не умеешь ни ясно видеть, ни отчетливо размышлять, ни быстро убивать, а эти три навыка могут потребоваться тебе очень скоро. Ты все еще не различаешь фактов за чувствами. Ты еще не стал тем, чем должно.

– Вот тебе факт, – сказал Каден. – Она мне помогла.

– Одна ель – еще не лес.

– Как это понимать?

– А так, что ее история не сводится к помощи тебе, вовсе не сводится. – Не отнимая накалила от горла Тристе, Тан бросил взгляд на Кадена. – То, во что веришь, уничтожь.

«То, во что веришь, уничтожь». Еще одна премудрость хин. Каден не один год овладевал и этим умением.

Ты веришь, что небо голубое? А ночью? А в бурю? А в тучах?

Ты думаешь, что не спишь? Забавно. А если ты видишь сон? А если ты уже мертв?

Каден угрюмо взялся за дело. По словам Тристе, ей предназначалась роль наживки, которая будет отвлекать Кадена, пока эдолийцы не окружают шатер и не перебьют монахов. Если так, она представлялась явным излишеством. Он попытался вообразить ту же сцену без Тристе: прибытие имперской делегации, пир, возведенный шатер... Могли бы обойтись и без нее.

А какой выносливой она показала себя в горах! Держалась наравне с Присягнувшей Черепу и двумя монахами, всю жизнь носившимися по горным тропам. И это – девушка, выросшая на бархатных подушечках в храме Съены? А откуда бы ей знать древний язык Ассара? Откуда она вообще узнала о погибшем городе? И кента... Как она невредимой прошла сквозь ворота, которые должны были ее уничтожить?

Каден заставил себя обдумать слова Тана. Если верить убитому Валином командиру крыла кеттрал, этому Сами Юрлу, в заговоре против его семьи участвуют кшештрим, и появление ак-ханатов это подтверждает. Стали бы бессмертные существа с божественным разумом и непоколебимой логикой целиком полагаться на людей, таких как Тарик Адив и Мисий Ут? Каден смотрел на Тристе, пытаясь избавиться от ставших привычными мыслей, развеять пелену предвзятости. Она казалась совсем юной, но кшештрим бессмертны, неподвластны возрасту. А это непоколебимое спокойствие, которое она обнаружила минуту назад, сбросив маску...

– Сотни лет тому назад... – заговорил Тан так, словно они собрались за столом в трапезной Ашк-лана, словно его копье не упиралось в горло Тристе и не стекала по шее девушки красная струйка, пачкая ворот ее рубахи.

Девушка следила за ним, как насторожившийся зверек, – напрягшись всем телом, изготовившись к бегству.

– В последние годы правления атмани, когда владыки-личи двигали друг против друга могучие армии, обращая в прах, кровь и пепел крестьянские дома, стирая с лица земли целые города, двое ганнан из холмов к северу от Чуболо, рискуя собой, спасали детей.

Не в привычках Тана было затягивать рассказ, но, пока монах говорит, он не убьет Тристе, а значит, у Кадена будет время собраться с мыслями.

– Те ганнан, мужчина и женщина, шли из города в город, из селения в селение, порой поспевая ко времени, когда небо позади уже затмевала поднятая войском пыль. Они отдали все, что имели, чтобы раздобыть фургоны и съестные припасы. В Сарай-Поле их ждали корабли – корабли, которые обещали перевезти детей на Баск, куда война еще не добралась. Родители

вверяли им свое потомство, поднимали в кузов фургона хнычущих младенцев, наставляли детей постарше заботиться о младших и смотрели вслед каравану, совсем немногим обгонявшему наступающее кровопролитие. Корабли ждали их, как и было договорено. И, как обещали, они увезли детей до того, как войска Рошина захватили Восточный Ган. Они, как и обещали, прибыли в Ганабоа. Они спаслись. И пропали.

– Какое отношение это имеет ко мне? – округлила глаза Тристе. – При чем тут это?

Каден покосился на нее и снова обернулся к старому монаху:

– Куда они пропали?

– Этого долго никто не знал, – ответил Тан. – Войны атмани на десятилетия ввергли мир в хаос. Люди гибли несчетными тысячами: сперва в сражениях, потом от голода и болезней. Люди не могли отстоять свои дома и посевы. Баск был далеко, считай, на краю света. Родители молились за детей, некоторые наскребли монет, чтобы отправиться на поиски, но найти их не сумел никто. Тогда вмещались ишшин. Прошло больше тридцати лет с тех пор, как двое незнакомцев увели детей, но пятнадцать ишшин все же напали на их след на южном побережье Баска. Там сплошные джунгли. Там почти никто не жил, но среди холмов они отыскивали маленькую хижину, а под хижинной – цепь пещер в известняке, и пещеры эти были тюрьмой. Огромной тюрьмой.

– А дети? – спросил Каден.

Тан пожал плечами:

– Повзрослели. Или умерли. Или стали калеками. А вот те ганнан, спасшие их мужчина и женщина, не постарели ни на день.

– Кшештрим.

Тан кивнул.

Тристе с ужасом уставилась на него:

– Зачем им нужны были дети?

– Для опытов, – мрачно ответил монах. – Изучать, испытывать. Они хотели знать, как мы устроены, как работает наш разум, чем мы отличаемся от них. Тысячи лет назад они нас едва не уничтожили, но мы о том забыли, а кшештрим ни на миг не забывали о войне.

Монах повернулся от Тристе к Кадену, ударил взглядом, как молотом:

– Подумай, какое терпение – десятилетиями, веками дожидаться бедствия, которое позволит увести столько детей. Подумай, какой скрупулезный план – накопить денег, приготовить стоящие на якоре суда, пещеры и камеры. Кшештрим мыслят не днями и не неделями. Они живут веками и эпохами. Те, кто выжил, выжили благодаря уму, жестокости и терпению. И при всем этом выглядят они как ты да я. Или... – Тан кивнул на Тристе. – Как она.

– Нет. – Тристе снова покачала головой. – Я бы такого ни за что не сделала. Я не из их числа!

Монах не слушал ее, обращался только к Кадену:

– Это не другое дело, не моя личная месть, которая собьет тебя с пути. Если она – кшештрим, значит она участвует в заговоре против твоей семьи и империи. Сотри из памяти Адива и Ута. Вот существо, которое несет в себе правду.

Каден, пристально разглядывая сперва монаха, потом девушку, сопоставлял и соображал. Она не похожа на бессмертное бесчеловечное чудовище, но, если верить Тану, не походила на чудовищ и похитившие детей ганнан. Родители отдали детей, поверив кшештрим... То, во что веришь, уничтожь! К этому все сводится.

– Ты ее не убьешь, – сказал он.

– Нет, конечно, – согласился монах. – Нам нужны сведения. Но это меняет дело.

– Какое дело?

– Ишшин, – пояснил Тан. – Я с самого начала опасался этого пути, а теперь сомневаюсь вдвойне.

Каден обдумал его слова. Сколько он знал наставника, старый монах, казалось, не ведал опасений: его не пугали ни Шьял Нин, ни Мисийя Ут с Тариком Адивом, ни даже ак-ханаты.

– Ты, – медленно заговорил Каден, – беспокоишься, как ишшин отнесутся к Тристе. К тому, что она прошла кента.

– Можете не брать меня с собой, – подала голос девушка. – Отправьте обратно за врата.

– Я не давал тебе слово, – отчеканил Тан, крепче прижимая острие копья к шее Тристе.

Девушка открыла рот, чтобы возразить, подумала и снова опустилась на траву, признав поражение. Кадену хотелось ее утешить, заверить, что все будет хорошо, но слов утешения не находилось. Если она то, чем ее считает Тан, утешения для нее – пустой звук.

– А что будет, если ишшин примут ее за кшештрим? – спросил Каден.

Монах нахмурился:

– Ишшин непредсказуемы. Долгая война против кшештрим лишила их многих человеческих черт, и не в последнюю очередь – способности доверять. Ишшин верят ишшин. Все прочие для них – глупцы или угроза.

– Но ты был одним из них, – напомнил Каден. – Разве они не послушают тебя?

– Это целиком зависит от того, кто их возглавляет.

– А кто их возглавляет?

Тан помрачнел:

– Северянин по имени Кровавый Горм, но тот уже десятки лет не появлялся в Сердце.

– А где он? – удивился Каден.

– Выслеживает кшештрим, – ответил Тан, – среди ургулов и эдов. Вопрос в том, кто руководит ишшин в его отсутствие.

Он помолчал, разглядывая Тристе. Та отвечала ему испуганным взглядом – так заяц смотрит на явившегося вынуть его из силков охотника.

– В любом случае, отдав им ее, мы наберем пару очков. Теперь в мир выходит не так много кшештрим. И совсем редко ишшин их находят.

– Она не товар, чтобы ее на что-то выменивать, – сказал Каден.

– Нет. Она куда опаснее.

– Я не то, что ты думаешь, – тихо, без капли надежды проговорила Тристе. – Не знаю, как я прошла врата, но я не то, что ты думаешь.

Тан опять всмотрелся в ее лицо.

– Возможно, – бросил он наконец и обратился к Кадену: – Оставайся здесь. Так безопаснее. Я возьму девушку и переговорю с ишшин.

Каден оглядел продуваемый ветром островок.

– Безопаснее? – подняв брови, повторил он. – В любую минуту из этих врат могут выйти ишшин. Если они не поверят мне, когда я приду с тобой, то, неожиданно застав меня здесь, точно убьют на месте. – Юноша покачал головой. – Нет. Я это начал, я и доведу до конца. Кроме того, ишшин мне нужны. Узнать то, что мне требуется, мог бы и ты, но мне нужно с ними поговорить, завязать отношения.

Он понятия не имел, как Тристе прошла кента, не представлял, как встретят Тана бывшие собратья, не знал, как поступит, если окажется, что Тристе лгала, но факт оставался фактом: кшештрим затеяли заговор против его семьи, убили отца, и, значит, Каден теперь император. Он не правит Аннуром – пока не правит, – но пойти к ишшин в его силах.

– Я с вами, – тихо сказал он.

Тан выждал несколько ударов сердца, всматриваясь в ученика.

– Безопасного пути все равно нет, – кивнул он наконец.

– Это как же? – тихо взмолилась Тристе. – До того, как я прошла врата, ты уговаривал Кадена туда не ходить!

– Как раз потому, что ты прошла врата, я передумал.

– Не понимаю... – прошептала она.

– Там, и только там я смогу узнать о тебе правду.

Тристе обратила испуганный взор на юношу:

– Каден...

– Я должен знать точно, Тристе, – покачал тот головой. – Если он ошибается, я тебя освобожу. Я сам тебя выведу, даю слово. Но ради отца, ради родных я должен знать.

Девушка отвернулась, бессильно поникла.

Тан сделал знак Кадену:

– Сними свой пояс. Свяжи ее. Мертвым узлом.

– А ноги?

– Ноги спутай. Тут недалеко.

Каден снова огляделся: пройденные им кента оказались на острове не единственными. По краю обрыва выстроились десятки тонких хрупких арок, словно весь этот клочок земли был когда-то фундаментом огромной башни. Он представил, что за страшная буря могла бы ее разбить: бастионы, откосы, крепостной вал – смыть все это в море, оставив лишь ворота, двенадцать каменных арок, разверстых, как безмолвные рты.

– Эти ворота, – качая головой, рассуждал он, пока снимал с себя пояс. – Нин о них рассказывал? Эти ворота хранили правители рода Малкенианов.

Только сейчас Каден начал осознавать, какую власть они давали. За несколько шагов переноситься на другой край империи... Неудивительно, что Аннур простоял столько веков, между тем как другие королевства рассыпались и гибли. Император, способный за несколько шагов перенестись с севера Вашша на запад Эридрои, – почти бог. Кадену едва не мерещилось, как из кента выступает отец – по обыкновению, в задумчивости упершись подбородком в грудь. Но нет... Санлитун мертв. За ворота теперь отвечает Каден.

– За дело, – велел Тан, указывая ему на Тристе.

Каден встал коленями на сырую землю. Когда он переворачивал девушку на живот, та поймала его взгляд. Руки Кадена действовали грубее, чем ему хотелось бы. Он привык связывать коз и баранов, а не людей, и слишком туго затянутый ремень врезался в ее мягкую кожу.

– Оставь петлю, чтобы ее вести, – сказал монах.

– Тебе это нравится, – с омерзением в голосе заметила Тристе.

– Нет, – тихо ответил Каден, – не нравится.

Она сжала зубы, когда он затянул узлы, но взгляда не отвела.

– Прожив жизнь в храме Съены, поневоле узнаешь кое-что о мужчинах. Министры, монахи – все вы одинаковы. Вам это доставляет удовольствие. Все вы сразу чувствуете себя такими сильными.

Каден не понял, рычит она или всхлипывает. Он хотел возразить, уверить, что это только из осторожности, но Тан не дал ему времени:

– Не спорь с ней. Заканчивай, и пойдем.

Каден колебался. Тристе жгла его взглядом, в ее глазах стояли слезы. Потом девушка отвернулась. Но до того он успел запечатлеть сама-ан ее ярости – лицо человека, которого предали. Он глубоко вздохнул и сделал еще один виток, прежде чем затянуть узел. Коза выбралась бы из таких свободных пут, но Тристе не коза, а затягивать туже он не хотел. Все происходящее представлялось ему ошибкой.

«Я не делаю ей больно, – напомнил себе Каден. – И если Тан прав, это вопрос жизни и смерти».

Здравая мысль, и все же он чувствовал, как то, что хин называли «животным мозгом», возмущенно бьется в стальной клетке рассудка.

Покончив с узлами, он по указанию монаха поднял Тристе на ноги. Девушка шаталась. Острие нацеля не отрывалось от ее горла.

- Сюда. – Тан кивнул на врата у дальнего края острова. – Она первая.
- Все это ни к чему, – произнесла Тристе.

Она словно забыла о Кадене, говорила со старшим монахом так, будто младшего здесь не было.

- «И это за всю мою к ней доброту...» – подумал юноша.

Каден с удивлением ощутил в себе обиду и попытался затоптать эмоции, как затаптывают выпавший из очага уголек. Тан не ответил, лишь слегка шевельнул копьем, вынудив девушку сделать шаг.

- А которые ведут в Рассветный дворец? – осторожно спросил Каден.

Возможно, старый монах не ошибся, возможно, Тристе и вправду кшештрим. Злоумышленница, преследующая некие туманные цели, и в этом случае Каден исполнит, что должно. Сумеет ли он ее убить? Он попытался вообразить: это как зарезать козу... Точное движение ножа, хлещет кровь и воздух из горла, последняя судорога – и конец. Если окажется, что Тристе в ответе за резню в монастыре, за смерть Акйила и Нина, за Патера, за отца, он, наверное, сумеет это сделать. Но если она невиновна, если у Тана помутилось зрение, тогда Кадену не помешает разбираться во вратах.

- Они как-то помечены?

– Отсюда в Рассветный дворец нет хода, – ответил Тан. – Нин верно говорил о кента династии Малкенианов, но кшештрим создали не одну сеть. Об этом острове, об этих вратах твой род ничего не ведал. Как и хин.

- Тогда откуда ты... – нахмурился Каден.

- Знания ишшин древнее и полнее, чем знания хин.

Монах остановил их перед аркой, неотличимой от остальных. Вблизи Каден увидел врезанную в замковый камень надпись – одно слово или несколько, не понять. В Аннуре, как выяснилось, водились знатоки, способные разобрать эти угловатые значки, но Кадену не довелось учиться у аннурских знатоков.

Он разглядывал надпись, сдерживая любопытство осторожностью, но заговорил не он, а Тристе:

- Куда они ведут?

- Что же ты не прочитаешь? – ответил Тан.

Девушка закусил губу, но промолчала.

– Неподходящее время ты выбрала для уловок, – заметил монах. – В Ассаре ты на этом языке читала.

- Я не кшештрим, – упорствовала девушка. – Хоть и могу прочесть.

- И что здесь сказано? – настаивал Тан.

- Тал Амен? – помолчав, отозвалась Тристе. – Нет. Тал Амьен.

Каден покачал головой.

- Неподвижное... я? – щурясь, попыталась перевести она. – Отсутствующее сердце?

- Мертвое Сердце, – заключил Тан.

Страх погладил Кадену спину холодным пальцем. Арка не отличалась от остальных: тонкая, неподвижная, почти гостеприимная. Сквозь нее виднелись чернохвостые морские птицы над волнами, разбивающиеся о волны солнце. Угадать, что ждет на той стороне, было невозможно, но перевод Тана пророчил прием еще менее радушный, чем предложил этот пустынный остров.

- Мертвое Сердце. – Каден пробовал слова на вкус. – Что это?

- Там темно, – сказал Тан. – И холодно. Когда войдешь в кента, удержи дыхание.

- Кто пойдет первым?

– Она. – Монах копьем подтолкнул Тристе. – Если сторожа станут стрелять, пусть лучше ее проткнут стрелами.

11

Блоха их ждал.

Валин перекатился, вскочил на ноги, рукой прикрывая голову от осыпающегося щебня. Он подхватил отброшенный при падении второй меч, высматривая во взбаламученном дыму и каменной пыли свое крыло и сдерживая сердцебиение. Он заставлял себя видеть и, будь оно все проклято, думать и уже понимал – что-то не так.

«Слишком светло! – сообразил он, шурясь и сгибая левый локоть (сильно ушиблен, но перелома нет). – Свет!»

Понимание обрушилось, как пинок в живот. Из почти полной темноты наверху он провалился в свет фонарей. Он даже сквозь дым видел, как на том конце поднимается Талал, как Лейт зажимает ладонью висок. Парные клинки лежали перед пилотом, всего в шаге от него, но шаг в такой тесноте равнялся миле. Гвенна тоже спрыгнула вниз, и Анник – все по плану, и все же, едва Валин различил всю картину, живот свело еще сильнее.

Свет исходил от трех оружейных фонарей – таких же, как у его крыла, расставленных по периметру комнаты.

Он прищурился.

Здесь было не одно его крыло. В других фигурах, также одетых в черную форму кеттрал, Валин узнал давних знакомых по Островам. Мужчины и женщины нацелили ему в грудь обнаженные клинки и стрелы.

– Остановись, Валин, пока еще все целы.

Снова голос Блохи, на этот раз не с высоты крыши, а из-за окна. Еще миг – и командир крыла шагнул в комнату и кивнул, оглядывая завалы.

– Подрыв пола – умный ход, – оценил он. – Рискованный, но толковый.

– Кто не рискует, тот гниет, – заметил Афорист.

Подрывник крыла Блохи – маленький, уродливый, с длинной, не красившей его бородой и блестящими глазами – притаился в дальнем конце помещения, нацелив на Гвенну охотничий лук.

– Правильно Валин доверился девчонке. Она свое дело знает.

– Отвали, Ньют, – рыкнула на него Гвенна; она еще до взрыва вложила мечи в ножны и сейчас сидела с пустыми руками, уставившись на Афориста. – Я еще успею нашпиговать «звездочками» твою уродскую задницу.

В нескольких шагах от них забулькала горлом Сигрид са-Карнья. Лич крыла Блохи, несмотря на бледную кожу, считалась первой красавицей Островов – ошеломительная блондинка с северного побережья Вашша, которой жрицы Мешкента в детстве вырезали язык. Объяснялась она жестами или условным кодом из кашля и горлового хрипа.

– Моя прекрасная подружка оценила твое красноречие, – услужливо перевел Афорист.

– Скажи прекрасной подружке, что потом займусь ею, – сплюнула Гвенна.

Сигрид не ответила. Не отводя от подрывницы блестящих голубых глаз, она провела кончиком ножа – ее единственного оружия – по своему предплечью. По следу стального острия протянулась тонкая кровавая линия. Женщина нацелила окровавленный клинок в горло Гвенне. Не то чтобы та испугалась, но все же, как заметил Валин, тяжело сглотнула. В Гнезде наравне с похвалами красоте Сигрид ходили рассказы о ее жестокости; сам Блоха считался требовательным, но справедливым наставником, а вот слухи о его крыле были много мрачнее.

– Как ты узнал? – кашляя, выдавил Валин.

Голова у него гудела, во рту, у корня языка, ощущался горячий и горький привкус крови. Он чувствовал в себе темное бешенство – гнев на Гвенну, без приказа подорвавшую заряд. Гнев

на себя, не сумевшего переиграть Блоху. Он стиснул зубы, выжидая, чтобы схлынула волна ярости. Никто не погиб. Это главное. Взрыв, обнаженные клинки – и никто не погиб. Еще есть время договориться, поторговаться. Может быть, Блоха пока не намерен их всех убивать, может, они что-нибудь придумают.

– Откуда ты знал, что мы подорвем пол?

– Мы старые солдаты, Валин, – покачал головой Блоха.

Усталости в его голосе было больше, чем торжества.

– Ты правильно расположил лагерь, заготовил пути отхода. Против другого крыла отбилась бы, а тем осталось бы только глотать пыль да браниться.

– Но против нас твое крыло, – бледно улыбнулся Валин.

Блоха пожал плечами:

– Говорю же, мы старые солдаты. – Он кивнул на Анник. – А теперь прикажи ей бросить лук. Тогда и поговорим.

Кроме Валина, оружие при падении сумела удержать одна Анник – тетива ее лука была натянута, а стрела нацелена на Блоху. Если смерть на кончике ее пальца и тревожила ветерана, тот этого не показал. Его испещренное морщинами лицо вообще было невыразительным.

На Островах хватало ветеранов, выглядевших как истинные кеттрал от макушки до пят – гора мышц, орехи зубами могут колоть... Только не Блоха. Маленький, смуглый, поживший, с рябым лицом и седым пушком на лысине, он, на взгляд Валина, больше напоминал усталого от полевых работ крестьянина, чем самого успешного за всю историю Гнезда командира крыла.

– Мы не можем остаться без оружия, – подала голос Анник. – Помним, что было в прошлый раз.

– Не знаю, что было в прошлый раз, – вмешался в разговор Финн своим приятным глубоким баритоном благовоспитанного человека, – но внимательный наблюдатель заметит, что вы, строго говоря, уже безоружны.

Снайпер Блохи сидел, свободно откинувшись на дверной косяк, и лук держал на сгибе локтя. Он был, как нарочно, полной противоположностью Блохе: высокий, с оливковой кожей, с чудом уцелевшим в жестоких переделках лицом и почти неприлично красивый. Улыбался он, блестя в свете фонарей белыми зубами и будто извиняясь за свои слова.

– Оружие удержали только Валин и Анник, за что я их похвалю, но даже Валину не хватает одного клинка.

– Кто еще здесь? – спросил Валин, не слушая снайпера: чтобы составить план действий, ему нужно было представить картину в целом. – Другие крылья?

– Кое-кто еще вас ищет, – признал Блоха, – но горы обширны. Я бы сказал, нашли вас только мы.

Значит, если дойдет до боя – пятеро против пяти. Фонари слепили глаза, и Валин прищурился, оценивая обстановку. Ши Хоай Ми, пилота Блохи, нигде не видно. Стало быть, пятеро против четверых, что дает некоторое преимущество. Только численное преимущество и кучки теплого дерьма не стоит, когда ты под прицелом и укрыться негде. И когда твои противники тоже кеттрал.

«Спокойней, – сказал себе Валин. – До боя еще не дошло».

Блоха, цокнув языком, снова кивнул на Анник:

– Так вот, насчет лука...

– Ты же понимаешь, – заговорил Валин, вглядываясь в лицо командира ветеранов в надежде разгадать его намерения. – Это страшный риск. Мы и так у вас в руках. Если ты солгал... Ты требуешь от меня не просто пойти на риск, а подвергнуть опасности крыло.

Блоха задумчиво поджал губы.

– Дело в том, – подумав, сказал он, – что иногда рискуешь по своей воле, а иногда – по принуждению.

– Есть разница: стеречь дверь или отпереть ее, – кивнул Афорист.

– И пожалуйста, – говорил Блоха, – скажи Талалу, чтобы не делал глупостей. Как правило, личей мы вырубаем первыми, но я пожалел его голову. Проявил доверие. Однако все мы знаем, на что он способен, так что, если дернется, кто-нибудь его пристрелит.

Талал встретил взгляд Валина. На бритой макушке лича блестел пот. Ночь была холодной, но у Валина тоже промокла от пота одежда, сердце колотилось о ребра. Среди кеттрал ходило много легенд о командирах, которые в схожей ситуации – в проигрышном положении, застигнутые врасплох – сумели тем или иным отчаянным ходом спасти свое крыло. Только Валин таких ходов не видел. Любое движение, попытка сопротивляться вели к поражению и гибели. Даже стрела, которую Анник так усердно наводила на Блоху, не устоит перед странными способностями Сигрид. Валину отчаянно не хотелось разоружаться, но, как заметил Блоха, иногда приходится рисковать, потому что другого пути нет. Локоть дергало, болела голова. Сухая глотка, казалось, не могла издать ни звука, и все же его слова прозвучали достаточно отчетливо:

– Отставить, Талал. Анник, всем отставить.

Чуть помедлив, Анник опустила лук. Талал повиновался с явным облегчением.

– Бывает так, – одобрительно кивнул Ньют, – что продолжающий биться – дурак, а уступивший – боец.

Блоха его не слушал.

– Где еще одна? – спросил он. – Женщина с ножами?

– Не знаю, – покачал головой Валин.

Он не видел Присягнувшей Черепу с тех пор, как Тристе, испугавшись ее сапог, ринулась к воротам, а Гвенна подорвала пол. Пирр должна была провалиться вместе со всеми, но Валин ее не заметил.

– Неосведомленность меня нервирует, – сказал Блоха, сделав короткий знак Финну Черное Перо.

– И меня нервирует, – отозвался Валин. – Она не наша.

– А на вид как будто с вами. Не лги мне, Валин. Мы за вами наблюдали. Видели и монахов, и девушку. Где они все?

Валин колебался: о чем можно говорить, о чем нельзя? Тан уверял, что никто другой во врата не пройдет. Каден на свободе. В безопасности. По крайней мере, в теории. Проверять ее Валин не видел причин.

– Не знаю, где они, – повторил он.

Блоха растянул губы. Пальцы замелькали, подавая новые знаки. Валин их не понял.

– Ты играешь со мной, Валин, – обратился к нему Блоха, – а здесь для игр слишком много стали.

Сигрид с Афористом сменили позиции, прикрывая Финна, а снайпер поднялся на ноги. Держа перед собой лук, он шагнул в темный коридор за дверью, приостановился и застонал.

– Что там? – спросил Блоха.

Финн повернулся: рот разинут, одна рука – грациозным, плавным жестом, будто он собирался отдать поклон, – указала на торчащую в груди рукоять ножа. Он постоял еще мгновение, брызжа кровью изо рта, и упал. Его тело еще не ударилось об пол, а Блоха уже приказывал:

– Жги, Сиг! Ньют, трави!

Неполное мгновение Валин просто тарашился на мертвеца. Он успел понять две вещи: Пирр убила Финна, никто не убил самого Валина. Обдумать он ничего не успел – по коридору прокатились разрывы. Пустой черный проем дверей затянуло голубым пламенем. Работа Сигрид, понял Валин. Не взрывчатка, а ухищрения личей. Если Пирр оставалась в коридоре, ей конец, но все же Ньют, обнажив клинки, бросился в огонь. Сигрид небрежно отмахнулась

от Анник с Талалом, и те скрючились, как от удара. Стрела лучницы улетела в открытое окно, а лук чуть не вывалился из руки.

Крыло Блохи пришло в движение, а Валин все не шевелился. И никто из его крыла тоже. Он переступил ногами, попятился, создавая дистанцию между собой и атаковавшим его Блохой. Первый удар Валин отбил, парировал второй, под третий поднырнул, но парные клинки мелькали слишком быстро. Валин не успевал отслеживать их движения. Он больше не пытался думать, положившись на вымуштрованное тем же Блохой тело: парировал, рубил, колол, маневрировал, делал выпады и уходил от выпадов... а потом все кончилось так же быстро, как началось. Его меч замер в откинутой в сторону руке, наткнувшись на один из клинков Блохи, а второй клинок ветерана прижался к его горлу.

– Я не знал... – заговорил Валин.

Блоха покачал головой, взглянул сурово:

– Ты убил Финна.

Валин через плечо бросил взгляд на скорчившееся тело снайпера.

– Пирр... – произнес он.

– Не надо, – оборвал Блоха. – Разговорам конец.

Валин застыл. Положение было безнадежным. Хуже чем безнадежным. Блоха мог перерезать ему горло легчайшим движением руки. Бой кончился, не начавшись. И все же... Валин силился осмыслить происходящее. Блоха его не убил. Никто его не убил. И рядом, при всем безумии ситуации, кричало и сражалось его крыло. Значит, Блоха решил брать их живыми. Тонкая нить надежды, но большего у Валина не было. Он глубоко вздохнул, поднял руки, показывая, что сдается, и тут же с ревом, в котором ярость смешалась с ужасом, рванулся вперед, прямо на блестящее острие меча, запрокинув голову, чтобы совсем открыть горло.

Мелькнула мысль, что он прогадал, сам напоролся на чужой клинок, но нет. Блоха, как и надеялся Валин, опередил его движение. Командир ветеранского крыла, выбравшись, стремительным и неловким движением отвел клинок в сторону, и Валин не упустил преимущества – с силой отбросил противника к стене, выиграв пространство и возможность в свою очередь занести меч.

– Глупо, – мотнул головой Блоха.

– Послушай... – заговорил Валин, подняв руку.

Договорить ему не дали: что-то свистнуло над ухом, что-то мягко, едва ли не робко затрепетало, Блоха дернулся. В его плече торчал нож Пирр. Не опасная рана, но не отскочи он в последний момент, нож вошел бы прямо в горло. Блоха немедленно сменил позицию, выставив здоровую руку и уронив раненую в нижнюю защиту. По нему нельзя было заметить, что ему больно, но его движение дало Валину секунду оглянуться.

В комнате бушевали все владыки хаоса разом.

Чаша весов, поначалу явно склонявшаяся на сторону Блохи, с появлением Пирр и гибелью Финна резко качнулась в другую сторону. Ши Хоай по-прежнему не было видно, а значит, за Валином был перевес шесть к трем, причем Ньют занимался Присягнувшей Черепу – по-видимому, безуспешно, так что в комнате получалось пять на два.

К сожалению, использовать это преимущество пока не удавалось. У Анник лопнула тетива – постаралась Сигрид, – а заряды Гвенны в темноте и теснотегодились только для самоубийства. Значит, четверо из крыла Валина против Сигрид. Казалось бы, выгодный счет, но светловолосая колдунья держалась, обнажив парные клинки, и с одного из них уже капала кровь. Как раз, когда Валин оглянулся, Гвенна с бранью рухнула на пол, сжимая раненое колено, а Лейт отшатнулся под невидимым ударом.

Валин успел снова развернуться к Блохе и отбить падавший на него плашмя клинок. Плашмя! Валин опешил. Даже теперь, истекая кровью из пробитого плеча, Блоха не хотел его убивать. Бой двух крыльев все больше и больше походил на ужасное недоразумение.

Валин отразил еще два выпада, отступая, чтобы выиграть время и дистанцию. Будь они с Блохой здесь наедине, могли бы поговорить, но они были не одни. За спиной у Валина сталь пронзительно звенела о сталь, бранились Лейт и Гвенна и бушевал сверхъестественный пожар, разожженный Сигрид. Блоха еще сдерживал удары, но его крыло больше не следовало примеру командира. Валин не мог их за это упрекнуть. Где-то за его спиной лежал на каменных обломках Финн Черное Перо – человек, учивший их стрелять. Мертвый, провалилось оно все!

Валин не сводил взгляда с Блохи, искал слова, которые остановили бы это безумие. И не находил. Есть вещи, которых не исправить. Осталась одна цель – вырваться на свободу, пока никто больше не погиб.

Он свирепым вихрем ударов отбил клинки Блохи и развернулся.

– К дверям! – рявкнул он своему крылу, отмахиваясь мечом назад, чтобы прикрыть отступление. – К дверям!

Словно откликнувшись на его вопль, в комнату ворвался Ньют – он шатался, кровь из жестоко разрубленной головы заливала лицо. Валин отбросил его с дороги плоской стороной меча. Блоха настигал, а с дальнего конца комнаты кричал и махал руками Лейт. Они с Талалом держали дверь. Валин дернулся к ним, но на полпути его сбил на пол острый, горячий тычок в плечо. Стрела охотничьего лука, понял Валин, чувствуя, как боль от лопатки бьет в мышцы и пробирает до костей. Валин хотел оттолкнуться от пола, но раненая рука подогнулась, и он ударился об пол подбородком. Решили наконец убить или хотят задержать? Знать этого он не мог.

Боль и смятение заслонили взор черной ладонью, Валин сражался с подступающим обмороком. Стрела его не убила, но каждое движение отзывалось в костях, и жаркий огонь боли грозил поглотить с головой.

– Вставай, дрянь! – гаркнул кто-то в ухо, подхватывая его под мышки.

Гвенна, узнал он.

– Вставай!

Валин до крови прикусил изнутри щеку, и новая боль уравновесила, сдержала старую. Рука до плеча не действовала, но сведенные мышцы, чувствовал он, еще сохранили силу, звериную стойкость.

«Шевелись! – рявкнул он на себя. – Не то подохнешь!»

Он шевелился.

Анник с Талалом стояли в дверях, лицо лича сводило напряжением. Оба были в крови от десятка мелких ранений, но ведь даже Валин, которому, похоже, пришлось хуже всех, хоть и обезручел, сохранил боеспособность. Анник в этом хаосе каким-то чудом успела заменить тетиву – и прикрывала их, накладывая и пуская стрелы неуловимыми для глаз движениями. Валин протолкнул Гвенну за дверь и бросился следом, рухнув на пол, когда над головой прошелестела стрела.

– Как они, гады, прошли? – пропыхтел Лейт.

– Меня в данный момент больше интересует вопрос, – выступив из тени, проговорила Пирр, – как выйти нам.

Убийца держала в руках по узкому ножу. Капли свежей крови – как видно, чужой – забрызгали ей лицо, но в остальном она выглядела спокойной и расслабленной, как если бы резала морковь на ужин да оторвалась на минутку. Тыльной стороной ладони она убрала с лица выбившуюся прядь.

– Чего нам уходить? – огрызнулась Гвенна.

Она, склонившись, возилась с какими-то своими игрушками – какими, Валин не разобрал.

– Мы, мать их, побеждаем!

– Это хорошо, – протянула Пирр и стремительно вскинула руки – два ножа, вращаясь в воздухе, ушли в дверной проем. – Но ваши старые друзья не промах, а между тем было бы огорчительно, если бы мы вдруг перестали побеждать.

Валин подскочил к ней. Злоба схватила его за глотку, затмила весь мир, кроме лица убийцы. Он одним плавным движением поднял клинок к ее шее, и Пирр, хотя в руках у нее уже были новые ножи, не пыталась сопротивляться. Казалось, его припадок, скорее, позабавил женщину.

– Решил меня убить? – Она шевельнула бровью. – Пока не убил, хотела бы сказать в свою защиту, что из здесь присутствующих я одна могу справиться с вашими одаренными соратниками.

Свернувшийся внутри, затаившийся в мозгу зверь рычал: убей, убей, убей! Это так просто: одно движение – и конец. Он с трудом удержал меч, сдавленным голосом выдал из груди несколько слов:

– Ты это начала, убивая их...

Пирр пренебрежительно отмахнулась ножом:

– Начали они, подкравшись ночью с оружием.

– Я бы с ними договорился, – огрызнулся Валин.

– Неужто? – удивилась она.

Над головой Валина просвистела стрела, и еще одна прошла мимо, потому что он шархнулся к стене.

– Сдается мне, они не склонны к переговорам, – договорила Пирр.

Еще две стрелы. Стреляли вслепую, сквозь дым. Как видно, Блоха больше не пытался взять их живьем.

– Дальше что? – окликнул Лейт.

Он отступил на десяток шагов дальше, к лестничным ступеням, а Анник с Талалом все еще держали дверь.

– Убивай ее или не убивай, – буркнула Гвенна, стремительно заряжая свое оружие, – только без болтовни.

– Не убивай, – сказала Анник. – Она нам нужна.

– Валин, – простонал Талал, – скорей, пожалуйста.

Валин встретил взгляд Присягнувшей Черепу, удержал меч у ее горла.

– Хватит смертей, – проскрежетал он.

Пирр указала острием ножа на дверь:

– Это ты им скажи.

– Хватит убивать!

– Ты мне нравишься, Валин, – отозвалась Пирр. – Такой милый, добродетельный юноша.

Но работаю я не на тебя.

Валин выдохнул и надавил на клинок, пустив ей кровь. Убийца не отшатнулась. Даже не вздрогнула.

– Ты готова за это умереть? – спросил он.

– По-моему, ты не понимаешь, – улыбнулась она. – Присягнувшие Черепу всегда готовы умереть. В этом разница между мной и тобой. В мою пользу.

– Валин! – выкрикнул Лейт.

Еще мгновение, и Валин опустил клинок. Он ненавидел эту женщину – ненавидел за то, кем она была, за бой, навязанный ее бездумными действиями, но, пока бой продолжался, она, как верно сказала Анник, была им нужна. Их стычка заняла считанные мгновения, но, когда свистят стрелы, мгновения – это все.

– Не отставай, – приказал он убийце. – Отстанешь – оставлю Блохе.

Не дожидаясь ответа, он повернулся к открытому проему и постарался прикинуть, как развернутся события. Блоха застрял в комнате, но это ненадолго. Ши Хоай где-то снаружи, и с ней тоже паршиво – некогда осторожно пробираться по коридору, проверяя каждую комнату.

– Они перестраиваются, – подала голос Анник, укрываясь за дверным косяком от стрелы, ударившей точно туда, где только что была ее голова.

Другого шанса не будет – это он понимал. Не дадут им шанса после того, как кровь Финна Черное Перо залила весь пол. Выбор не богат: бежать, убивать или умирать.

– Гвенна! – Валин сгрел ее за грудки. – Две «звездочки» в дверь!

Она мотнула головой:

– Все рухнет, Кент тебя дерит!

– Выполнять! – рявкнул он, нашаривая в поясном кошельке свистки для кеттралов.

Он не мог знать, кружат ли еще в небе их птицы, живы ли они, но иногда приходится просто бросать кости. Если они прорвутся из здания, если выберутся на уступ, у них будет шанс. Посадка на лету в темноте опасна, птица без пилота действует не точно и непредсказуемо. Слепая посадка в темноте со скального уступа – почти безумие, но даже безумие лучше прямого столкновения с успевшим перестроиться крылом Блохи.

– Талал, сумеешь перекрыть дверь? – спросил Валин.

Лич тяжело дышал, лоб его был залит потом. Валину даже показалось, что он не понял вопроса, но Талал кивнул.

– Хорошо, – сказал Валин. – Гвенна, дымовухи – в дверь. Талал, ставь щит. Гвенна, сюда «звездочки». И уходим. Я подзову птиц для посадки на лету. Хоть козла дерит, надо выбираться.

Дыхание у него сорвалось. Стреляная рана при каждом движении дергала плечо, пронизывала тело раскаленным гвоздем боли, но надо было двигаться. До уступа всего два этажа. Он пережил Халову пробу, два лестничных пролета как-нибудь одолеет.

– Посадка на лету – это захватывающе, – заметила Пирр. – Однако меня заботит, как справятся... не самые опытные.

Валин выбрался. Маневр был сложен даже для его крыла, потратившего многие часы на отработку. Но изменить он ничего не мог. Тратить время на посадку Ра – самоубийство.

– Держись меня, не пропадешь, – бросил он.

Пирр вскинула бровь и провела пальцем по порезу, оставленному на шее клинком Валина.

– Успокоил!

Валин хотел кое-что добавить, объяснить, что надо сразу хвататься за стропу и как важно подобрать ноги при отрыве от земли, но взрыв заткнул ему рот, разорвав воздух в коридоре и выбив его из груди, так что на слова духу не осталось. Из дыма тут же вывалилась Гвенна с окровавленной головой. Рукой она зажимала бок. Валин подхватил девушку здоровой рукой, а с другой стороны тут же подоспел Талал.

– Я в порядке, – проскрипела Гвенна, но он-то чувствовал, как тяжело она наваливается ему на плечо.

– Пошли! – крикнул он и поволок ее по коридору. – Ходу!

Пирр, оглянувшись на дымовую завесу, метнула туда еще один нож – Валин не рассмотрел в кого, – взяла на изготовку два новых и последовала за ними.

Они вылетели из здания на широкий уступ. После темноты и дыма приюта скала будто светилась под луной, и Валин, наполнив легкие свежим воздухом, впервые подумал, что спасение возможно. Он поднес к губам серебряный свисток и выдул несколько коротких нот, молясь Халу, чтобы не спутать сигнал в смятении и боли. План, выглядевший таким разумным до атаки Блохи, представлялся теперь смешной фантазией. Но менять что-то не было времени.

Он обвел взглядом верхние окна: из них огромными клубами валил дым. Хоть какое-то прикрытие на взлете. О местонахождении крыла Блохи он судить не мог, не знал, убили ли

кого-то «звездочки» Гвенны, между тем стрелок с луком мог бы отстреливать его людей на краю утеса, как сидячих уток.

– Где Ра? – шепнул Валину Лейт.

– Свисток не поводок, Кент его возьми, – огрызнулся Валин, взглядываясь в темное небо. –

Да я и не звал Ра.

Пилот опешил:

– Свихнулся? Как ты собираешься выбиратьсья?

Валин не ответил.

– Вот она, – сказал командир, помолчав.

Птица выглядела еще простой кляксой. Она бесшумно заходила под тупым углом – стандартный заход для слепой посадки – и целилась ровно в середину уступа.

– Жду дальнейших указаний, – подала голос Пирр.

Талал уставился на женщину, только сейчас осознав, как с ней будет трудно.

– Надеюсь, это все равно что вскочить на коня, – щебетала убийца. – Хотя я и с конями не очень ладила.

– Там будут две лямки, – заговорил Валин, с бьющимся сердцем взглядываясь в подлетающую птицу. – Хватайся за нижнюю.

Он обернулся к своим:

– Все будут снизу, значит по трое на лапу. Талал и Лейт, вам Гвенна...

– Сама справлюсь, – буркнула та, хотя лицо ее было серым, как камень, и на ногах она держалась с трудом.

– Просто позаботьтесь, чтобы она взлетела. Анник и Пирр – со мной, на дальней лапе. Не забывайте о проклятом обрыве, смотрите не промахнитесь и не сорвитесь. Схватился – держись, хоть плечи себе вывихни. Упавшему... – он махнул рукой в темноту, – конец.

– Мило поболтали, – бурно жестикулируя, заговорил Лейт, – но не пора ли двигать отсюда?

Валин придержал пилота за плечо:

– Рано.

– Во имя Хала, чего ты ждешь?

Валин до боли в глазах взглядывался в небо. Точно ли он рассчитал? Столько неизвестных, столько возможных ошибок. Если он просчитался хоть в чем-то, тогда и остальное...

И тут за первой птицей обозначилась вторая – сзади и выше.

– О! – теперь увидел и Лейт.

– Это точно Ши Хоай? – напряженно выдавил Валин: пилот куда лучше его различал кеттралов. – Вторая – птица Блохи или нет?

– Да. – Лейт сквозь зубы втянул в себя воздух. – Она же порвет птицу Юрла.

Валин уже дул во второй свисток, когда Ши Хоай нанесла удар. Она была сверху наискосок, ее кеттрал вцепился птице Юрла в загривок. Когда когти впились в шею, нижняя птица завопила, но кривой клюв бил и бил, выклеывая ей глаза. Своими когтями кеттралы могли выпотрошить лошадь. На Островах Валин наблюдал за их охотой, видел, как они отрывали головы овцам и уносили в когтях целую корову. Птица Юрла извернулась в воздухе, попыталась отбиться, но бой, почитай, окончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.